ВОЛШЕБНЫЯ СКАЗКИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ ПЕРВАГО ВОЗРАСТА,

ИЗДАННЫЯ

Анною Зонтагъ,

урож. Юшковою,

Почетнымъ Членомъ Общества Любителей Русской Словесности.

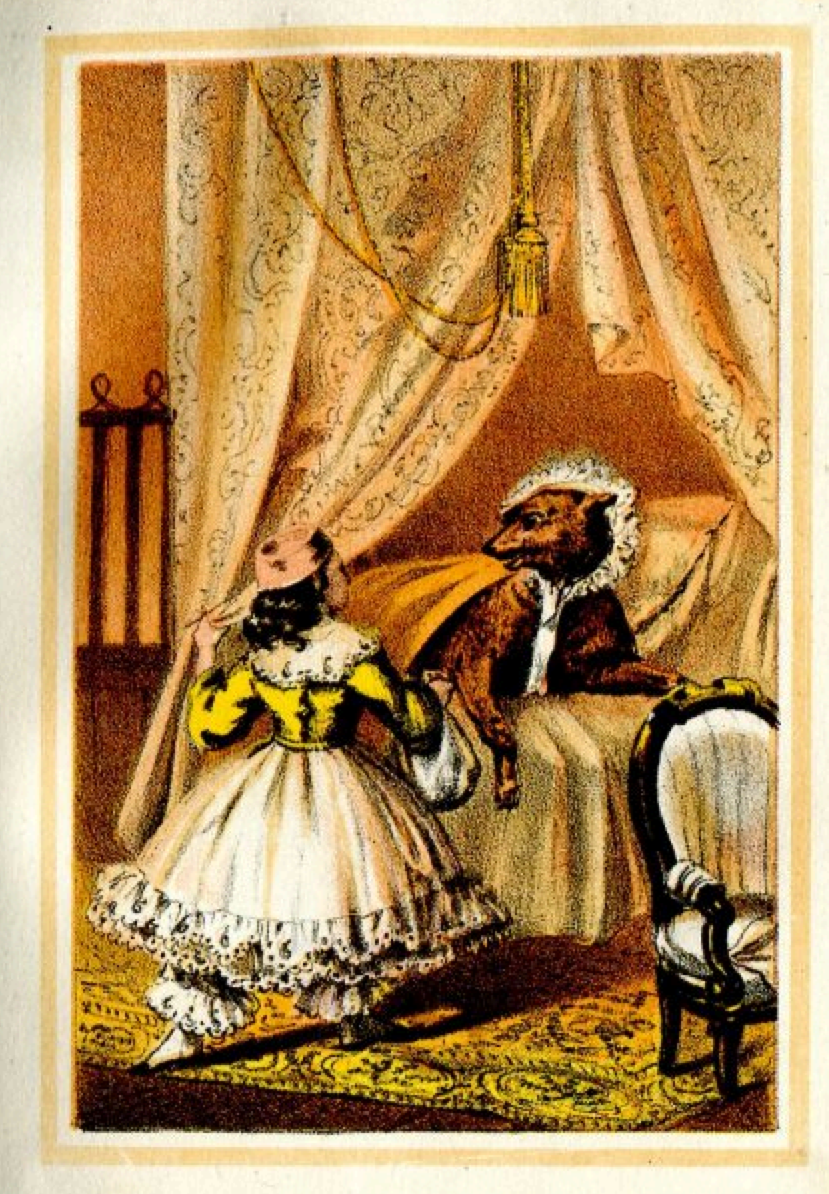
СЪ ОСЬМЬЮ КАРТИНКАМИ.

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ БРАТЬЕВЪ САЛАЕВЫХЪ.
1867.

Дозволено Цензурою. Москва, 22 Марта 1867 г.

ТИПОГРАФІЯ С. ОРЛОВА, НИКИТСКАЯ УЛ., Д. ЧЕРНКВОЙ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

И она робко подошла къ постели, отдернула занавѣсъ.

ТИПОГРАФІЯ С. ОРЛОВА, НИКИТСКАЯ УЛ., Д. ЧЕРНЕВОЙ

ОЛИНЬКА
и
Бабушка ея Назарьевна.

ПОСВЯЩЕНА КАТИНЬКѢ МОЙЕРЪ.

Въ маленькомъ уѣздномъ городѣ Б*** еще и донынѣ существуетъ слободка, называемая *Нищенскою;* она выстроена кое-какъ, безъ всякой правильности, по крутому скату горы, на берегу Оки, и состоитъ изъ нѣсколькихъ бѣдныхъ хижинъ. Въ одной изъ нихъ жила вдова Назарьевна, женщина уже пожилая, здоровья слабаго и не имѣвшая никакой родни. Все богатство ея составляли бѣдная хижина съ маленькимъ огородомъ, корова, отъ которой она продавала масло и молоко, и нѣ-

сколько куръ. Назарьевна была трудолюбива; работала, какъ говорятъ, не покладываючи рукъ, и, пока была въ силахъ, жила не только не нуждаясь ни въ чемъ, но въ нѣкоторомъ еще довольствѣ: много ли надобно женщинѣ одной и неприхотливой? Она была извѣстна многимъ по своей честности, хорошему поведенію и доброму сердцу.

Однажды ночью (это было въ первыхъ числахъ Іюля), Назарьевна была разбужена крикомъ младенца, подъ самымъ ея окномъ; она поспѣшила встать съ постели и, вышедъ за ворота, на завалинкѣ своей избушки, увидѣла маленькую новорожденную дѣвочку, завернутую въ худой лоскутъ холстины. Дѣвочка не была крещена, потому что на шейкѣ ея не было крестика. Назарьевна поспѣшила отнесть малютку въ избу; напоила ее молокомъ, согрѣла, и бѣдная, брошенная сиротка спокойно провела ночь у сострадательной Назарьевны.

На слѣдующее утро, Назарьевна пошла рано къ приходскому Священнику, и понесла къ нему свою находку. Священникъ

совѣтовалъ отдать малютку въ Воспитательный Домъ; но Назарьевна никакъ на это не соглашалась. „Нѣтъ, батюшка", говорила она: „Богъ далъ мнѣ ее! У меня нѣтъ ни роду, ни племени; она будетъ мнѣ вмѣсто родной дочери.—И такъ, съ помощію Священника, сдѣлали все, что было нужно: объявили въ полиціи, окрестили малютку и назвали ее Ольгою.

Въ маленькомъ городѣ Б*** всегда было, и теперь еще есть, много добрыхъ людей, я знаю это на опытѣ. Священникъ и семейство его принадлежали къ числу лучшихъ. Назарьевну снабдили всѣмъ нужнымъ бѣльемъ для младенца. Добрый Священникъ разсказалъ по приходу своему о подкидышѣ, и всякій спѣшилъ дать что-нибудь несчастной сироткѣ и ея воспитательницѣ, такъ что у Назарьевны собралось всякой всячины гораздо больше сверхъ настоящихъ нуждъ ея, и она имѣла возможность посвятить большую часть своего времени ребенку.

Однако, пока Олинька была мала, Назарьевнѣ было много хлопотъ и горя!

Сколько ночей провела она безъ сна надъ больнымъ ребенкомъ! Но Олинька выздоровѣла, выростала, крѣпчала; сперва начала ползать, потомъ ходить, а наконецъ и говорить. Первое слово, выговоренное ею, было — „баба“. Никакой еще звукъ не казался столь пріятнымъ для слуха доброй Назарьевны! Одно это слово вознаградило ее за всѣ заботы. Потомъ Олинька могла сказать уже „бабушка“! а наконецъ и „милая бабушка“! Назарьевнѣ казалось, что никто въ свѣтѣ не былъ такъ прекрасенъ и не говорилъ такъ прекрасно, какъ ея питомица! Когда Олинькѣ минуло четыре года, тогда всѣ сосѣди соглашались, что она хорошенькая, добрая, послушливая дѣвочка, и всѣ любили ее. Въ десять лѣтъ Олинька была по лѣтамъ своимъ велика и сильна. Румяныя щеки, веселый, умный взглядъ, пріятная, ласковая улыбка показывали дѣвочку здоровую, добрую и смышленую.

Время не стояло также и для доброй Назарьевны! Оно покрыло морщинами лице ея и убѣлило голову. Она часъ отъ часу

становилась слабѣе и неспособнѣе къ работѣ.

Въ теченіи этого времени сдѣлались значительныя перемѣны въ сосѣдствѣ Назарьевны. Старый Священникъ выдалъ замужъ послѣдню, меньшую дочь свою и уступилъ священническое свое мѣсто зятю; а самъ остался жить вмѣстѣ съ молодымъ Священникомъ, зятемъ своимъ. Но какъ онъ былъ человѣкъ дѣятельный, здоровый, не смотря на старость, то и не хотѣлъ остаться празднымъ, безполезнымъ членомъ общества. Онъ объявилъ по приходу, что безденежно будетъ учить грамотѣ маленькихъ дѣвочекъ, ибо для мальчиковъ въ городѣ Б*** есть уѣздное училище. Назарьевна хотѣла, чтобъ и ея воспитанница не оставалась безграмотною и Олинька, вмѣстѣ съ другими дѣвочками, всякое утро ходила учиться къ старому Священнику.

Въ томъ же приходѣ жила одна добрая госпожа съ двумя прелестными дочерьми; къ ней съѣзжалось много гостей и много малоденькихъ барышенъ, родныхъ и пріятельницъ дочерей ея. Эта госпожа при-

казала вырыть на дворѣ своемъ колодезь, въ которомъ вода была прекрасная, и позволила всѣмъ своимъ сосѣдямъ приходить за водою къ ней на дворъ. Это было большимъ благодѣяніемъ для многихъ бѣдныхъ, которые были избавлены отъ труда взбираться отъ рѣки на высокую, крутую гору, съ полными ведрами. Олинька также получила позволеніе приходить за водою къ доброй госпожѣ.

Для Олиньки настало счастливое время, когда она могла уже на дѣлѣ показать Назарьевнѣ благодарность свою за все то, что она для нея сдѣлала, и Олинька не пропускала для этого ни одного случая.

Она доила корову, сбивала масло, ходила за водою, содержала въ чистотѣ и порядкѣ маленькую избушку и, проводя свою бабушку на площадь, гдѣ Назарьевна, сидя за столикомъ, продавала масло, молоко, яйца, овощи изъ своего огорода и напряденныя въ зимніе вечера нитки, Олинька спѣшила къ Священнику на урокъ; послѣ ученья она опять возвращалась на площадь, чтобъ отвесть бабушку домой. Все это

дѣлалось для общей выгоды, для общей пользы и часто больше для Олинькиной пользы, чѣмъ для ея бабушки; но Олинькѣ хотѣлось сдѣлать что-нибудь такое, что было бы полезно и пріятно для одной только Назарьевны. Олинька находила время выработывать нѣсколько копѣекъ, которыя всегда употребляла на то, чтобъ доставить бабушкѣ своей что-либо нужное; но это казалось ей недостаточнымъ; ей хотѣлось выработать что-нибудь такое, что служило бы къ всегдашнему спокойствію старушки.

Но какъ описать то чувство, съ какимъ добрая Назарьевна бралась за кусокъ, купленный на Олинькины трудовыя деньги! Она со слезами благодарила Бога, пославшаго ей такое благословеніе въ этомъ ребенкѣ. — Милое мое дитятко! говорила она: — ты доставила мнѣ самый лакомый кусочикъ!

— Того-то мнѣ и хотѣлось, бабушка! отвѣчала Олинька: — ты призрѣла меня, брошенную сироту; ты вспоила и вскормила меня; ты была мнѣ вмѣсто матери; ты старалась обо мнѣ; работала на меня!

Теперь пришла моя очередь; я буду кормить тебя и ходить за тобою въ старости.

Когда наступила зима, тогда Олинька, съ горестью, замѣтила, что милая ея бабушка становилась слабѣе. Въ холодное время у нея болѣли и руки и ноги, и она ходила гораздо тише, даже и тогда, когда опиралась и на Олиньку и на костыль свой. Вышедъ на площадь съ своимъ товаромъ, который всегда приносила Олинька, она чувствовала, что вѣтеръ и снѣгъ безпокоятъ ее больше прежняго.

— О! еслибъ я могла и это за нее дѣлать! думала Олинька: — я здорова, молода, и безъ труда перенесу холодъ и непогоду! А бѣдная моя бабушка стара и слаба! Безъ горя не могу видѣть, какъ холодный вѣтеръ сдуваетъ снѣгъ съ оледенѣлаго лица ея! Да еще и дома негдѣ порядочно отдохнуть! Еслибъ у нея было хотя мягкое, хорошее кресло, какъ у нашей старой попадьи! Правда, попадья наша еще старѣе и слабѣе бабушки Назарьевны; за то она живетъ безъ хлопотъ!

Она барыня, она богатая! — Еслибъ я могла когда-нибудь выработать столько денегъ, чтобъ купить бабушкѣ такое же мягкое, спокойное кресло! Вотъ это было бы ужъ не общее, а для бабушки, для одной бабушки!.. Какъ я была бы счастлива!

Олинька смотрѣла на старушку, сидящую или на жосткой скамьѣ, или на деревянномъ, ничѣмъ не обитомъ, стулѣ, и мечтала о мягкомъ креслѣ.

— Ты что-то невесела, мое дитятко? спросила Назарьевна: — что съ тобой, свѣтикъ мой?

— Ничего бабушка! отвѣчала Олинька:— я только думаю, какъ бы хорошо было, еслибъ у тебя было спокойное кресло, какъ у нашей старой попадьи, въ которомъ бы ты могла отдохнуть, пришедъ домой. Мнѣ бы весело было посмотрѣть, что тебѣ есть къ чему прислонить больную твою спинку!—Затопила бы я печку, а ты сидѣла-бъ передъ огонькомъ, да грѣлась, и въ мягкомъ спокойномъ креслѣ, какъ барыня!

— Отъ этого я не была бы лучше, дитятко! сказала Назарьевна, улыбаясь: — хотя, въ самомъ дѣлѣ, спокойное кресло и для меня было бы пріятно. Въ старости нуженъ покой; но я вѣкъ свой жила въ бѣдности и не желала лишняго! И теперь довольна моимъ простымъ, деревяннымъ стуломъ. Если же мнѣ когда нужны помощь и опора, то у меня есть добрая моя Олинька! Чего же мнѣ больше! — Она погладила Олиньку по головкѣ и поцѣловала.

— О! конечно, бабушка; моя помощь всегда для тебя готова! Но я еще мала и не могу сдѣлать для тебя всего того, что бы мнѣ хотѣлось! Мнѣ жалко видѣть, что тебѣ некуда прислонить больной спинки; тебѣ негдѣ порядочно отдохнуть!

Въ теченіи нѣсколькихъ дней Олинька, во снѣ и на яву, ни о чемъ другомъ не думала, какъ о спокойномъ креслѣ для своей бабушки; но никакъ не могла придумать средства, какъ бы достать его.

Однажды утромъ, она, по обыкновенію, пошла съ кувшинами за водою на дворъ

къ доброй госпожѣ. Старшая дочь ея давно уже замѣтила, съ какою осторожностью Олинька провожала старушку на площадь мимо ихъ оконъ, и также везла салазки, въ которыхъ былъ складенъ товаръ Назарьевнинъ. Барышня вышла на крыльцо, подозвала къ себѣ Олиньку и подарила ей на память хорошенькую шелковую подушечку для булавокъ. Пришедъ къ Священнику учиться, Олинька, съ нѣкоторою гордостью, показала этотъ подарокъ своимъ подружкамъ.

— Ахъ! какая прекрасная подушечка! сказала одна изъ нихъ: — съ одной стороны розовый атласъ, а съ другой зеленый! Знаешь ли, Олинька, у дядюшки моего въ лавкѣ есть такія-то подушечки, и онъ продаетъ ихъ по гривеннику за штуку; а иныя, которыя получше, даже и по пятіалтынному!

— Неужто? всклюкнула Олинька. Радостная мысль блеснула въ умѣ ея, и не покидала ее ни дорогою, когда она возвращалась домой, ниже тогда, какъ затапливала печку, и ставила въ нее горшокъ

со щами. Еслибъ я умѣла шить такія подушечки, думала она, можетъ статься, у меня стали бы покупать ихъ, и тогда!..

Но, думая объ этомъ, Олинька находила много препятствій. Во первыхъ, она никогда не шивала такой чистой работы; а во вторыхъ, у нея не было ни шелковыхъ лоскутковъ, изъ которыхъ бы можно было шить подушечки, ни шелку, ни тонкихъ иголокъ для этой работы; наконецъ, она не знала, какъ сшита и чѣмъ набита подушечка.

Надежда ея почти исчезла. Сшить подушечку она могла бы, чего не можетъ превозмочь твердая воля! Стоило только распороть эту подушечку, чтобы видѣть, какъ она сшита и чѣмъ набита; Олинька надѣялась сшить ее опять также хорошо; но гдѣ взять лоскутковъ для другихъ? Это ее очень мучило, и она не знала, какъ быть.

Она ничего не таила отъ своей бабушки; но въ теперешнемъ случаѣ не сказала ни

слова о своемъ предпріятіи, ожидая, какой успѣхъ оно будетъ имѣть.

Отведя Назарьевну на площадь, она обыкновенно ходила за водою. Въ этотъ день ей худо спалось. Она встала раньше обыкновеннаго, подоила корову, исправила всѣ прочія домашнія дѣла и, проводя свою бабушку, воротилась домой за кувшинами. Пришедъ на дворъ доброй госпожи, она встрѣтила лакея и просила его доложить объ ней старшей барышнѣ. Скоро послѣ того вышла горничная дѣвушка, которая ввела Олиньку въ горницу, гдѣ встрѣтили ее нѣсколько молодыхъ дѣвицъ, гостившихъ у госпожи П***. Между ними Олинька тотчасъ узнала свою пріятельницу и, подошедъ къ ней съ низкимъ поклономъ, сказала, что имѣетъ до нея просьбу.

— Напередъ обѣщаюсь исполнить твою просьбу! сказала дѣвица П***, желавшая сдѣлать что-нибудь для бѣдной сироты, о которой всѣ такъ хорошо отзывались и которую любили всѣ сосѣди: — что тебѣ надобно?

Олинька покраснѣла и потупила глаза.— Сударыня! сказала она: — вчера вы пожаловали мнѣ прекрасную атласную подушечку, для булавокъ, и приказали беречь ее на память. Я всегда буду беречь ее, сударыня; но теперь пришла просить у васъ позволенія распороть ее, чтобъ посмотрѣть, какъ она сдѣлана и чѣмъ набита. Право, я сошью ее точно также опять.

— Но, милая Олинька, сказала дѣвица П***, ты можешь испортить ее. Я не думаю, чтобъ тебѣ пріятно было портить хорошенькія вещи; ты кажешься благоразумною дѣвочкой! Скажи же мнѣ, за чѣмъ тебѣ понадобилось распороть эту подушечку? Ужъ вѣрно у тебя есть на то какая-нибудь причина! Говори смѣло и не стыдясь!

Олинька, взглянувъ изъ-подлобья раза два, три на милое улыбающееся лице дѣвицы П***, ободрилась, приподняла голову и разсказала, что пріятельница ея Наташа Драскова увѣряла, что такія подушечки для булавокъ и шелковыя мошонки про-

даются въ рядахъ за дорогую цѣну; что мошонки-то она можетъ сшить, лишь было изъ чего; но что, посмотрѣвши хорошенько, какъ сшита подушечка, можетъ статься, и она бы сдѣлала такую же, и надѣялась бы продать ее. Но, прибавила она,—вы, сударыня, пожаловали мнѣ эту подушечку на память, и я не смѣла распороть ее безъ вашего позволенія.

— Итакъ, Олинька, ты надѣешься разбогатѣть этимъ торгомъ? спросила дѣвица П***, улыбаясь.

— Да, сударыня! отвѣчала Олинька, простодушно: — мнѣ хотѣлось бы выработать нѣсколько денегъ; но не для себя!

— А для кого же, милая?

— Для бабушки моей Назарьевны! По милости ея, я ни въ чемъ не нуждаюсь! Она призрѣла меня, бѣднаго подкидыша, воспоила, воскормила меня, держала вмѣсто родной дочери и сама терпѣла нужду, чтобъ только мнѣ ни въ чемъ недостатка не было! Мнѣ хотѣлось бы собрать много денегъ, чтобъ купить ей такую вещь,

которая будетъ ей очень пріятна; потому что бабушка моя стара и слаба.

Разсказывая все это, Олинька покраснѣла до ушей. Дѣвица П*** замѣтила, что у нея есть тайна, которую она не хочетъ высказать, и потому не стала болѣе разспрашивать, но ласково увѣрила ее, что позволяетъ сдѣлать съ подушечкой все, что ей угодно. Но, прибавила она,—вѣроятно у тебя нѣтъ шелковыхъ лоскутковъ для подушечекъ и мошонокъ; я соберу для тебя нѣсколько! Приходи завтра объ эту же пору, и все будетъ готово!

— И я, и я соберу для тебя лоскутковъ! вскричали прочія барышни всѣ въ одинъ голосъ. Олинькѣ былъ обѣщанъ большой запасъ лоскутковъ! — Счастливая дѣвочка не находила словъ, чтобы выразить свою благодарность. Она кланялась на всѣ стороны, говоря: — О! благодарствуйте! Спасибо! Покорно благодарю! Дай вамъ Богъ здоровья!

Олинька, бѣгомъ, отправилась къ Священнику; взявъ обыкновенный урокъ, она пошла домой вмѣстѣ съ пріятельницею

своею Наташей Драсковой и дорогою разсказала ей о своемъ намѣреніи, о своихъ надеждахъ и о сдѣланныхъ ею обѣщаніяхъ. Наташа съ участіемъ и радостью выслушала ее.

На другой день, въ домѣ госпожи П*** барышни надавали ей лоскутковъ, блестокъ, канители, шелку и даже иголокъ. Около полудня она пошла, по обыкновенію, на площадь за бабушкою, и привела ее домой.

— Экая холодная зима! Дровъ-то у насъ ужъ мало остается, а купить не на что! говорила Назарьевна, смотря, какъ Олинька зятапливала печку. Я и такъ задолжала лекарю нашему, Карлу Яковлевичу, за дрова и сѣно для коровы, которыя онъ, по милости своей, купилъ на мою долю! Думала все, что Богъ поможетъ скоро заплатить, анъ ихъ нѣтъ! Товаръ мой съ рукъ нейдетъ! Я знаю, что Карлъ Яковлевичъ очень добрый человѣкъ и денегъ съ меня взыскивать не станетъ, даже и не помянетъ объ нихъ; да тѣмъ больше мнѣ

хотѣлось бы заплатить ему! Онъ, мой голубчикъ, и самъ живетъ трудами!

— Знаю, бабушка, что тебѣ очень хочется расплатиться съ долгами, сказала Олинька:—да какъ знать! Можетъ статься, мы еще и разбогатѣемъ!—Она вскочила съ своего мѣста, подошла къ поставцу, достала множество прекрасныхъ лоскутковъ, подаренныхъ ей въ домѣ госпожи П***, разложила ихъ на столѣ, передъ своей бабушкою, и разсказала ей, какое употребленіе хочетъ изъ нихъ сдѣлать; но умолчала, куда собиралась дѣвать вырученныя деньги.

Назарьевна разсматривала, хвалила и радовалась тому, что Олинька нашла себѣ пріятную работу; однако она сомнѣвалась, чтобы мошонки и подушечки помогли имъ разбогатѣть.

Въ теченіи цѣлой недѣли Олинька очень прилежно занималась новою своею работою, на которую употребляла всѣ свободные часы. Она сшила шесть подушечекъ и три мошонки. Радость блистала въ глазахъ ея, когда она раскладывала передъ бабушкою свою работу. Назарьевна хвалила, также и

Наташа, которой она показала труды свои. Мать Наташина взялась отнесть все къ своему брату и уговорить его продать эту первую Олинькину работу.

Прошло три дня безъ всякаго извѣстія; наконецъ, на четвертое утро Наташа, увидя Олиньку, съ великой радостью объявила ей, что работа ея продана, и что дядюшка заказываетъ ей еще шесть подушечекъ и шесть мошонокъ и что тогда отдастъ ей деньги за всѣ вдругъ. Отгадай, Олинька, продолжала она:—сколько онъ хочетъ дать тебѣ?

Олинька не знала цѣны такимъ вещамъ, и никакъ не могла отгадать.

— Ну, такъ я скажу тебѣ! За пару подушечекъ и за пару мошонокъ онъ дастъ тебѣ цѣлый злотый! Это составитъ тебѣ девяносто копѣекъ серебромъ, да за прежнія девять, всего онъ дастъ тебѣ полтора рубля серебромъ; говоритъ, что тебѣ платитъ такъ дорого за то, что у тебя все разшито блестками и канителью, какъ жаръ горитъ! Но ты скажи мнѣ, куда тебѣ ис-

тратить такое множество денегъ! Что ты на нихъ купишь, Олинька?

Наташа была любимая Олинькина подружка, и ей довѣрила она свою тайну; она сказала ей, на что собираетъ деньги.

Все, что ни дѣлала, все, что ни говорила Олинька, въ глазахъ Наташиныхъ казалось несравненно. Она съ жаромъ одобрила ея предпріятіе и предложила освѣдомиться у столяра, черезъ своего брата Илюшу, о цѣнѣ точно такого кресла, какъ у старой попадьи.

Это предложеніе принято съ радостью, и Олинька благодарила добрую свою подругу.

Прошелъ мѣсяцъ, въ теченіе котораго Олинька получила новую заказную работу отъ Наташина, дяди; лоскутки ея еще не совсѣмъ истощились; она усердно работала, а Наташинъ дядя исправно платилъ, такъ что Олинька собрала два рубля пятьдесятъ копѣекъ серебромъ. Олинька сама не вѣрила своему счастію и, пересчитывая свое богатство, думала, что видитъ сонъ. Между тѣмъ Илюша, работавшій у столяра, узналъ, что такое кресло, какого ей

хотѣлось, стоитъ не меньше какъ четыре рубля съ полтиною серебромъ!

Четыре съ полтиной серебромъ! Какая огромная сумма! Олинька ужаснулась. услыша объ этомъ; однако, у нея было собрано уже больше половины; чрезъ шесть недѣль она надѣялась выработать и остальное, лишь бы барышни снабдили ее новыми лоскутками, а Наташинъ дядя не переставалъ покупать ея работы. Тогда, какъ весело ей будетъ видѣть старую свою бабушку, отдыхающую въ спокойномъ креслѣ, купленномъ ею. — При одной мысли объ этомъ Олинькино сердце отъ радости трепетало.

Она часъ отъ часу становилась веселѣе; хохотала и пѣла съ утра до вечера. Старушка замѣтила, что у ея Олиньки что-то необыкновенное на умѣ; но она была увѣрена, что дѣвочка ея не затѣетъ ничего дурнаго, и потому ни о чемъ ее не расспрашивала.

Олинька нѣсколько дней не видала дѣвицъ П***; за дурною погодою онѣ не выходили изъ дому. Наконецъ въ одно ясное

утро, когда Олинька пришла за водою, старшая дочь госпожи П*** вышла на крыльцо. Она подозвала Олиньку и спрашивала, здорова ли ея бабушка и какъ идетъ торгъ ея?

Олинька покачала головою и сказала со вздохомъ: — бѣдная моя бабушка часто бываетъ больна въ такую холодную, ненастную погоду! Но торгъ мой, сударыня, продолжала она, улыбаясь, — по милости вашей, идетъ чудесно! Я выручила множество денегъ!

— Право? сказала дѣвица П***: — это хорошія вѣсти, Олинька! Сколькожъ ты выручила денегъ и что на нихъ купила?

— Я выручила, сударыня, два цѣлковыхъ, да еще полтинничекъ, а не истратила ни копѣйки!

— Смотри, Олинька, не сдѣлайся скупою! Деньги надобно употреблять на полезное, а не прятать ихъ. Мнѣ кажется, что ты могла бы купить что-нибудь нужное для своей бабушки, которую ты такъ любишь.

Олинькѣ было очень больно видѣть, что дѣвица П*** думаетъ, будто ей жаль тратить свои деньги на вещи, нужныя для бабушки. Она покраснѣла и слезы навернулись на глазахъ ея.

Дѣвица П*** увидѣла, съ прискорбіемъ, что она обидѣла Олиньку; она погладила ее по щекѣ и ласково увѣряла, что не имѣла намѣренія огорчить ее, а желала только остеречь отъ порока.

Олинька благодарила добрую барышню и сказала, съ довѣренностію:—знаете, сударыня, мнѣ хочется собрать четыре цѣлковыхъ съ полтинничкомъ!

—На что тебѣ всѣ эти деньги, Олинька?

Олинька покраснѣла, потупила глаза и отвѣчала: — ну, такъ ужъ и быть! вамъ, сударыня, я скажу, что у меня на душѣ! Мнѣ хотѣлось бы купить спокойное, мягкое кресло, такое, какъ у нашей старой попадьи, чтобы моей бабушкѣ было гдѣ отдохнуть, чтобъ ей было куда прислонить свою больную спину.

Дѣвица П*** нѣсколько помолчала, и слезы блеснули въ глазахъ ея. Она приказала Олинькѣ подождать и, вошедъ въ домъ, разсказала матери и сестрѣ разговоръ свой съ Олинькою.—Что вы скажете о маленькой моей пріятельницѣ? прибавила она.

— Что она милое благодарное существо! воскликнула съ жаромъ сестра ея:— дополнимъ изъ своихъ денегъ, чего ей недостаетъ! Маменька, позволите ли вы?

— Конечно, позволю, друзья мои! сказала госпожа П***, и сверхъ того поручаю вамъ сказать Олинькѣ, чтобы въ воскресенье поутру, передъ обѣднею, она пришла ко мнѣ.

— Олинька! сказала дѣвица П***, возвратясь къ ней:—ты добрая, благодарная дѣвочка! Мы хотимъ помочь тебѣ собрать нужныя для тебя деньги! Теперь я не хочу тебя задерживать, но приходи сюда ужо, послѣ своего урока!

Олинька пошла къ Священнику; но во время урока она едва знала, что дѣлала; вообще она очень любила учиться и всегда бывала прилежна; но въ этотъ разъ она

съ величайшею разсѣянностью сидѣла надъ урокомъ и время казалось ей длиннѣе обыкновеннаго! Она съ радостью услышала, когда кукушка въ домѣ Священника прокуковала двѣнадцать часовъ—время, въ которое дѣвочки расходились. Олинька полетѣла въ домъ госпожи П***, гдѣ была встрѣчена обѣими ея дочерьми. Старшая подала ей филейный, зеленый шелковый кошелекъ, говоря:—вотъ, милая Олинька, въ этомъ кошелькѣ ты найдешь два цѣлковыхъ, которыхъ у тебя не достаетъ на покупку спокойнаго кресла для Назарьевны. Прими этотъ подарокъ отъ сестры моей и отъ меня; мы обѣ желаемъ, чтобы твоя бабушка многіе годы покоилась въ своемъ креслѣ и радовалась тобою.

Олинька то краснѣла, то блѣднѣла, не имѣя силы выговорить ни одного слова; наконецъ, слезы брызнули изъ глазъ ея, и она бросилась цѣловать руки своихъ благодѣтельницъ.

— Поди, милая! говорили ей благотворительныя дѣвицы, обнимая ее:—тебѣ пора уже идти за бабушкою. Смотри, ка-

кой пошелъ сильный снѣгъ! Ей одной трудно будетъ добраться до дому, волоча за собою салазки. Намъ очень было весело помочь тебѣ, и мы еще соберемъ лоскутковъ для твоихъ работъ. Да еще маменька приказала сказать тебѣ, чтобы въ воскресенье, шедши въ церковь, ты зашла сюда. Прощай, Олинька!

Олинька вышла изъ дома госпожи П*** съ сердцемъ наполненнымъ радостью. Она встрѣтила Назарьевну наполовинѣ дороги.—Что это съ тобою сдѣлалось, мое дитятко сказала старушка:—какъ ты замѣшкалась! Я думала, что ужъ и не дождусь тебя!

— Виновата, бабушка! опоздала! Но со мною случилось такое счастіе! Я все тебѣ разскажу, когда придемъ домой, и я затоплю печку.

Старушка казалась печальною и не любопытствовала узнать объ Олинькиномъ ребяческомъ счастьи; ее тяготило старушечье горе!

Пришедъ домой, Олинька тотчасъ затопила печку, сняла мокрую епанечку съ

Назарьевниныхъ плечъ, развѣсила ее передъ огнемъ, и собиралась разсказывать о своемъ благополучіи; но, взглянувъ на бабушку, замѣтила, что она очень была печальна. Олинька обняла ее и спрашивала, не больна ли она?

— Нѣтъ, Олинька, я не больна, но мысль о долгѣ моемъ меня совсѣмъ измучила! И спокойна не буду, пока его не заплачу; хотя Карлъ Яковлевичъ и не требуетъ съ меня денегъ, да мнѣ совѣстно глядѣть на него! Давича онъ прошелъ мимо меня и сказалъ: здорово Назарьевна! Какъ поживаешь?—А мнѣ стыдно было поднять на него глаза! Думаю, думаю: ну гдѣ мнѣ взять три рубля съ полтиною серебромъ? Ну, шуточное ли это дѣло!

— Три съ полтиной серебромъ? спросила Олинька:—бабушка, а что лучше для тебя: заплатить долгъ, или имѣть такую вещь, отъ которой бы тебѣ было покойно?

— И, и! дитя мое! Да ужъ какой тутъ покой, когда долгъ на плечахъ! возразила старушка:—съ долгомъ мнѣ нигдѣ и ни отъ чего покойно не будетъ! Теперь

мнѣ кусокъ въ душу нейдетъ; а еслибъ на мнѣ не было долгу, то, кажется, я и поздоровѣла бы и помолодѣла бы!

— Такъ будь же повеселѣе, моя бабушка! воскликнула Олинька, обнимая Назарьевну и цѣлуя блѣдныя ея щеки, по которымъ катились слезы:—посмотри, вотъ въ этомъ прекрасномъ кошелькѣ сколько денегъ, да у меня еще есть больше этого. У меня больше трехъ съ полтиною серебромъ; и все это твое, моя милая бабушка!

Старушка обомлѣла, увидѣвъ столько денегъ. Она выслушала Олинькино повѣствованіе съ нѣкоторою гордостію и съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія.

Олинька, однако, не сказала бабушкѣ, для чего собирала деньги! Она станетъ тужить, что мнѣ не удалось исполнить моего намѣренія, подумала она:—да мнѣ и самой жаль, что моя бабушка не такъ скоро будетъ сидѣть въ спокойномъ креслѣ, какъ я того желала!

Въ слѣдующій день, она почти забыла о креслѣ, смотря на бабушкино веселое лице, по возвращеніи ея отъ лекаря, ко-

торому отнесла долгъ свой; дѣвочка была совершенно счастлива, но знакомый голосокъ подружки ея Наташи снова пробудилъ сожалѣніе въ ея сердцѣ. Она, со вздохомъ, разсказала пріятельницѣ своей обо всемъ.

Наташа почти столькожъ радовалась, думая, что Назарьевна будетъ сидѣть, какъ барыня, въ спокойномъ креслѣ. Она любила старушку и восхищалась Олинькиною удачею; однако сказала, что хотя и жаль кресла, но еще лучше было заплатить долгъ, потому что отъ этого Назарьевнѣ еще спокойнѣй, чѣмъ отъ кресла.

Окончивъ свой урокъ, Олинька пошла на площадь за бабушкою, которая, увидя ее, весело улыбалась. Ея улыбка, ея веселый взглядъ восхищали Олиньку. Добрая Назарьевна, идучи домой, говорила безъ умолку; расплатясь съ долгомъ, на сердцѣ ея стало легко.

Подошедъ къ избушкѣ своей, онѣ услышали мычанье коровы.—Ахъ! наша буренушка пить проситъ! вскричала Олинька.

Поди-же, дитятко, напой ее! сказала Назарьевна:—а я ужъ затоплю печку сама!

Въ то время, какъ Олинька поила корову, вошли на дворъ два господина; въ одномъ изъ нихъ она узнала уѣзднаго штабъ-лекаря и низко поклонилась; другой же господинъ былъ совсѣмъ ей незнакомъ.

— Послушай, дѣвочка! сказалъ штабъ-лекарь:—не ты ли живешь съ Назарьевною въ этой избушкѣ!

— Я, сударь! отвѣчала Олинька.

— Ну, такъ я очень радъ, что встрѣтилъ тебя здѣсь и могу поблагодарить за то, что Назарьевна заплатила мнѣ долгъ свой. Она сказала мнѣ, что ты выработала тѣ деньги, которыя я получилъ отъ нея.

— Этому такъ и быть должно, сударь! отвѣчала Олинька:—она трудами своими меня вспоила и вскормила! Она столько лѣтъ пеклась обо мнѣ! Теперь, слава Богу, я подросла и пришла моя очередь стараться объ ней. Отдавши ей мои трудовыя деньги, я только отдала ей то, что принадлежитъ ей.

— Ты очень добрая дѣвочка, говорилъ штабъ-лекарь, смотря на нее:—и Назарьевна можетъ гордиться тобою! Потомъ, оборотясь къ своему товарищу, онъ продолжалъ:—вотъ та малютка, которая трудилась, чтобы заплатить долгъ за эту старушку, которую вы у меня видѣли.

— Нѣтъ, сударь! прервала Олинька:—ужъ надобно говорить всю правду! Я не для того работала, чтобы заплатить вамъ долгъ. Бабушкѣ хотѣлось заплатить вамъ, и я только потому и отдала ей выработанныя мои деньги, о которыхъ она ничего и не знала! А я совсѣмъ не для васъ работала!

— Право? сказалъ штабъ-лекарь, нѣсколько удивленный этою искренностью:—а можно ли спросить, для чего ты копила деньги?

Олинька была счастлива, исполнивъ желанiе своей бабушки, и не хотѣла пользоваться незаслуженною похвалой. Въ самомъ дѣлѣ, сидя за своей работою, она не помышляла о штабъ-лекарѣ, въ чемъ и призналась ему со всею искренностiю, раз-

сказавъ также и о прежнемъ своемъ намѣреніи.

— Ты милая, честная дѣвочка, и заслуживаешь награжденія! сказалъ штабъ-лекарь:—и такъ, ты отдала мнѣ все свое богатство?

— Нѣтъ, сударь, не все! У меня еще остался цѣлковый!

— И на этотъ цѣлковый ты, конечно, купишь себѣ платочикъ, ленточку въ косу?

— О, нѣтъ, сударь! возразила Олинька, покачивая головою: — какіе мнѣ наряды! Мнѣ ихъ не надобно! Я куплю дровъ. У насъ дровъ ужъ немного остается, а зима еще долга; холода такіе стоятъ! Хоть лѣтомъ я и припасла щепы и кое-какого хворосту набрала; да этимъ теперь избы не натопишь!

— Правда твоя, душенька! сказалъ другой господинъ:—но о дровахъ не заботься! Береги свои деньги на другое употребленіе. Завтра пятница, день торговый. Я вышлю изъ своей деревни на торгъ продавать дрова и прикажу старостѣ привезть

нѣсколько и къ тебѣ на дворъ. Нынѣшнею зимою ты съ бабушкою не будешь нуждаться въ дровахъ.

Вотъ счастливая недѣля! думала Олинька, возвращаясь въ избу. Бабушка! сказала она, переступя черезъ порогъ: — хорошія вѣсти! Не жалѣй дровъ! Топи хорошенько нашу печку! Завтра у насъ будетъ много дровъ! И она разсказала обѣщаніе незнакомаго господина.

— И все это по твоей милости, моя Олинька! сказала старушка: — Богъ послалъ мнѣ тебя на счастье, дитя мое!

Олинька поцѣлуемъ зажала ротъ своей бабушки. Она провела счастливо вечеръ.

Незнакомый господинъ сдержалъ слово. На другой день староста его привезъ больше сажени березовыхъ, сухихъ дровъ, изрубленныхъ, хоть сей часъ въ печь бросай! Наташинъ братъ, Илюша, помогъ мужичкамъ сложить дрова около забора, и старушкино сердце радовалось, глядя на такое богатство.

Настала и суббота: вся недѣльная работа была кончена и Назарьевна, сидя на

своемъ необитомъ, ветхомъ стулѣ, смотрѣла улыбаясь на веселую, дѣятельную Олиньку, сидящую на скамейкѣ противъ печи и болтающую отъ полноты сердца.

— Смотрика, бабушка, говорила она:— какъ дрова-то разгорѣлись! Щи скоро закипятъ; какой счастливый вечеръ! А завтра воскресенье; пойдемъ къ обѣдни. Да мнѣ еще надобно, пораньше, передъ обѣднею сходить къ доброй барынѣ-то! Не знаешь ли ты, бабушка, за чѣмъ она меня спрашиваетъ?

— Нѣтъ, Олинька, не знаю! Но она такъ милостива ко всѣмъ, въ особенности же къ тебѣ, что вѣрно не за чѣмъ другимъ тебя спрашиваетъ, какъ за тѣмъ только, чтобъ приласкать тебя и оказать какую-либо новую милость!

— Правда твоя, бабушка! отвѣчала Олинька. А какъ я люблю этого ангела Марью Андреевну! Я тамъ видѣла много другихъ барышенъ, и всѣ онѣ ласковы, всѣ надавали мнѣ лоскутковъ; но она первая объ этомъ подумала; а глядя на нее, ужъ и другія. Съ нея всѣ берутъ примѣръ;

всякой хочется быть такою же доброю. А деньги-то онѣ только двѣ съ сестрицею мнѣ пожаловали. И сестрица-то ея будетъ такая-же милостивая; она немного поможе. Обѣ онѣ такія хорошенькія, какъ два небесные Ангела!—Ахъ, бабушка! Да я еще забыла показать тебѣ лоскутокъ голубаго атласа, который дала мнѣ дѣвушка госпожи П***. Тамъ и служанки-то всѣ добрыя! Посмотрика, какой большой! Изъ него выйдетъ, чаю, двѣ подушечки и двѣ мошонки; а Марья Андреевна обѣщала мнѣ еще лоскутковъ; я примусь опять работать и опять выработаю четыре цѣлковыхъ съ полтинникомъ. Ты знаешь, что у меня ужъ есть одинъ цѣлковый на починъ. Теперь, бабушка, я ужъ признаюсь тебѣ, на что мнѣ нужны эти деньги! Давно ужъ, очень давно...

— Олинька! Олинька! закричалъ кто-то подъ окномъ: — скорѣй! отпирай ворота! Или ты глуха? Ну же! скорѣй! Да посвѣти намъ; въ сѣняхъ у васъ темно! Мы вамъ принесли что-то! Отпирай же скорѣе, Олинька!

Олинька сидѣла неподвижно на своей скамейкѣ.—Это голосъ Илюшинъ! сказала она:—что ему надобно? За чѣмъ онъ пришелъ такъ поздно?

— Дитя мое! сказала Назарьевна:—бѣги скорѣй! Отопри ворота! За чтожъ Илюшѣ стоять на морозѣ!

Олинька проворно засвѣтила фонарь и побѣжала отпирать ворота.

— Что ты такъ разшумѣлся, Илюша? спросила она.

— А за чѣмъ ты держишь насъ такъ долго на улицѣ? отвѣчалъ Илюша:—развѣ ты не знаешь, что на дворѣ мятель страшная? Насъ съ батюшкою занесло снѣгомъ!

— Ну, ну! виновата! Полно тебѣ ворчать!.. Что это? Ахъ, Илюша! Что это такое?

— Вотъ, увидишь что! Да не урони фонарь, свѣти хорошенько! говорилъ Илюша, внося свою ношу въ сѣни и снимая рогожи, которыми она была обвернута.

Олинька поставила фонарь на полъ и, задыхаясь отъ радости, благодарила.

съ низкими поклонами, то Илюшу, то отца его.

— Что тамъ такое? спросила Назарьевна, отворя дверь въ сѣни:—моя Олинька совсѣмъ обезумѣла. Пожалуйста, сосѣдъ, скажи, что такое?

— А вотъ что, сосѣдка! отвѣчалъ Илюшинъ отецъ, внося въ горницу, съ помощью сына, спокойное, мягкое кресло и ставя его подлѣ печи!

Назарьевнино удивленіе могло только равняться съ Олинькиною радостью.

— Мы у васъ немного обогрѣемся и разскажемъ обо всемъ дѣлѣ! говорилъ Илюша. Вотъ какъ оно было: въ прошедшій четвергъ, то есть, третьяго дня, выходя отъ васъ, нашъ лекарь, у самыхъ воротъ вашихъ, повстрѣчался съ батюшкою и разсказалъ ему разговоръ свой съ Олинькой; ему очень полюбилась твоя Олинька, и онъ спросилъ у батюшки: въ самомъ ли дѣлѣ она такъ добра, какъ кажется? А ты знаешь, Назарьевна, что батюшка и самъ любитъ эту негодницу, и вся наша семья также. Вотъ, батюшка мой, и примись расхвали-

вать ее. Потомъ много было говорено и о тебѣ, Назарьевна, а извѣстное дѣло, что о тебѣ, кромѣ хорошаго, сказать нечего. Наконецъ Карлъ Яковлевичъ далъ батюшкѣ моему денегъ, просилъ его взять у моего хозяина, столяра, извѣстное мнѣ кресло и приказалъ принесть его къ вамъ, только такъ, чтобъ напередъ никто объ этомъ не провѣдалъ. Кресло не было еще обито, мы и ну надъ нимъ работать, и оно поспѣло только нынче,—ну, вотъ и все тутъ!

Назарьевна и Олинька благодарили сосѣдовъ за ласки и за дружбу, а Олинька сказала, что всякій день будетъ молиться Богу за Карла Яковлевича.

Олинька и сонная бредила о креслѣ. Какъ же скоро проснулась, то стала разсматривать его. Она оглядывала и кожу, которою оно было обито, и свѣтлые мѣдные гвоздики, и мягкую подушку, и чисто полированное дерево, посадила свою бабушку въ кресло и нѣжно обнимала ее.

Надѣвши свой праздничный нарядъ, Олинька пошла съ Назарьевною въ церковь. Подошедъ къ дому госпожи П***, Назарьевна

сказала: — ты, мое дитятко, поди къ барынѣ, а я съ тросточкою, потихоньку и одна добреду, даромъ что снѣжно! Ты еще успѣешь и догнать меня: да еще и обѣдня не начиналась, только благовѣстъ идетъ!

Олинька вошла въ дѣвичью, откуда ее тотчасъ привели въ ту комнату, гдѣ была госпожа П*** съ своими дочерьми. Онѣ всѣ также собирались ѣхать въ церковь. Госпожа П*** приняла Олиньку очень милостиво и хвалила ее за попеченія о бабушкѣ и за то, что она не забываетъ о благодарности, которою ей обязана. Не забывай ее и впередъ, моя милая, прибавила она,—и Господь не забудетъ тебя и пошлетъ тебѣ свое благословеніе!—Госпожа П*** сказала, что уже слышала о подаркѣ, присланномъ отъ Карла Яковлевича, и очень этому радовалась.—Теперь, прибавила она, зима такая холодная; а ты, душенька, какъ я вижу, довольно худо бываешь одѣта, когда проходишь мимо меня или учиться, къ Священнику, или на площадь за своею бабушкой, потому что бережешь шубку свою къ праздничнымъ

днямъ. Бережливой быть хорошо, береги шубу, но береги отъ холода себя еще больше шубы! Носи всегда въ холодное время свою шубу; теперь это возможно будетъ, потому что для праздничнаго наряда я купила тебѣ новую шубу, китайчатую на заячьемъ мѣху. Надѣнь ее сейчасъ, а старую, пока, оставь у меня; возвращаясь изъ церкви, ты за нею зайдешь.

— А я купила тебѣ новый платокъ! сказала старшая дочь госпожи П***, повязывая Олинькѣ на голову розовый шелковый платокъ.

— А я купила тебѣ для косы широкую ленту! сказала меньшая дочь госпожи П***, прицѣпляя къ Олинькиной косѣ, изъ розовой атласной ленты связанный бантъ съ длинными концами.

Олинька отъ удивленія, радости и благодарности совсѣмъ онѣмѣла. Она, молча, дала надѣть на себя синюю шубу, на заячьемъ мѣху, съ бѣличьимъ сѣренькимъ воротникомъ и спереди завязывавшуюся розовою лентою. Опомнясь немного, она принялась кланяться, цѣловать руки своихъ

благодѣтельницъ и благодарить ихъ, какъ умѣла. Она вышла отъ нихъ съ радостными слезами на глазахъ.

Стоя въ церкви, Назарьевна иногда забывала молитву, чтобы радоваться на свою краснощекую дѣвочку, въ новомъ прекрасномъ нарядѣ; но послѣ минутнаго разсѣянія сердце ея съ сильнѣйшимъ восторгомъ благодарности обращалось къ щедрому Подателю всѣхъ благъ, къ милосердому Богу, пославшему ей такихъ благодѣтелей, и слезы радости и умиленія текли изъ глазъ ея.

Назарьевна послѣ дневныхъ трудовъ своихъ отдыхала въ спокойномъ креслѣ, а Олинька прочитывала ей главу изъ Священнаго Писанія. Въ теплой своей комнаткѣ, онѣ не слыхали порывовъ вѣтра и не чувствовали жестокости мороза. Олинька всякій день съ новымъ удовольствіемъ смотрѣла на свою бабушку, сидящую въ большомъ креслѣ, и это спокойное кресло радовало ее болѣе, нежели синяя, китайчатая шуба, больше, нежели розовый платокъ и широкая атласная лента. Назарьевна не

переставала благословлять свою милую, благодарную Олиньку, доставившую ей такое спокойствіе, и обѣ вмѣстѣ, всякій день, молились за своихъ благодѣтелей.

— Въ добрый часъ Господь послалъ мнѣ тебя, мое дитятко милое! говорила Назарьевна. Вмѣстѣ съ тобою благословеніе Божіе вошло подъ убогій мой кровъ!

— Въ добрый часъ и мнѣ Господь послалъ такую благодѣтельницу, какъ ты, милая бабушка, отвѣчала Олинька. Безъ тебя что было бы со мною, бѣднымъ, брошеннымъ младенцемъ? Я была бы нищая, безъ родни, безъ пристанища, безъ покрова! Но у тебя нашла я все! Особливо же, продолжала она, обнимая старушку,—добрую, привѣтливую, ласковую бабушку; *мою, мою собственную бабушку!*

—

ВОЛШЕБНИЦА.

У одной вдовы было двѣ дочери: старшая была похожа на свою мать и лицемъ и нравомъ; то есть, она была также дурна и также зла, какъ ея мать. Никто не

любилъ ихъ; всѣ отъ нихъ бѣгали. Меньшая же была прекрасна и добродушна: всѣ ее любили. Но злая мать и злая сестра ее ненавидѣли; безпрестанно бранили; одна она должна была работать въ домѣ, топить печь, мести комнаты, стряпать въ кухнѣ. Бѣдняжка плакала съ утра до вечера, но не лѣнилась работать; была послушна, терпѣлива, и все это было напрасно: она ничѣмъ не могла угодить на злую мать и на злую сестру свою.

Ежедневно эта бѣдная дѣвушка должна была, съ большимъ кувшиномъ, ходить за водою въ ближнюю рощу, въ которой находился чистый источникъ. Однажды пошла она, по обыкновенію, къ этому источнику. День былъ очень жаркій. Наполнивъ кувшинъ водою, она возращалась домой. Вдругъ видитъ передъ собою старушку.—Дитя мое! сказала ей старушка:—дай мнѣ напиться. Я устала; мнѣ жарко!

— Съ охотою, бабушка! сказала дѣвушка:—вотъ напейся!

— Старушка, отъ слабости, сѣла на траву, а молодая красавица стала передъ

нею на колѣна, и осторожно поддерживала кувшинъ, пока она пила воду.

— Благодарю тебя, милая! сказала старушка, напившись. Вижу, что ты доброе, ласковое дитя, и хочу наградить тебя за твою услужливость. Знай же, я волшебница и нарочно взяла на себя видъ старушки, чтобы испытать тебя. Радуюсь, что ты такая добрая, и вотъ что я хочу для тебя сдѣлать: всякій разъ, когда ты скажешь слово, изо рта у тебя выпадетъ или прекрасный цвѣтокъ или драгоцѣнный камень, или большая жемчужина. Прости, дружокъ!—И волшебница исчезла.

Прекрасная дѣвушка возвратилась домой. Гдѣ ты такъ долго была? спросила у нея съ сердцемъ мать. Что ты такъ долго дѣлала въ рощѣ? закричала злая сестра.— Виновата, замѣшкалась! отвѣчала бѣдняжка, и въ ту самую минуту съ прекрасныхъ губъ ея скатились двѣ розы, двѣ жемчужины и два большіе изумруда. — Что я вижу! воскликнула удивленная мать. Это цвѣты, это драгоцѣнные камни! Что съ

Съ охотою бабушка! сказала дѣвушка, вотъ, напейся.

тобою сдѣлалось? Красавица простодушно разсказала ей о своей встрѣчѣ съ волшебницею; а между тѣмъ цвѣты, алмазы и жемчугъ такъ и сыпались съ губъ ея. — Хорошо же! проворчала мать, завтра пошлю въ рощу старшую мою дочь, и съ нею тоже будетъ.—И на другое утро, она сказала любимой своей дочери:—нынче пойдешь за водою ты; возьми кувшинъ; но смотри же, если встрѣтишь у источника старушку, дай ей напиться и приласкайся къ ней хорошенько! — Злая дѣвчонка нахмурилась, съ досадою взяла кувшинъ, нехотя пошла въ рощу, и во всю дорогу ворчала. Старушка сидѣла у источника.— Зачерпни мнѣ воды, моя милая! сказала она дѣвчонкѣ; жарко! хочу напиться! — Какъ бы не такъ! отвѣчала дѣвчонка. Я не за тѣмъ сюда пришла, чтобъ услуживать старымъ бродягамъ! Напьешься и безъ меня!—Какая же ты грубая! сказала ей старушка. Я накажу тебя! Съ этихъ поръ, при каждомъ словѣ твоемъ, будутъ выпадать у тебя изо рта или змѣя, или лягушка. Она исчезла; а злая дѣвчока по-

бѣжала домой, разбивши съ досады кувшинъ свой.

— Что скажешь, милая дочка? спросила мать, увидѣвъ ее еще издалека. — Нечего сказать! отвѣчала дочь, и вдругъ выскочили изо рта ея двѣ змѣи и двѣ жабы.—Что я вижу, какой страхъ! закричала мать. Но во всемъ этомъ виновата твоя сестрица! Я дамъ ей знать!—И онѣ бросились бить меньшую дочь. Она, испугавшись угрозъ, скрылась въ рощу, долго бѣжала, не смѣя оглянуться, забѣжала далеко, и наконецъ потеряла дорогу. Но это было къ ея счастію. Царскій сынъ, который тутъ забавлялся охотою, находился въ это время въ рощѣ: онъ увидѣлъ красавицу, которая, сидя на травѣ, горько плакала —Что съ тобою сдѣлалось? О чемъ ты плачешь, милая? спросилъ онъ, взявъ ее ласково за руку.—Боже мой! какъ мнѣ не плакать: матушка выгнала меня изъ дому! — Она говорила, а цвѣты и драгоцѣнные камни сыпались съ розовыхъ ея губъ и слезы обращались въ жемчужины.— Что это значитъ? спросилъ царскій сынъ:—

отъ чего эти цвѣты, жемчуги и драгоцѣнные камни?—Бѣдняжка разсказала царскому сыну о томъ, что съ нею случилось. Онъ полюбилъ ее, и полюбилъ еще болѣе за то, что она была такъ добра и мила, нежели за ея цвѣты, жемчуги и драгоцѣнные камни. Онъ взялъ ее съ собою, представилъ ее царю, отцу своему, которому она также понравилась, и царь позволилъ сыну на ней жениться. Такимъ образомъ, она сдѣлалась царевною, а по смерти царя, когда мужъ ея взошелъ на отцовскій престолъ, царицею, и была царицею доброю. А злая сестра ея, что сдѣлалось съ нею? Она жалостнымъ образомъ кончила свою жизнь. Мать, которую она безпрестанно сердила и огорчала, принуждена была выгнать ее изъ дому; никто не хотѣлъ дать ей пристанища, и она скрылась въ лѣсъ, гдѣ скоро умерла съ досады и голода.

—

РАУЛЬ СИНЯЯ БОРОДА.

Въ одномъ лѣсу жилъ бѣдный старикъ, у котораго было три сына и двѣ прекрасныя дочери. Однажды подъѣхала къ его хижинѣ богатая карета въ шесть лошадей; изъ этой богатой кареты вышелъ человѣкъ, одѣтый въ золотое платье, высокаго роста, суровый лицемъ, съ густыми бровями и съ синею бородою.—Отдай за меня младшую дочь твою Изору, сказалъ онъ старику. Я Рауль Синяя Борода; у меня много богатыхъ замковъ, много золота и серебра. Согласись на мое требованіе. Дочь твоя будетъ со мною счастлива.—Старикъ подумалъ и согласился. Изора посмотрѣла на богатое платье Рауля, на его золотую карету; вообразила, что все это богатство будетъ принадлежать ей, и подала руку ужасному жениху своему.

Черезъ нѣсколько дней была и свадьба въ одномъ изъ богатыхъ замковъ Рауля. Изора, прощаясь съ братьями, сказала имъ:—милые братья, хотя и много у меня богатства, но боюсь, что буду несчаст-

Отъ чего почернѣлъ золотой ключъ мой? закричалъ ужаснымъ голосомъ Рауль.

лива съ моимъ мужемъ: Рауль Синяя Борода мнѣ страшенъ! Милые друзья, не забудьте моей просьбы: если вы услышите мой голосъ, гдѣ бы вы ни были, что бы ни дѣлали, все оставьте и спѣшите ко мнѣ на помощь!—Братья обѣщали исполнить ея просьбу, поцѣловались съ нею и уѣхали. Сестра ея, Лора, осталась съ нею, чтобъ ей одной не было такъ грустно и страшно. Въ первые дни Рауль былъ очень ласковъ съ молодою женою своей: онъ угождалъ ей во всемъ, давалъ ей праздники, дѣлалъ ей подарки. Но Изора, Богъ знаетъ отъ чего, все грустила. Ей казалось, что такое счастіе не могло продолжиться. И въ самомъ дѣлѣ, оно не продолжилось.

Прошелъ мѣсяцъ, и Рауль Синяя Борода собрался куда-то ѣхать. Онъ приходитъ къ своей молодой женѣ и говоритъ ей:—послушай, Изора, я долженъ на нѣсколько дней съ тобою разстаться. Будь госпожею въ моемъ замкѣ; вотъ тебѣ ключи отъ всѣхъ моихъ комнатъ; этотъ ключъ отъ кладовой, въ которой хранятся мои сокровища; этотъ отъ сундука, въ которомъ

жемчугъ и драгоцѣнные камни; этотъ отъ комнаты, въ которой лежатъ парчи, бархаты и разныя богатыя матеріи; этотъ отъ моей золотой и серебряной посуды. Можешь отпирать всѣ комнаты и сундуки; можешь брать изъ сокровищъ моихъ все, что тебѣ полюбится. Запрещаю отпирать одну только маленькую желѣзную дверь, которая задернута чернымъ занавѣсомъ; вотъ ключъ отъ этой желѣзной двери, отдаю его тебѣ вмѣстѣ съ другими ключами; но помни мое приказаніе: не отдергивай чернаго занавѣса; не отпирай желѣзной двери. Запрещаю это тебѣ строго! Погибнешь, если не исполнишь моего приказанія! И Рауль, отдавая ключи Изорѣ, посмотрѣлъ на нее такими страшными глазами, что она затрепетала; потомъ онъ ласково съ нею простился и уѣхалъ.

Въ первые дни Изора занималась разсматриваніемъ сокровищъ, которыми наполненъ былъ великолѣпный замокъ Рауля и не думала о желѣзной двери. На третій день объ ней вспомнила. Что можетъ быть за этою желѣзною дверью! подумала

она. Для чего Рауль Синяя Борода запретилъ мнѣ отдергивать черный занавѣсъ и отпирать желѣзную дверь! Вѣрно какое-нибудь невиданное сокровище скрыто въ неизвѣстной комнатѣ! Она посмотрѣла на ключъ: онъ былъ изъ чистаго золота. Любопытство ее мучило; но страхъ удерживалъ. Наконецъ она подумала: никто не увидитъ меня! Отопру дверь осторожно, и также осторожно запру ее. Кто скажетъ объ этомъ Раулю! И она взяла золотой ключъ, пошла потихоньку къ желѣзной двери, которая находилась въ концѣ темнаго корридора; сердце ея ужасно билось; ей казалось, что кто-то за нею слѣдуетъ, и чѣмъ ближе она подходила къ желѣзной двери, тѣмъ страшнѣе ей становилось; наконецъ, она подошла къ ней, отдернула черный занавѣсъ, вложила золотой ключъ въ желѣзную дверь, дрожала, думала: отпирать ли, или нѣтъ! Наконецъ, повернула ключъ, замокъ отперся, дверь тронулась, застуча, отворилась, и глазамъ Изоры представилась темная пространная комната, слабо освѣщенная маленькимъ окномъ. Она

вошла. Боже мой! что она тамъ увидѣла! Весь полъ этой комнаты былъ облитъ кровью, и на полу лежали три мертвыхъ тѣла: то были три первыя жены Рауля, который самъ, своею рукой убилъ ихъ за то, что онѣ не послушались его и отперли дверь потаенной комнаты.

Бѣдная Изора, поблѣднѣвъ отъ ужаса, побѣжала назадъ; хотѣла запереть за собою дверь, но въ торопяхъ уронила ключъ; поднявъ его, она увидѣла, что онъ былъ весь въ крови,—и начала его чистить. Напрасно: кровь не оттиралась и золотой ключъ весь почернѣлъ. Она плакала, плакала, но все было напрасно: кровь не оттиралась и ключъ становился часъ отъ часу чернѣе. Во всю эту ночь не могла она заснуть, и съ ужасомъ ожидала утра, потому что на другой день долженъ былъ возвратиться Рауль. Наконецъ, занялась заря, начало всходить солнце, на башнѣ замка затрубили въ рогъ: это значило, что Рауль приближался. Бѣдная Изора! Какъ она ужаснулась! Но дѣлать было нечего: скрѣпи-

лась и пошла на встрѣчу къ страшному Раулю.

Онъ поглядѣлъ на нее угрюмо. — Отъ чего ты такъ блѣдна, Изора? спросилъ онъ суровымъ голосомъ, нахмуривъ густыя брови свои. Она задрожала и не могла сказать ни слова.—Отдай мнѣ ключи мои, сказалъ онъ, еще болѣе нахмурясь. — Изора подала ихъ трепещущей рукою.— Они не всѣ! одного нѣтъ, золотаго ключа!—Я забыла его въ моей комнатѣ, прошептала дрожащая Изора.—Принеси его сію минуту.—Бѣдняжка, едва передвигая ноги, пошла за ключемъ, возвратилась и подала его Раулю, замирая отъ страха.— Отъ чего почернѣлъ золотой ключъ мой? закричалъ ужаснымъ голосомъ Рауль. — Не знаю! сказала Изора такъ тихо, что едва можно было разслушать.—Не знаешь? но я знаю: ты отпирала желѣзную дверь, ты была въ запрещенной комнатѣ! Преступница! ты будешь въ ней опять и никогда изъ ней не выйдешь. Готовься къ смерти!—Помилуй! закричала Изора, упавъ

передъ нимъ на колѣна и обнимая въ слезахъ его ноги.

— Нѣтъ помилованья! Готовься къ смерти! сказалъ Рауль Синяя Борода, и оттолкнулъ Изору.—Тронься моимъ раскаяніемъ! Сжалься надъ моею молодостію! — Все напрасно! ты умрешь сію же минуту!— Ахъ! дай мнѣ хотя одинъ часъ сроку: позволь мнѣ помолиться; позволь мнѣ взойти на башню, чтобы хотя издалека увидать то мѣсто, гдѣ живетъ мой отецъ, гдѣ живутъ мои братья, чтобы проститься съ полями, рощами и свѣтлымъ небомъ! — Даю тебѣ одинъ часъ сроку: поди на башню, молись, готовься къ смерти; но тотчасъ сойди ко мнѣ, какъ скоро услышишь мой голосъ.

Изора позвала сестру свою Лору, и онѣ вмѣстѣ пошли на башню. Эта башня находилась надъ воротами замка; съ высоты ея видно было все широкое поле, и вдалекѣ тотъ лѣсъ, гдѣ жили отецъ и братья Изоры. Рауль Синяя Борода остался внизу и началъ точить о камни широкій ножъ свой.

— Братья! милые братья! закричала съ башни Изора:—спѣшите ко мнѣ! летите ко мнѣ!—Братья садились въ это время на коней, чтобъ ѣхать на охоту.—Не слышите ли голосу? спросилъ одинъ.—Не голосъ ли Изоры? сказалъ другой.—Зоветъ насъ! воскликнулъ третій. — Поскачемъ! вскричали они всѣ вмѣстѣ. Кольнули шпорами коней и помчались, какъ вихорь.

— Изора! готова ли ты? четверть часа миновалась! закричалъ Рауль, продолжая точить ножъ свой. Изора упала на колѣна и начала молиться, а Лора смотрѣла вдаль на широкое поле, на большую дорогу.—Сестра моя, Лора, не видишь ли чего?—Не вижу; лишь солнышко въ полѣ играетъ, лишь ярко зелень отливаетъ —Ахъ, милые братья! спѣшите ко мнѣ! летите ко мнѣ!—Готовься, Изора! Еще четверть часа миновалась!—закричалъ опять Рауль, и подъ ножемъ его, который онъ точилъ о камни, такъ и прыгали искры.—Сестра моя Лора, не видишь ли чего? — Не вижу ничего; лишь стадо бѣжитъ по дорогѣ, да солнышко въ полѣ играетъ, да зелень съ

луговъ отливаетъ. — Ахъ, милые братья! спѣшите ко мнѣ! летите ко мнѣ! — Изора! готова ли ты? Тебѣ осталось только одна четверть часа! опять закричалъ Рауль, и такъ скоро началъ точить ножъ свой, что камни подъ нимъ задрожали.—Сестра моя, Лора, не видишь ли чего? — Я вижу! Я вижу! — пыль на дорогѣ! Скачутъ наши братья! Ужъ близко!—Ахъ, милые братья! спѣшите, летите!—Изора! закричалъ Рауль, часъ миновался; сойди ко мнѣ съ башни!— Еще минуту! Дай помолиться мнѣ объ отцѣ и о братьяхъ моихъ! — Но Рауль, какъ бѣшеный, взбѣжалъ на башню, бросился на Изору, схватилъ ее за волосы и потащилъ внизъ по ступенямъ. Бѣдная кричала жалобнымъ голосомъ, но онъ ничего не слушалъ, тащилъ ее прямо къ желѣзной двери.

Въ эту минуту братья ворвались въ ворота, бросились на злаго Рауля, выхватили изъ рукъ его сестру, и закололи его острыми своими мечами. Тѣло его бросили въ ту страшную комнату, гдѣ онъ хотѣлъ зарѣзать Изору; заперли за нимъ

желѣзную дверь, и съ тѣхъ поръ она уже никогда не отворялась.

Изора покинула замокъ ужаснаго Рауля; всѣ его сокровища достались ей; она переселилась къ отцу и братьямъ, и жила съ ними счастливо.

—

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА ВЪ ЛѢСУ.

Жилъ, былъ царь. Царица, жена его, была добра, прекрасна: они жили другъ съ другомъ счастливо, но не имѣли дѣтей, и очень объ этомъ грустили. Однажды царица сидѣла на берегу свѣтлаго источника и плакала; вдругъ, выползъ къ ней изъ воды ракъ; онъ сказалъ ей: царица, не плачь; у тебя скоро будетъ дочь! — Царица удивилась, хотѣла поблагодарить добраго рака, за хорошую вѣсть, но онъ уже опять уползъ въ воду. Его обѣщаніе исполнилось: царица въ самомъ дѣлѣ родила черезъ нѣсколько времени дочь. Обрадованный царь далъ великолѣпный праз-

дникъ, на который позвалъ и волшебницъ. Но, къ несчастію, у царя было только двѣнадцать золотыхъ тарелокъ, а волшебницъ было тринадцать, и по этой причинѣ одной изъ нихъ не могли позвать на праздникъ царскій. Волшебницы, прощаясь съ царемъ, захотѣли оставить дары новорожденной царевнѣ. Одна сказала ей: будь добродѣтельна; другая будь прекрасна; однимъ словомъ, онѣ дарили ее всѣми совершенствами души и тѣла; но вдругъ явилась тринадцатая волшебница. Она сказала, съ досадою: вы не хотѣли позвать меня на праздникъ, за это царевна ваша, на пятнадцатомъ году жизни, уколется веретеномъ и тотчасъ умретъ.—И она исчезла. Но, къ счастію, только одиннадцать волшебницъ успѣли одарить царевну; осталась двѣнадцатая, и она сказала огорченнымъ родителямъ: утѣшьтесь, друзья мои: дочь ваша не умретъ, а только погрузится въ глубокій сонъ, который продолжится сто лѣтъ; потомъ она проснется и будетъ счастлива.

Но царь надѣялся спасти милую дочь свою: онъ приказалъ строго, чтобы во

всемъ его царствѣ не было ни одного веретена. Царевна выросла и сдѣлалась чудомъ красоты. И ей пошелъ уже пятнадцатый годъ; что же случилось? Однажды царь и царица куда-то уѣхали; царевна осталась одна во дворцѣ; ей вздумалось осмотрѣть его. Переходя изъ комнаты въ комнату, она подошла къ маленькой двери, отворила ее, увидѣла передъ собою узенькую лѣстницу; эта узенькая лѣстница вела на высокую башню; царевна пошла по ступенямъ и наконецъ очутилась въ маленькой комнатѣ, въ которой сидѣла старушка и пряла. Царевна не испугалась старушки, но подошла къ ней, смотрѣла нѣсколько минутъ на ея работу, наконецъ сама вздумала прясть; но только что взялась за веретено, вдругъ уколола имъ себѣ руку, упала и погрузилась въ глубокій сонъ. Въ эту минуту всѣ заснули: и царь и царица, которые уже возвратились тотчасъ во дворецъ, и придворные, и служители, и царская гвардія; заснули и лошади въ царской конюшнѣ, и голуби на кровлѣ, и собаки на дворѣ, и мухи на стѣ-

нахъ, и даже огонь, пылавши на очагѣ, затихъ и сталъ неподвиженъ, и жареное перестало жариться, и поваръ заснулъ, схвативши за ухо поваренка, который уронилъ кострюлю, и повариха заснула, не дощипавъ курицы, и все стало тихо, какъ будто мертвое, и вдругъ поднялся изъ земли густой терновникъ, который окружилъ весь царскій дворецъ, и вся окрестность покрылась дремучимъ лѣсомъ.

Прошло много лѣтъ, никто не могъ приблизиться къ замку, лѣсъ былъ непроходимъ, терновникъ былъ неприступенъ. Всѣ знали, что въ глубинѣ лѣса находился дворецъ, что во дворцѣ была очарованная царевна, и ее прозвали *Колючею Розою*; ибо она была прекрасна, какъ роза; но колючій терновикъ не допускалъ никого ее увидѣть. Было нѣсколько смѣлыхъ юношей; они отваживались войти въ густоту лѣса, но ни одинъ изъ нихъ оттуда не возвратился: всѣ погибли въ колючемъ терновникѣ, стараясь пройти сквозь него къ очарованному замку. Прошло сто лѣтъ. Однажды мимо дремучаго лѣса ѣхалъ

прекрасный царскій сынъ, и одинъ старичекъ началъ разсказывать ему, какъ онъ слышалъ отъ своего дѣда, что въ этомъ лѣсу былъ замокъ, что въ замкѣ была царевна, Колючая Роза, и что еще никто не могъ проложить къ ней дороги, сквозь частый лѣсъ и колючій терновникъ.

Царскій сынъ не испугался терновника и рѣшился избавить царевну Колючую Розу. Онъ поворотилъ коня своего и въѣхалъ въ гущину темнаго лѣса. Но лѣсъ былъ уже не теменъ и не страшенъ; на вѣточкахъ пѣли голосистыя птицы; вездѣ журчали быстрые ручейки, и воздухъ наполненъ былъ запахомъ цвѣтовъ. Царевичъ подъѣзжаетъ къ терновой оградѣ: она сама передъ нимъ разступилась, и, вмѣсто густаго терновника, увидѣлъ онъ передъ собою кусты бѣлыхъ розъ. Онъ приблизился къ замку, взошелъ на обширный дворъ: на дворѣ стояли осѣдланныя лошади и спали, кругомъ ихъ лежали спящія собаки, у дверей спали часовые, опершись на копья свои; на кровлѣ спали голуби, спрятавъ головки подъ крылья Онъ вошелъ во дворецъ: мухи спали на

стѣнахъ, огонь спалъ на очагѣ, дымъ спалъ въ трубѣ; передъ очагомъ стоялъ сонный поваръ, держа за ухо соннаго поваренка, а подлѣ него сидѣла сонная повариха съ полуощипанною курицею. Въ самомъ дворцѣ увидѣлъ онъ спящихъ придворныхъ: одни спали стоя, другіе сидя, иные глядя въ окно; наконецъ, онъ увидѣлъ спящаго царя и спящую царицу, и все было тихо такъ, что онъ могъ слышать собственное свое дыханіе.

Наконецъ, по узенькой лѣстницѣ взошелъ на башню: тамъ на полу лежала царевна Колючая Роза, прекрасная, какъ ясный день, и спала глубокимъ сномъ. Красота ея такъ поразила царевича, что онъ не могъ удержаться, и поцѣловалъ ее въ розовыя губки... Она открыла глаза и въ эту минуту все проснулось: и царь и царица, и всѣ придворные, и лошади, и собаки; голуби заворковали, мухи полетѣли, огонь запылалъ, поваръ началъ драть за ухо поваренка, повариха начала щипать свою курицу.

Царевичъ сошелъ съ башни съ царевною. Царь и царица ихъ встрѣтили, и въ

Наконецъ она обтерла слезы, свила веревочку изъ тонкой травки, привязала къ ней милаго своего козленочька.

тотъ же день была свадьба, и царевна Колючая Роза была счастлива съ прекраснымъ мужемъ своимъ и была счастлива долго, долго.

—

БРАТЕЦЪ И СЕСТРИЦА.

— Душенька, сестрица! сказалъ печальнымъ голосомъ братецъ, поцѣловавши свою сестрицу: худо намъ жить на свѣтѣ! родная матушка наша умерла, а мачиха насъ не любитъ, бьетъ насъ, когда мы подойдемъ къ ней, чтобъ приласкаться, кормитъ насъ однѣми корками чернаго хлѣба; съ дворною шафкою обходится она лучше, нежели съ нами: она ее гладитъ, и часто бросаетъ ей кусокъ съ своей тарелки; а намъ, бѣднымъ, только что побои! И скоро придется намъ умереть съ голоду. Пойдемъ, сестрица, куда глаза глядятъ!

Они взялись за руки и побѣжали въ лѣсъ; бѣжали, бѣжали, наконецъ, утомившись, спрятались въ дуплѣ стараго дуба,

и начали горько плакать; ибо ихъ мучилъ голодъ, а ѣсть было нечего. Наконецъ они заснули, солнце было уже высоко, когда они проснулись, и въ темномъ дуплѣ было очень душно! — Сестрица! сказалъ братецъ: — мнѣ хочется пить; мнѣ слышится, какъ-будто журчаніе воды; вѣрно, есть близко ручей! Пойду и напьюсь!

— Что пользы пить! сказала сестрица: все-таки мы умремъ съ голоду!

Но братецъ выползъ изъ дупла, сестрица за нимъ: она не могла его оставить. И въ самомъ дѣлѣ имъ послышалось журчаніе источника; но что же? Злая мачиха была чародѣйка: она узнала, куда пошли бѣдныя дѣти, подкралась потихоньку къ тому дубу, въ которомъ они спали; ударила ногою въ землю, и на томъ мѣстѣ явился ручей, который долженъ былъ приманить ихъ къ себѣ своимъ журчаніемъ; но это ручей былъ волшебный и каждый, кто изъ него пилъ, долженъ былъ обратиться въ козленка.

Братецъ, увидѣвъ ручей, который пріятно шумѣлъ и ярко сверкалъ по камешкамъ разноцвѣтнымъ, пуще прежняго захотѣлъ пить. Но сестрицѣ было страшно; ей казалось, что быстрый источникъ, журча, говорилъ ей: не пей изъ меня, козленокъ будешь!—Слышишь ли братецъ? сказала она. Уйдемъ отсюда, мой милый; уйдемъ поскорѣй!—Сестрица, душенька, я ничего не слышу! Ручей журчитъ и струйки его блестятъ такъ мило, такъ ярко, чего ты боишься?—И онъ легъ на траву, чтобъ напиться у свѣтлаго источника; но только что прикоснулся губами къ водѣ, какъ вдругъ не стало братца, а на мѣстѣ его козленокъ лежалъ у источника.

Сестрица плакала, плакала; но дѣлать было нечего! Наконецъ, она обтерла слезы, свила веревку изъ тонкой травки, привязала къ ней милаго своего козленочка и повела его за собою. Скоро нашла она подъ утесомъ пещеру; набрала моху, цвѣтовъ и зеленыхъ вѣтокъ и приготовила изъ нихъ для своего братца мягкую постельку. Они поселились въ этой пещерѣ. По утрамъ до солнца, покуда козленокъ спалъ, сестрица выходила изъ пещеры, собирала для не-

го свѣжую травку, для себя же ягоды и дикія вишни, и возвращаясь кормила травкою братца; поѣвши, онъ весело прыгалъ и забавлялъ сестрицу своею игрой. Ввечеру же, уставши, они оба уходили въ свою пещеру; козленочикъ ложился на мягкій мохъ и засыпалъ; и сестрица, положивши свою головку на спинку его, также засыпала. На другой день и каждый день тоже. И такъ прожили они нѣсколько времени. Богъ видимо хранилъ ихъ, и они были бы очень счастливы, когда бы только братецъ былъ не козленкомъ, а человѣкомъ.

Случилось, однажды, что царь ѣздилъ съ охотою по лѣсу. Онъ увидѣлъ молодую дѣвушку, за которою бѣжалъ козленокъ. Красота ея удивила его. Онъ посадилъ ее къ себѣ на лошадь и повезъ съ собою. Козленокъ побѣжалъ вслѣдъ за ними. Они пріѣхали въ царскій дворецъ. Въ царской столицѣ было много красавицъ, но наша дѣвушка была всѣхъ ихъ лучше. Царь полюбилъ ее и скоро на ней женился, и она стала царицею. А козленокъ не отходилъ отъ нея: она сама его

кормила изъ своихъ рукъ; но часто, часто, цѣлуя его, плакала, думая: то бѣдный мой братецъ!

Злая мачиха, между тѣмъ, услышала о счастіи бѣдной сестрицы. Она увѣрена была, что въ лѣсу съѣли ее дикіе звѣри, и вдругъ узнала, что она царица и счастлива. Это ужасно разсердило чародѣйку: она занемогла отъ досады; день и ночь думала, какъ бы погубить прекрасную царицу, и что же, наконецъ, выдумала! У царя родился сынъ; царь поѣхалъ на охоту, а царица осталась одна еще больная, и лежала въ постелѣ. Чародѣйка приняла на себя видъ ея служительницы и вошла въ ея комнату. Вмѣсто лекарства, которое принимала царица, она подала ей очарованное питье, которое сама составила. И только что отвѣдала царица этого питья, какъ вдругъ лишилась чувствъ и сдѣлалась неподвижною, какъ мертвая. Чародѣйка унесла ее, а на царскую постелю положила собственную свою дочь, которой своимъ колдовствомъ дала такое лице, какое было у царицы. Царь

возвратился и не замѣтилъ обмана. Но въ первую ночь, когда всѣ спали, нянюшка новорожденнаго младенца, которая одна не спала надъ его колыбелью, увидѣла, что двери ея комнаты отворились, что въ двери вошла царица, блѣдная и печальная; она тихонько приблизилась къ колыбели, посмотрѣла на спящаго младенца, вынула его, накормила грудью, поправила его постельку, поплакала надъ нимъ, поцѣловала его и благословила; потомъ пошла въ тотъ уголъ, гдѣ спалъ козленокъ, погладила его и также поцѣловала. Такъ приходила она нѣсколько ночей сряду, приходила и уходила, не говоря ни слова. Но въ одну ночь, вошедши въ комнату по обыкновенію, она сказала:

Что дѣлаетъ мой ребеночекъ?
Что дѣлаетъ мой козленочекъ?
Еще приду я дважды.
И больше не приду.

Сказавъ это, она по прежнему покормила сына, поцѣловала его, благословила; потомъ погладила козленочка, также поцѣловала, и тихо, тихо удалилась съ горькими слезами. Няня сказала объ этомъ царю, и онъ рѣшился просидѣть всю слѣдующую ночь, надъ колыбелью сына, желая увидѣть своими глазами то, что видѣла няня. И въ самомъ дѣлѣ, въ обыкновенный часъ дверь отворилась, царица вошла и сказала:

Что дѣлаетъ мой ребенокъ?
Что дѣлаетъ мой козленокъ?
Приду еще однажды
И больше не приду.

Но царь не осмѣлился назвать ее по имени, и она удалилась по прежнему тихо, тихо, съ горькими слезами. На третью ночь, царь опять дождался ея; опять она вошла, и также вздохнувши сказала:

Что дѣлаетъ мой ребенокъ?
Что дѣлаетъ мой козленокъ?
Пришла я въ послѣдній разъ.
И больше не приду.

Царь, услышавъ это, не могъ болѣе удержаться: онъ бросился обнимать ее, и вдругъ она ожила, блѣдность ея исчезла и глаза сдѣлались свѣтлы.—Ложная царица выгнана была изъ дворца, а злую мачиху-

чародѣйку сожгли, и въ ту минуту, какъ она обратилась въ пепелъ, козленочекъ сдѣлался по прежнему братцемъ, и братецъ и сестрица съ тѣхъ поръ не разлучались и прожили долго и счастливо.

—

МИЛЫЙ РОЛАНДЪ

и

ДѢВИЦА ЯСНЫЙ ЦВѢТЪ.

Одну прекрасную дѣвочку, за ея доброе сердце, за ея смиреніе и красоту, всѣ называли Дѣвица Ясный Цвѣтъ. Всѣ любили ее, всѣ ею радовались; одна только злая мачиха, которая притомъ была и чародѣйка, ее ненавидѣла. И ей стало наконецъ такъ несносно жить у жестокой этой женщины, что она рѣшилась бѣжать изъ отеческаго дома. Она пошла къ своему другу, милому Роланду, и сказала ему: уйдемъ, мой другъ; я умру, когда здѣсь останусь! Пойдемъ, куда глаза глядятъ! Не бойся ничего; я взяла съ

собою мачихинъ очарованный прутикъ.— Пойдемъ Дѣвица Ясный Цвѣтъ! сказалъ ей Милый Роландъ: съ тобою готовъ я на край свѣта! — Они взялись за руки и пошли, куда глаза глядятъ, прямо по дорогѣ.

Мачиха-чародѣйка тотчасъ догадалась, что Дѣвица Ясный Цвѣтъ ее покинула, надѣла сапоги-самоходы и пустилась за нею въ погоню. Но очарованный прутикъ остерегъ прекрасную дѣвочку. Берегись, мачиха близко! сказалъ онъ ей. И въ самомъ дѣлѣ скоро услышали они, что кто-то бѣжалъ по дорогѣ за ними. Дѣвица Ясный Цвѣтъ махнула волшебнымъ прутикомъ, и въ ту же минуту она сдѣлалась широкимъ озеромъ, а Милый Роландъ бѣлой уточкой, которая плавала по широкому озеру. Мачиха остановилась на берегу озера, начала кликать бѣлую утицу; начала бросать ей съ берега хлѣбныя крошки; напрасно: бѣлая уточка не прельщалась хлѣбными крошками. Колдунья простояла до вечера попустякамъ у озера, охрипла отъ крику, вся иззябла и наконецъ принуждена была воротиться домой. Только что она ушла,

озеро и бѣлая уточка исчезли, и Дѣвица Ясный Цвѣтъ пошла по дорогѣ съ милымъ своимъ Роландомъ.

На другое утро колдунья опять погналась за ними, опять очарованный прутикъ сказалъ, что она близко, и Дѣвица Ясный Цвѣтъ опять махнула очарованнымъ прутикомъ. И она въ минуту превратилась въ бѣлую розу, вокругъ нея выросъ густый терновникъ, а Роландъ превратился въ старика съ очарованной дудочкой. Волшебница, подбѣжавши къ терновнику и увидѣвъ бѣлую розу, спросила у старика:—могу ли я сорвать эту бѣлую розу?—Сорви, если хочешь! отвѣчалъ старикъ. Но только-что волшебница вошла въ средину терновника, и протянула руку къ розѣ, какъ старикъ заигралъ на своей дудочкѣ, и она по неволѣ принуждена была плясать! Чѣмъ больше игралъ онъ, тѣмъ больше она прыгала и вертѣлась, а терновыя иглы такъ и кололи ее; наконецъ, онѣ такъ изкололи ее, что она повалилась на землю и умерла.

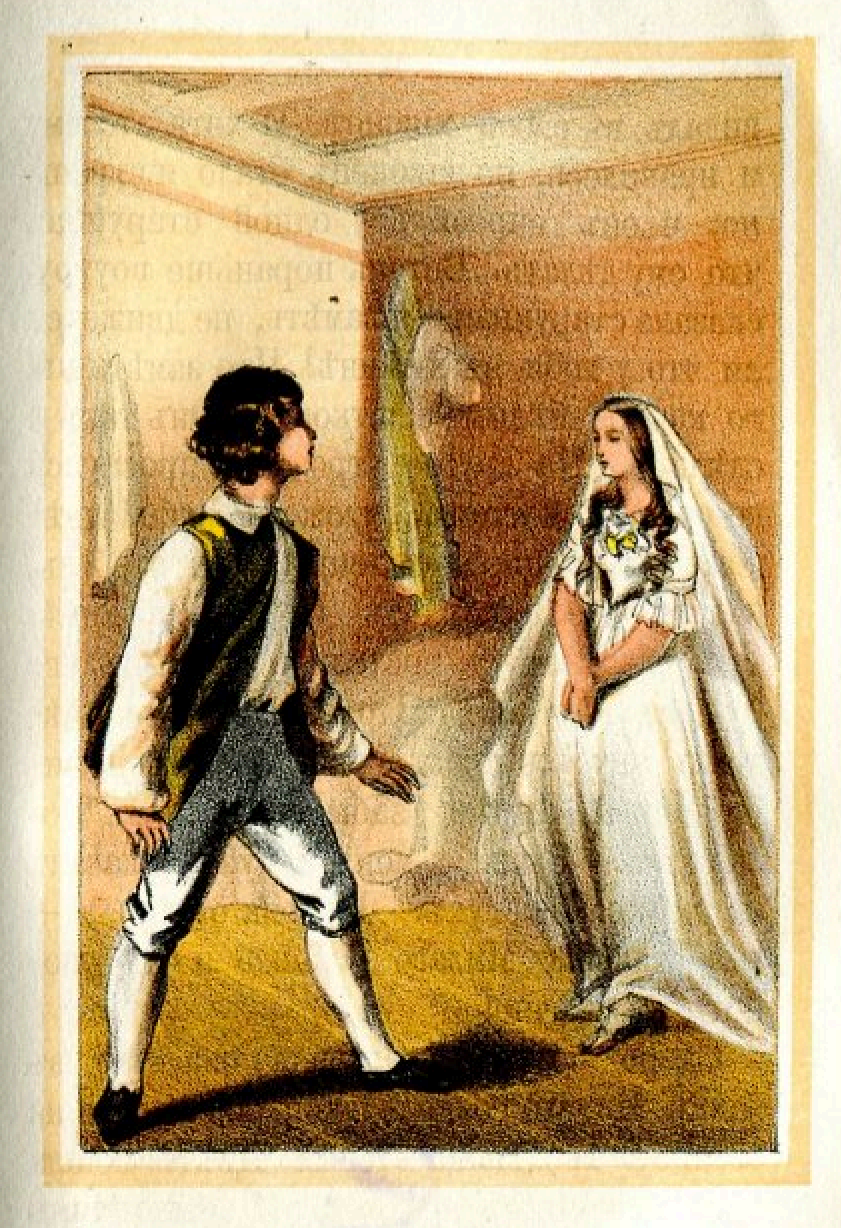
Теперь мы свободны! сказалъ Милый Роландъ. Теперь я пойду къ отцу моему

и все приготовлю къ нашей свадьбѣ! — Поди, мой Милый Роландъ; а я останусь здѣсь краснымъ полевымъ камнемъ у дороги, и буду ждать, пока ты придешь за мною!— Милый Роландъ удалился, а Дѣвица Ясный Цвѣтъ осталась полевымъ краснымъ камнемъ у большой дороги. И долго, долго ждала она Милаго Роланда,—и ждала понапрасну: Милый Роландъ не возвратился, Милый Роландъ позабылъ объ ней, и ей стало грустно, грустно, и она превратилась въ голубой цвѣточикъ и подумала: авось кто-нибудь раздавитъ меня! Но это не сбылось!

Шелъ по дорогѣ молодой пастухъ, увидѣлъ голубой цвѣточикъ, прельстился имъ, вырылъ его изъ земли и унесъ въ свою хижину. И съ этой минуты въ хижинѣ стало все не по старому: въ ней дѣлались чудеса. Не успѣетъ молодой пастухъ проснуться поутру, и въ хижинѣ его уже все прибрано, пыль обметена, огонь горитъ на очагѣ. Воротится ли въ полдень домой,— и обѣдъ готовъ, и столъ накрытъ; садись и обѣдай. Онъ удивлялся; не могъ понять, какъ это дѣлалось, ибо никогда никого не

видалъ въ своей хижинѣ. И хотя это ему и нравилось, но наконецъ стало и страшно; и онъ спросилъ у одной старушки, что ему дѣлать. Встань пораньше поутру, сказала старушка:—и замѣть, не движется ли что у тебя въ хижинѣ? Что замѣтишь, то накрой бѣлымъ платкомъ.—Онъ такъ и сдѣлалъ. На другое утро онъ проснулся до солнца; смотритъ... чтоже? Голубой цвѣтокъ его, покинувъ зеленый свой стебель, началъ тихо порхать по его хижинѣ. Онъ вскочилъ съ постели и накрылъ его бѣлымъ платкомъ. Вдругъ на мѣсто цвѣточка явилась прекрасная дѣвочка, Дѣвица Ясный Цвѣтъ, забытая Милымъ Роландомъ.—Выдь за меня замужъ, сказалъ ей молодой пастухъ.—Но она отвѣчала:—нѣтъ! люблю Милаго Роланда и буду любить его вѣчно!

Скоро потомъ услышала она, что въ замкѣ Милаго Роланда собирались гости на свадьбу. И Дѣвица Ясный Цвѣтъ пошла туда вмѣстѣ съ другими. И было тамъ много дѣвицъ и каждая должна была, въ свою очередь, спѣть невѣстѣ и жениху

Вдругъ на мѣстѣ цвѣточка явилась прекрасная дѣвочка

пѣсню. Дѣвица Ясный Цвѣтъ запѣла послѣдняя, и только-что она запѣла, какъ Милый Роландъ узналъ ея голосъ; память его возвратилась.—Вотъ моя невѣста! закричалъ онъ, бросившись цѣловать ее. И они обвѣнчались, и жили другъ съ другомъ счастливо.

—

КРАСНАЯ ШАПОЧКА.

Жила вдова, у которой была прекрасная дочка,—такая прекрасная, что всѣ на нее любовались. Мать любила ее безъ памяти, а бабушка была отъ нея безъ ума. Она подарила ей красную шапочку, которая такъ была ей къ лицу, что всѣ называли ее: Дѣвочка Красная Шапочка.

Однажды мать сказала ей:—послушай, Красная Шапочка, я испекла пирожокъ, и надоила отъ нашей коровушки горшечекъ молока. Отнеси ихъ бабушкѣ; она теперь больна и ей пріятно будетъ отвѣдать пирожка, и напиться молочка. Смотри же,

дружокъ, иди осторожно, чтобы не упасть и не разбить горшечка!—Слушаю, матушка! сказала Красная Шапочка, и пошла потихоньку.

Бабушка жила за рощею, въ двухъ верстахъ отъ деревни. И не успѣла Красная Шапочка войти въ рощу, какъ встрѣтился съ нею волкъ; но Красная Шапочка не знала, какъ золъ бываетъ волкъ, не побоялась его, и онъ началъ съ нею разговаривать. — Здравствуй. Красная Шапочка!—Здравствуй, Сѣрый Волкъ!—Куда идешь ты, Красная Шапочка? — Къ бабушкѣ, Сѣрый Волкъ.

—Что это у тебя въ узелкѣ? — Пирожокъ и горшечикъ молока для моей бабушки.—А гдѣ живетъ твоя бабушка?—Тамъ за рощею! Видишь ли три большіе дуба? За ними ея хижина!—И волкъ началъ думать, какъ бы достать себѣ этотъ лакомый кусокъ! Подумалъ и сказалъ: — послушай, Красная Шапочка! на что ты такъ спѣшишь къ своей бабушкѣ? Тебя никто не гонитъ! Посмотри, сколько пре-

красныхъ цвѣтковъ въ рощѣ! Послушай, какъ пріятно распѣваютъ птички!

Красная Шапочка начала оглядываться и слушать. Солнышко ярко свѣтило сквозь деревья, и на зеленой травкѣ блистали пестрые, душистые цвѣты. Нарву ихъ, подумала Красная Шапочка, и свяжу прекрасный пучекъ для моей бабушки; это ей будетъ пріятно; теперь же рано, и я приду къ ней еще во время. Красная Шапочка принялась собирать цвѣты, а волкъ, между тѣмъ, побѣжалъ прямою дорогой къ хижинѣ. Стукъ, стукъ! — Кто тамъ? спросила бабушка.—Я—твоя внучка, Красная Шапочка, принесла тебѣ пирожокъ и молока горшечикъ, отвѣчалъ волкъ, стараясь подражать голосу Красной Шапочки.—Отдерни задвижку, дверь отворится.—Волкъ отдернулъ задвижку, и дверь отворилась. Бабушка лежала въ постелѣ. Онъ бросился прямо на нее и разомъ проглотилъ ее; потомъ одѣлся въ ея платье, надвинулъ на глаза ея чепчикъ, затворилъ дверь, легъ въ постель и задернулъ занавѣсъ.

Красная Шапочка, между тѣмъ, набравши довольно цвѣтовъ, пошла къ своей бабушкѣ. Стукъ, стукъ!—Кто тамъ? спросилъ волкъ. Осиплый голосъ его испугалъ Красную Шапочку.—Я—твоя внучка, отвѣчала она:—но что у тебя за голосъ, бабушка?—Я простудилась! горло болитъ! прохрипѣлъ волкъ. Отдерни задвижку, дверь отворится.—Красная Шапочка отдернула задвижку и дверь отворилась. Она вошла, и ей стало страшно; въ комнатѣ все было не по старому: сундукъ отпертъ, бабушкино платье разбросано! Боже мой! подумала она: — отъ чего замираетъ у меня сердце? До сихъ поръ бывало мнѣ такъ весело приходить къ моей бабушкѣ! а теперь... И она робко подошла къ постелѣ, отдернула занавѣсъ, и видитъ, что бабушка ея лежитъ, надвинувши на глаза чепецъ, и смотритъ на нее дико.—Бабушка, бабушка! за чѣмъ у тебя такъ сверкаютъ глаза?—За тѣмъ, чтобы лучше тебя видѣть!—Бабушка, бабушка! на что у тебя такъ отвисли уши?—На то, чтобы лучше тебя слышать!—Бабушка, бабушка! на что

у тебя такіе длинные ногти?—На то, чтобы лучше тебя схватить!—Бабушка, бабушка! за чѣмъ у тебя такой большой ротъ?—За тѣмъ, чтобъ лучше тебя проглотить!—Съ этимъ словомъ волкъ прыгнулъ съ постели, бросился на Красную Шапочку, и вмигъ ее проглотилъ съ пирогомъ, горшкомъ и цвѣтами.

Насытившись, волкъ опять улегся въ постелю, скоро заснулъ и началъ ужасно храпѣть. Онъ и не подумалъ запереть двери. Въ эту минуту шелъ мимо хижины охотникъ; онъ услышалъ, что кто-то въ ней такъ громко храпитъ, и удивился. Не можетъ быть, чтобы старушка могла такъ громко храпѣть, подумалъ онъ; войдемъ и посмотримъ! Вошелъ и видитъ волка, того самаго волка, за которымъ онъ долго попустякамъ ходилъ съ ружьемъ по лѣсу. Вѣрно, онъ проглотилъ старушку! подумалъ охотникъ. Я не стану стрѣлять по немъ; можетъ статься, удастся еще спасти ее. И онъ подкрался къ спящему волку, вынулъ свой кортикъ и началъ осторожно разрѣзывать ему брюхо. Разрѣзалъ немно-

го, посыпались цвѣты, потомъ выкатился горшечекъ и молоко вылилось на полъ; еще разрѣзалъ: мелкнула Красная Шапочка и вдругъ выскочила сама дѣвочка, живая! — Ахъ, Боже мой! сказала она, протирая глаза:—какъ было темно у волка въ желудкѣ!—Охотникъ разрѣзалъ еще и выползла изъ желудка сама бабушка, слабая, но, къ счастію, еще живая. Что же они сдѣлали? Натаскали тяжелыхъ камней, набили ими волку желудокъ, зашили его, а сами спрятались, ожидая, что будетъ. Волкъ проснулся, зевнулъ, началъ потягиваться, наконецъ всталъ, и хотѣлъ бѣжать, но камни были такъ тяжелы, что онъ не могъ сдвинуться съ мѣста. И охотникъ тутъ же его застрѣлилъ.

Охотнику досталась его шкура, бабушка скушала пирожокъ, а Красная Шапочка, подобравши цвѣтки, связала изъ нихъ пучекъ, который оставила себѣ на память, чтобы впередъ не слушаться волковъ, не разговариватъ съ ними и не ходить за цвѣтами въ рощу, когда матушка не велѣла мѣшкать; а прямо идти къ бабушкѣ.

ДѢВИЦА БЕРЕЗНИЦА.

Въ одной уединенной долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ дремучимъ лѣсомъ, находилась хижина, въ которой жилъ угольщикъ съ женою. Богъ далъ имъ маленькую дочку; но они не знали, какимъ образомъ окрестить ее и кого звать въ кумовья. Хижина была отдалена отъ всякаго жилья и въ сосѣдствѣ не было ни одной церкви; они жили такъ уединенно, что не были знакомы ни съ кѣмъ, кромѣ тѣхъ, кому продавали свои уголья.

Однажды жена сказала угольщику:— нашей дѣвочкѣ скоро будетъ шесть недѣль, а она еще не крещена; это меня очень мучитъ! Хотя церкви отсюда вcѣ и отдалены, но здѣсь въ лѣсу живетъ монахъ пустынникъ; онъ, конечно, не откажется окрестить наше дитя. Поди къ нему завтра поутру, и попроси его объ этомъ.

—Хорошо! отвѣчалъ угольщикъ: — но, вѣдь, нужны также и кумовья! Ихъ-то гдѣ взять?

—Позови кого-нибудь изъ тѣхъ, которые пріѣзжаютъ покупать у насъ угόлья. Тебѣ, вѣрно, отказа не будетъ!

Угольщику хотѣлось бы позвать въ кумовья кого-нибудь изъ своихъ; но родные и друзья его жили очень далеко, и ему невозможно было ни самому предпринять такого дальняго пути, ни ожидать, чтобы они согласились ѣхать къ нему на крестины въ такую даль; и такъ, послушавшись совѣта жены своей, на другой день, ранехонько поутру, онъ пустился въ путь.

Долго, долго онъ шелъ густымъ лѣсомъ; вдругъ увидѣлъ идущую къ нему навстрѣчу прекрасную дѣвушку. На ней была одежда бѣлая, какъ снѣгъ, а на головѣ развѣвалось зеленое покрывало. Приблизясь къ угольщику, она остановилась и сказала:—здравствуй, другъ мой, угольщикъ! Куда ты собрался такъ рано?

Угольщикъ почтительно поклонился прекрасной дѣвицѣ, и отвѣчалъ:

—Я иду къ пустыннику просить его, чтобъ онъ пришелъ окрестить мою маленькую дочку; а потомъ пойду искать кумовьевъ. Я здѣсь живу на чужой сторонѣ, не имѣю ни родныхъ, ни друзей.

—Не трудись понапрасну искать кумовьевъ! сказала дѣвица:—я знаю, что ты хочешь звать кого-нибудь изъ тѣхъ, которые покупаютъ у тебя уголья; никто изъ нихъ не пойдетъ къ тебѣ въ кумовья; всѣ они откажутся, не желая убыточиться на ризки. Послушай моего совѣта: возьми въ кумы меня! Для дѣвочки нужна одна только крестная мать; я охотно соглашусь быть ею; а безъ подарка *Дѣвица Березница* никогда не приходитъ. Подумай объ этомъ хорошенько, и если желаешь имѣть меня кумою, то дай мнѣ знать это вотъ какимъ образомъ: видишь ли мою большую березу? Стукни по ней своею тростью столько разъ, во сколько часовъ ты хочешь, чтобъ я къ тебѣ пришла.

Сказавъ это, красавица исчезла. Удивленный угольщикъ нѣсколько времени стоялъ, какъ окаменѣлый; потомъ продолжалъ путь свой, покачивая головою. Онъ нашелъ пустынника въ кельѣ, и сказалъ ему о своей нуждѣ. Отецъ Венедиктъ обѣщалъ придти на другой день въ три часа пополудни. Когда же онъ спросилъ, кто будутъ кумовья, то угольщикъ разсказалъ ему о своей встрѣчѣ съ прекрасною незнакомкой.—Наружность-то ея очень привлекательна, продолжалъ онъ:—и въ ней видна какая-то неизъяснимая кротость и доброта; но мнѣ лучше хочется имѣть обыкновенную куму, а не такую знатную госпожу; она же еще и знаетъ все, что должно случиться впередъ; Богъ знаетъ, откуда она взялась и куда дѣвалась; да ее же и звать надобно, простучавъ по березѣ, въ которомъ часу ей приходить!

Отецъ Венедиктъ старался утвердить его въ этихъ мысляхъ, и угольщикъ пошелъ въ ближайшее селеніе, гдѣ жилъ одинъ изъ знакомыхъ. Когда онъ изъяснилъ свою просьбу, то знакомецъ нахмурился и отвѣ-

чалъ:—я охотно пришелъ бы къ тебѣ, да у меня и такъ ужъ слишкомъ много крестниковъ и крестницъ! Къ тому же и недосуги! На этой недѣлѣ мнѣ изъ селенія нельзя отлучиться ни на шагъ. Такъ ужъ, другъ любезный, не взыщи! Извини меня!

— Экой ты, братецъ! Самому нельзя, такъ отпусти хотя хозяйку свою! Вѣдь, для дѣвочки нужна только крестная мать!

— Статочное ли дѣло, чтобъ я пустилъ мою бабу безъ себя, сквозь такой густый, дремучій лѣсъ! Да и у нея теперь тоже много дѣла! Нѣтъ, ужъ извини, пріятель!

Угольщикъ вышелъ отъ него, ворча сквозь зубы: слишкомъ много крестниковъ! Тебѣ не хочется ничего дать на крестъ!— Онъ пошелъ въ другую деревню еще къ знакомымъ, и оттуда его выпроводили также, говоря:—поздравляемъ съ дочкою! Дай Богъ ей счастія; но крестить у тебя намъ невозможно! Мы несчастливы на крестниковъ; они у насъ не стоятъ! Мы положили зарокъ ни у кого не крестить! Благодаримъ за приглашеніе.

Видно, дѣвица Березница угадала! подумалъ угольщикъ, продолжая путь свой. У него былъ еще знакомый купецъ живщій въ ближнемъ городкѣ.

— Нѣтъ, любезный! отвѣчалъ онъ съ величайшею спѣсью:—меня и всѣ зовутъ крестить, потому что я человѣкъ зажиточный; всякому бы хотѣлось отъ меня поживиться чѣмъ-нибудь! Знаемъ, братъ, знаемъ! А ты будь доволенъ и тѣмъ, что я всегда на чистыя деньги покупаю твои уголья!

Огорченный угольщикъ пошелъ домой.—Теперь. сказалъ онъ, ужъ не хочу больше никого звать! И что ни говори честный отецъ Венедиктъ, а я позову въ кумы дѣвицу Березницу! Она сама назвалась; это знакъ добрый.

Утомленный своимъ странствіемъ, онъ вечеромъ пришелъ въ лѣсъ и, отыскавъ большую березу, стукнулъ по ней три раза своею тростью. Жена спрашивала, отъ чего онъ такъ долго ходилъ.—Ахъ, жена! отвѣчалъ онъ:—я ходилъ долго и далеко, а нашелъ всего одну куму, и та, можетъ

быть, тебѣ не по нраву придетъ!—Тутъ онъ разсказалъ обо всемъ, что съ нимъ случилось. Женѣ ни сколько не была непріятна такая чудная кума; да другой же и взять было негдѣ! Однако она ожидала ее съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Утро прошло въ разныхъ приготовленіяхъ. Не взирая на недостатки свои, угольщикова жена хотѣла, какъ возможно, лучше отпраздновать крестины единственнаго своего дитяти и показать свое мастерство въ поваренномъ искусствѣ.

Пустынникъ пришелъ въ назначенный часъ; вслѣдъ за нимъ вошла и дѣвица Березница. Бѣлое платье и зеленое покрывало придавали необыкновенный блескъ красотѣ ея и стройному высокому стану. Послѣ первыхъ привѣтствій она подошла къ колыбели младенца и разсматривала малютку.

— Поздравляю васъ съ такою дочкою! сказала она родителямъ:—она будетъ прекрасна! хороша лицомъ и очень стройна! Взявъ младенца на руки, она подошла къ купели. Пустынникъ спросилъ, какъ наречи имя новорожденной? Крестная мать,

не давъ выговорить родителямъ ни слова, сказала:—хочу, чтобъ ее звали Бетула.—Бетула! возразилъ пустынникъ:—но такого имени нѣтъ въ святцахъ! И если я не ошибаюсь, то въ переводѣ оно значитъ: береза?—Точно такъ! отвѣчала дѣвица. Но что до этого! Развѣ береза не сотворена Господомъ Богомъ на пользу человѣка! Береза была на свѣтѣ прежде святцевъ. Прошу васъ, батюшка, не говорить мнѣ ничего дурнаго о березѣ и не отнимать у меня права дать имя моей крестницѣ.

Она такъ рѣшительно объявила свою волю, что ни отецъ, ни мать, ни пустынникъ не осмѣлились ей противорѣчить, и дѣвочка названа была Бетулою.

Казалось, крестная мать не принесла ничего съ собою, но когда понадобилось бѣлье, во что принять младенца, то она вытряхнула изъ рукава своего бѣлую простыню, обшитую зеленой бахрамою; потомъ тонкую и, какъ снѣгъ, бѣлую рубашечку; крестикъ изъ березоваго дерева на зеленой ленточкѣ и зеленую шелковую шапочку для младенца; наконецъ и утиральникъ

на руки крестившему священнику весь бѣлый, и по концамъ разшитый зеленымъ узоромъ, изображающимъ березовые листья.

Послѣ крестинъ, дѣвица Березница, отдавая матери младенца, сказала: теперь мнѣ надобно подарить чѣмъ-нибудь мою крестницу! И опять вытряхнула что-то изъ широкаго рукава своего. Отецъ и мать и пустынникъ думали, что она подаритъ дитяти золотую или серебряную игрушку; но какъ выразить ихъ удивленіе, когда они увидѣли, что дѣвица Березница положила въ колыбель своей крестницы простую ложку изъ березоваго дерева.—Берегите мой подарокъ, какъ глазъ! сказала она:—со временемъ онъ дочери вашей пригодится.

Угольщикова жена собрала на столъ все, что приготовила для гостей своихъ: большое блюдо прекрасной свѣжей рыбы, которую мужъ ея поймалъ въ ближней рѣчкѣ,—пироги, яичницу, кашу съ молокомъ, браги, и большой кувшинъ меду, отъ своихъ пчелъ, и который она умѣла варить очень хорошо. За столомъ всѣ были веселы, много смѣялись и шутили такъ

что не замѣтили, какъ наступилъ вечеръ и начало смеркаться.

Пустынникъ хотѣлъ идти домой, но кума остановила его, сказавъ:—я сама втѣснилась въ кругъ вашъ; слѣдственно и должна исполнять всѣ ваши обычаи. Я знаю, что кумъ долженъ подарить священника, крестившаго дитя; но какъ теперь кума нѣтъ, то я обязана наградить васъ за трудъ, батюшка. Протяните свою руку!—Пустынникъ, помня деревянную ложку, совсѣмъ не желалъ получить подобнаго подарка. Онъ благодарилъ, говоря, что за исполненіе священной обязанности не требуется никакой награды, и что онъ, въ особенности, какъ человѣкъ, совершенно отрекшійся отъ свѣта, не нуждается ни въ чемъ.

Но она не слушала никакихъ отговорокъ.—Если вы сами не имѣете нужды въ моемъ подаркѣ, сказала она, то употребите его въ пользу ближнихъ, или на благолѣпіе храма Господня!—Выговоривъ это, она вынула изъ кармана полную горсть свѣжихъ березовыхъ листьевъ, и почти насильно высыпала ихъ въ пригоршни пу-

стыннику. Но березовые листы, падая изъ рукъ ея, звенѣли и обращались въ блестящія золотыя монеты.

Угольщикъ и жена въ безмолвномъ удивленіи смотрѣли на происходившее и, невольно, взглянули на деревянную ложку, чтобъ увидѣть, не превратилась ли она въ серебро, золото, или брилліанты. Но таже деревянная ложка лежала въ малюткиной колыбели. Кума замѣтила это движеніе и, улыбаясь, сказала:—берегите мой подарокъ! Когда же крестница моя подростетъ, то и ее научите беречь его. Богъ да благословитъ васъ и вашу дочку.

При сихъ словахъ она вышла и скрылась въ лѣсу. Пустынникъ также ушелъ.

Угольщикова жена была очень недовольна.—Мнѣ хочется бросить эту деревянную ложку, сказала она. Если кума наша могла дать пустыннику цѣлую горсть червонцевъ, то почему бы ей не дать нашей бѣдной дѣвочкѣ чего-нибудь получше этой деревянной ложки, которая и гроша не стоитъ.

Угольщикъ улыбнулся и сказалъ:—глупая ты женщина! Благодари Бога за то, что кто-нибудь согласился окрестить нашу дочь. Мало ли я вчера бѣгалъ понапрасну! Еслибы не дѣвица Березница, то у нашей малютки до сихъ поръ не было бы крестной матери, и она все оставалась бы некрещеною! Когда она назвалась къ намъ въ кумы, тогда мы не думали ни о ризкахъ, ни о подаркѣ; и теперь бы намъ не пришло въ голову ожидать какого-нибудь подарка, еслибъ она сама не дала эту деревянную ложку. Будь довольна всѣмъ и не бросай ложку въ печь, но береги ее! Развѣ березовые листы не превратились въ червонцы? Можетъ статься, современемъ, и изъ ложки выйдетъ что-нибудь путное.

Дѣвочка росла не по днямъ, а по часамъ. Она была прекрасна: отецъ и мать страстно любили ее, и полагали въ ней всѣ свои радости, все свое счастье. Но какъ другихъ дѣтей у нихъ не было, то они отъ излишней любви ее ужасно баловали; во всемъ исполняли ея волю, старались угадывать ея желанія и предупреждать

ихъ; смотрѣли ей въ глаза, ни въ чемъ не останавливали, и такимъ образомъ пріучили ее считать себя главнымъ лицомъ въ домѣ, и рожденную для того, чтобы повелѣвать отцомъ и матерью. Если нескоро исполняли ея приказанія; то дѣвочка принималась плакать, такъ что не знали, чѣмъ ее утѣшить, и плакала до тѣхъ поръ, пока сдѣлаютъ, чего она хочетъ. При всей любви своей родители не всегда могли выполнять ея требованія, ибо она часто желала невозможнаго. Она сердилась, капризничала безпрестанно, и почти никогда не была ни веселою, ни счастливою.

Такимъ образомъ маленькая Бетула достигла четырехъ-лѣтняго возраста, и крестная мать во все это время не навѣстила ее ни разу. Однажды, въ Рождественскій сочельникъ, поздно вечеромъ, угольщикова жена, при свѣтѣ ночника, дошивала платьице, которымъ хотѣла подарить въ праздникъ свою милую дочку. Мужъ уже крѣпко спалъ, послѣ дневныхъ трудовъ; также спала и Бетула. Вдругъ кто-то постучалъ въ ставень. Угольщикова

жена отворила дверь въ сѣни и увидѣла высокую женщину, въ одеждѣ бѣлой, какъ снѣгъ, и съ темнымъ покрываломъ на головѣ.—Здорово, кумушка! сказала она:—неужели ты не узнала меня? Вѣрно, это отъ моего зимняго темнаго покрывала; я проношу его еще нѣсколько мѣсяцевъ, всю зиму, а зеленую надѣваю только лѣтомъ. Я пришла провѣдать мою крестницу. Растетъ ли она, умнѣетъ ли?

— Войдите въ горницу, кумушка! сказала угольщикова жена. Крестница ваша спитъ. Слава Богу! она ужъ-таки великонька становится; только не могу сказать, чтобъ умна была! Такая неугомонная, что не знаешь, чѣмъ ей угодить! Все сердится, да плачетъ!

— А! понимаю! прервала дѣвица Березница. Мнѣ надобно подарить къ празднику мою крестницу. Вотъ, я вижу, кумушка, ты готовишь ей новое платьице и я знаю, что ты не одинъ этотъ подарокъ припасла для нея къ такому великому дню. Вотъ положи и мой подарочекъ вмѣстѣ съ своими; онъ ей пригодится!—Она всунула

что-то въ руку угольщиковой женѣ, которая подумала: ну, теперь-то она ужъ вѣрно принесла что-нибудь хорошенькое! Но какъ же она испугалась, увидя пукъ березовыхъ розогъ, связанныхъ широкою зеленою лентой. Прежде нежели она успѣла опомниться, кумушка вышла вонъ и скрылась въ темнотѣ.

— Хорошъ подарочекъ! сказала угольщикова жена. Неужели она не придумала ничего получше для подарка своей крестницѣ? Ужъ лучшебъ ничего не давать! Еслибъ я захотѣла высѣчь бѣдную мою дѣвочку, то и безъ нея могла бы наломать прутьевъ въ лѣсу!—Однако, какъ ей ни было досадно, но она положила розги къ прочимъ подаркамъ, приготовленнымъ для Бетулы. Эти подарки состояли изъ яблокъ, орѣховъ, пряниковъ и двухъ, трехъ игрушекъ.

На другой день, поутру, маленькая Бетула была очень довольна всѣми подарками. Отецъ и мать, стоя подлѣ, радовались, глядя на нее. Наконецъ, замѣтя розги, она спросила:—матушка, а это что та-

кое? Какъ этимъ играютъ?—Мать поглядѣла на мужа, который сказалъ:—это называется розгами; ими не играютъ, а сѣкутъ сердитыхъ дѣтей.

— Меня еще никогда не сѣкли! прервала дочка:—это вѣрно потому, что я не сердитое, а доброе дитя!—Старайся быть доброю впередъ, сказала мать, чтобы не заслужить такого наказанія. Эти розги принесла твоя крестная мать, и какъ теперь въ домѣ завелись розги, то легко можетъ статься, что тебя и высѣкутъ ими, если станешь упрямиться.

Въ другое время Бетула непремѣнно разсердилась бы за такой отвѣтъ, и на отца и на родную мать, и на крестную, и надѣлала бы много шуму; но теперь она была такъ довольна лакомствами и игрушками, что не думала о розгахъ.

Во время обѣда, наскуча играть и налакомившись досыта, она сидѣла надувшись. Мать дала ей горячей похлебки; но она съ досадою оттолкнула тарелку и сказала:—не хочу похлебки! она дурна!

— Ты слишкомъ много ѣла пряниковъ! сказала мать:—съѣшь немножко похлебки, чтобъ не заболѣлъ у тебя животъ! Нутка, разговѣемся вмѣстѣ!—Да, Бетула, поѣшь горячаго! похлебка славная! разговѣйся съ нами! сказалъ отецъ.—Я хочу разговѣться красными, крутыми яйцами! закричала Бетула. Если вы не дадите мнѣ красныхъ крутыхъ яицъ, то я ничего ѣсть не стану! Матушка, поди, принеси мнѣ красныхъ яицъ разговѣться!

— Дитя мое! отвѣчала мать:—какія теперь красныя яица. Теперь зима, куры не несутъ яичекъ; красными яйцами разгавливаются въ день Пасхи, на Свѣтлый праздникъ!—Вели курамъ нести яица! закричала Бетула:—я хочу красныхъ яицъ! Накрась мнѣ яицъ! Испеки мнѣ яицъ! Я хочу яицъ!—Отецъ, желая успокоить ее, сказалъ:—душа ты моя! еслибъ у матери твоей были красныя печеныя яйца, то она съ радостью дала бы ихъ тебѣ. Ты знаешь, какъ она тебя любитъ и какъ ей весело утѣшать тебя! Какъ скоро куры

станутъ несть яички, она для тебя накраситъ и напечетъ цѣлую коробку.

— Я хочу, чтобъ теперь были яйца! кричала дѣвочка и принялась ревѣть во все горло. Испеки мнѣ яицъ, накрась мнѣ яицъ, скверная мать!—Она соскочила съ лавки, на которой сидѣла, топала ногами и повторяла съ ужаснымъ крикомъ: испеки мнѣ яицъ! Накрась мнѣ яицъ! Скверная мать! Мерзкій отецъ!

Въ это время пукъ, лежавшій на окнѣ, сталъ потихоньку приподниматься, наконецъ всталъ, спрыгнулъ съ окна на лавку, съ лавки на полъ и все припрыгивая пошелъ прямо къ маленькой Бетулѣ. Какъ скоро онъ приблизился, платьице само собою поднялось и онъ сталъ, безъ милости, хлопать сердитую дѣвочку.

При первомъ ударѣ, малютка ужасно закричала. Мать бросилась къ ней на помощь, но прутъ не любилъ шутить. Отъ дѣвочки онъ отпрыгнулъ къ матери и нѣсколько разъ ударилъ ее по рукамъ, такъ сильно, что она позвала къ себѣ на помощь мужа, но и ему досталось. Когда

всѣ принуждены были отступиться, прутъ, обратясь къ дѣвочкѣ, сѣкъ ее, сколько хотѣлъ; потомъ преспокойно отправился, въ припрыжку, назадъ къ окну, и легъ на свое мѣсто.

Отецъ и мать были внѣ себя отъ удивленія; дѣвочка плакала неутѣшно. Наконецъ слезы милой дочери возбудили сильное негодованіе въ сердцѣ матери. Она сердилась и на прутъ и на ту, которая принесла его.—Хорошую кумушку ты выбралъ намъ! говорила она мужу:—теперь мы не властны въ собственномъ нашемъ дѣтищѣ! Намъ пришлось смотрѣть, сложа руки, какъ немилосердно этотъ прутъ сѣкъ бѣднаго ребенка! Намъ невозможно спасти отъ наказанія нашего дитяти! И все это по милости твоей кумушки. Видишь! назвала себя дѣвицею Березницею, да и раздаетъ все березовые подарочки? А ужъ хороши и подарки! Ложка изъ березоваго дерева и теперь лежитъ безъ всякой пользы въ моемъ сундукѣ; только-что мѣсто занимаетъ! Да вотъ еще эти розги изъ березовыхъ прутьевъ! Изму-

чаютъ они у меня дѣвочку; боюсь, чтобъ не занемогла! Все по милости твоей прекрасной кумушки!

Угольщикъ былъ не одного мнѣнія съ женою. Правда, и онъ не зналъ, на что можетъ пригодиться ложка, но все-таки приказывалъ беречь ее, говоря: мѣста она не пролежитъ! Чтожъ касается до прута, то онъ сдѣлалъ свое дѣло, и не напрасно наказалъ дѣвочку: она заслужила это наказаніе своею злостью и упрямствомъ,

— Но вѣдь она еще ребенокъ! отвѣчала жена:—и всѣ дѣти таковы! Еслибъ они были также умны, какъ взрослые люди, то не стали бы требовать недѣльнаго, и плакать о вздорѣ! Успокойся, моя крошечка! продолжала она, обнимая дочь:—я сожгу въ печи этотъ негодный прутъ, а яицъ для тебя накрашу, наварю и напеку, сколько хочешь, какъ скоро станутъ нестись куры!

Бетула, рыдая, со страхомъ поглядывала на прутъ. Замѣтя это, мать пошла къ окну, въ намѣреніи взять прутъ и сжечь его въ печи, чтобъ успокоить ребенка.

Но едва успѣла она протянуть руку, какъ прутъ вскочилъ и такъ крѣпко ударилъ ее по рукѣ, что она закричала, и отпрыгнула отъ окна. Тогда прутъ спокойно улегся на своемъ мѣстѣ.

— Однако это очень странно, сказалъ угольщикъ:—нынче же я держалъ этотъ прутъ въ рукѣ, и онъ меня не трогалъ. Нельзя же ему оставаться здѣсь на окнѣ. Постараюсь переложить его на шкапъ; что нужды, если онъ и ударитъ меня!—И сказавъ это, онъ съ нѣкоторымъ страхомъ, ухватилъ прутъ; но прутъ, какъ-будто обыкновенный прутъ, былъ спокоенъ въ рукѣ его.—Теперь онъ у тебя въ рукахъ! воскликнула жена:—брось его въ печь!—Да! да! вскричала Бетула:—брось его въ печь, этотъ гадкій прутъ!—Хорошо, хорошо! отвѣчалъ отецъ, и пошелъ къ печи, чтобы бросить въ нее прутъ; но не успѣлъ онъ сдѣлать и двухъ шаговъ, какъ прутъ завертѣлся въ рукахъ его съ такимъ проворствомъ, что онъ никакъ не могъ удержать его; потомъ, вырвавшись изъ руки, ударилъ угольщика такъ крѣпко, что вы-

ступилъ кровавый рубецъ; послѣ этого онъ опять смирнехонько улегся въ его руку.

Угольщикъ, покачавъ головою, сказалъ:—тебѣ не хочется сгорѣть въ печи? Ну, ступай себѣ на шкапъ, да лежи тамъ смирно!—Онъ положилъ его на шкапъ и прутъ лежалъ тамъ преспокойно.

На другой День въ угольщиковой хижинѣ только и толковали, что о прутѣ. Бетула часто поглядывала на шкапъ, но прутъ лежалъ себѣ потихоньку и не трогался съ мѣста. Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль дѣвочка помнила о полученномъ наказаніи, старалась вести себя порядочно и ни разу не сказала: *я хочу, я приказываю, должно это сдѣлать!*

Однако, мало по малу, Бетула стала забывать о прутѣ; позволяла себѣ нѣкоторыя прихоти, и наконецъ до того забылась, что однажды, съ величайшимъ крикомъ, злобою и слезами, хотѣла вырвать что-то у матери изъ рукъ. Вдругъ свалился со шкапа прутъ, проворно запрыгалъ по горницѣ; юбочки опять поднялись и прутъ сталъ хлопать очень крѣпко сердитую дѣвочку. Тогда Бетула закричала во все горло:—помоги, матушка! помоги мнѣ!

Какъ ни жалко, какъ ни досадно было матери смотрѣть на такое жестокое наказаніе, но дѣлать было нечего. Всякій разъ, когда она протягивала руку, чтобы схватить прутъ, онъ не давался и билъ ее по рукѣ. Надобно было, скрѣпя сердце, смотрѣть и ждать, пока пруту угодно будетъ самому перестать. Наконецъ, прутъ унялся, вспрыгнулъ на шкапъ и легъ на прежнее мѣсто, какъ ни въ чемъ не бывалъ.

Это вторичное наказаніе сдѣлало сильное впечатлѣніе на дѣвочку. Она долго его помнила и, не смотря на то, была гораздо веселѣе прежняго. Она стала совсѣмъ другимъ ребенкомъ. Родители согласились, наконецъ, что такою выгодною перемѣною нрава ихъ дочери они обязаны подарку, сдѣланному ей крестною матерью. Если Бетула дѣлала, или говорила что-либо неприличное, то стоило только поглядѣть на шкапъ и пруту пошевелиться, и она спѣшила исправить свой проступокъ. Она

часъ отъ часу становилась умнѣе, любезнѣе, добрѣе; никто бы не могъ догадаться, что прежде она была такъ упряма и сердита.

Между тѣмъ наступила весна, и Бетула занемогла. Она совершенно лишилась апетита, не имѣла силы не только бѣгать, какъ бывало, но даже и ходить; сдѣлалась худа, блѣдна, и родители сокрушались объ ней. Мать знала свойства многихъ цѣлебныхъ травъ, собирала ихъ, варила изъ нихъ питье, составляла лекарства... Бетула, изъ послушанія, принимала все, что ей ни давали, какъ бы оно противно ни было; чего прежде никакъ бы не сдѣлала. Теперь же, напротивъ, она безъ малѣйшаго сопротивленія, пила самыя горькія лекарства; но все безъ пользы! Угольщикова жена смотрѣла, съ растерзаннымъ сердцемъ, какъ дочь ея часъ отъ часу болѣе ослабѣвала и увядала. Отецъ старался успокоить жену, хотя самъ не имѣлъ ни малѣйшей надежды сохранить драгоцѣннѣйшее для сердца его сокровище.

Въ такомъ мучительномъ безпокойствѣ прошло двѣ недѣли. Однажды, вечеркомъ,

угольщикъ сидѣлъ въ лѣсу подлѣ своей угольной ямы и, проливая слезы, думалъ, какъ безотрадна будетъ жизнь его, если Богу угодно будетъ лишить его Бетулы, которую онъ любилъ еще больше прежняго, съ тѣхъ поръ, какъ она исправилась.

Вдругъ предстала предъ него Дѣвица Березница, въ своемъ бѣломъ платьѣ и зеленомъ покрывалѣ; она сказала:—здравствуй, куманекъ! Что дѣлается у тебя дома? Какъ поживаетъ моя крестница? Здорова ли она?—Этотъ вопросъ возмутилъ всю душу бѣднаго угольщика; онъ залился слезами и дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ:—ахъ, кумушка! Ужъ лучше ни о чемъ не спрашивай!—Почемужъ не спрашивать! возразила Дѣвица Березница:—развѣ крестница моя не добра, не умна, не хороша?—Она настоящій ангелъ и тѣломъ и душею, съ тѣхъ поръ, какъ прутъ твой появился въ нашемъ домѣ, отвѣчалъ угольщикъ:—но я боюсь, что не долго намъ ею радоваться!—Тутъ разсказалъ онъ всѣ подробности ея болѣзни.—Не бойся ничего! сказала Дѣвица Березница:—я научу тебя, какъ ее

вылечить. Принеси поскорѣе буравчикъ къ моей большой березѣ. Вѣдь, ты помнишь ее? пробуравь, недалеко отъ корня, на стволѣ скважинку; вставь въ эту скважинку тростинку, а подъ тростинку подставь кувшинъ. Теперь береза въ полномъ соку; къ утру натечетъ цѣлый кувшинъ березоваго соку. Смотри, чтобы въ теченіе дня дѣвочка выпила все, что будетъ въ кувшинѣ; завтра въ вечеру пробуравь другую скважинку, и такимъ же образомъ собери сокъ; и на третій день поступи также.

Это питіе выгонитъ всю болѣзнь наружу; на ребенкѣ сдѣлается сильная сыпь, которая послужитъ къ ея спасенью.

Едва успѣлъ угольщикъ поблагодарить свою куму, какъ она уже скрылась между деревьями. Онъ побѣжалъ домой за буравчикомъ, кувшиномъ и срѣзалъ на берегу рѣчки тростинку; все это отнесъ къ чудесной березѣ своей кумушки. Пробуравя скважину, онъ вставилъ въ нее тростинку, а подъ тростинку врылъ въ землю кувшинъ, и сокъ тотчасъ полился. Увидя это, онъ съ нѣкоторымъ спокойствіемъ духа воз-

вратился домой. Жена его сидѣла, вся въ слезахъ, подлѣ постели дочери. Малюткѣ сдѣлалось хуже, и она ранѣе обыкновеннаго легла спать.

На другой день поутру она не хотѣла ужъ и встать съ постели. Отецъ принесъ кувшинъ, который за ночь весь наполнился березовымъ сокомъ, и дѣвочка, съ удовольствіемъ, выпила все въ теченіе дня; но еще не чувствовала ни малѣйшаго облегченія. На другой и на третій день она также выпила по цѣлому кувшину.

На третью ночь у больной сдѣлалась сильная испарина; все тѣло ея горѣло и чесалось нестерпимо; замѣтили выступающую сыпь. На другой день вся она покрылась сыпью; тяжесть въ головѣ и слабость, которую она чувствовала, миновались, и ей захотѣлось ѣсть. То, что она ѣла, въ первый разъ со времени ея болѣзни, показалось ей вкуснымъ; она могла сойти съ постели сама; и кромѣ сыпи, которая очень чесалась, она чувствовала себя совершенно здоровою.

Радость отца и матери была неизъяснима. Имъ ничего такъ не желалось, какъ поблагодарить добрую куму за благодѣтельный ея совѣтъ. Угольщикъ пошелъ къ березѣ.—Можетъ статься, подумалъ онъ, тамъ она услышитъ, какъ я стану благодарить ее! Онъ замѣтилъ, что, изъ пробуравленныхъ скважинъ, все еще бѣжитъ сокъ.—Жалко, сказалъ онъ:—это истощаетъ дерево; сокъ, который долженъ питать его листья, льется безъ пользы на землю! Какъ бы этому помочь?—Онъ срѣзалъ вѣтку, сдѣлалъ изъ нея три гвоздика и заколотилъ ими скважинки; сокъ пересталъ бѣжать и черезъ нѣсколько дней дерево зазеленѣло и казалось такимъ же свѣжимъ, какъ и прочія, окружавшія его деревья.

Сыпь, выступившая на Бетулѣ, черезъ нѣсколько дней совсѣмъ прошла, и дѣвочка стала здорова попрежнему. Она выростала на утѣшеніе родителей и годъ отъ году становилась добрѣе и прекраснѣе; даже посторонніе люди не могли не радоваться, глядя на нее.

Въ угольщиковой хижинѣ время быстро летѣло. Бетула пришла въ совершенный возрастъ, и вмѣстѣ съ матерью смотрѣла за всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ. Случилось однажды, что князь, которому принадлежалъ тотъ лѣсъ, гдѣ жилъ угольщикъ, созвалъ много гостей, чтобы вмѣстѣ потѣшиться охотою. Онъ расположился ѣхать съ сосѣдство угольщикова жилища и послалъ, изъ отдаленнаго дворца своего, нарочнаго къ угольщику.

— Нашъ владѣтельный князь, говорилъ посланный, ѣдетъ сюда, со всѣми своими гостями и многочисленною свитою. Ему извѣстно, что въ этой уединенной долинѣ, кромѣ вашей хижины, нѣтъ никакого жилища, гдѣ бы можно было приготовить обѣдъ для его свѣтлости. Пять лѣтъ тому назадъ нашъ князь былъ здѣсь также на охотѣ. Тогда твоя жена состряпала для него такой вкусный обѣдъ, что онъ и теперь еще объ немъ помнитъ, и потому его свѣтлость посылаетъ сюда всякаго мяса, всякихъ птицъ, яицъ, масла, муки, разныхъ кореньевъ и пряностей, однимъ сло-

вомъ, всего, что нужно для хорошаго обѣда, надѣясь, что она и теперь не откажется показать свое искусство въ стряпаньѣ и не ударитъ себя лицомъ въ грязь!

Угольщикова жена, съ радостью, взялась исполнить княжеское приказаніе, и обѣщала приложить все возможное стараніе для приготовленія самаго вкуснаго обѣда. Посланный возвратился къ своему князю, и черезъ нѣсколько дней къ угольщиковой хижинѣ прибыло множество подводъ, нагруженныхъ поваренною, столовою посудою и всѣми возможными съѣстными припасами.

Выкладывая запасы, слуга сказалъ угольщиковой женѣ:—вотъ самая лучшая крупичатая мука. Князь приказалъ сказать, чтобы ты постаралась изъ ней испечь хорошій *яцкій коровай;* да постарайся же! Это его любимое хлѣбенное.—Въ торопяхъ угольщикова жена не очень вслушалась въ эти слова; но вечеромъ, когда, вмѣстѣ съ дочерью, собиралась ставить опару для пироговъ, она вспомнила о яцкомъ короваѣ и сказала дочери:—при-

знаюсь тебѣ, Бетула, что я не только не умѣю приготовлять этого пирожнаго, но даже и названія его никогда не слыхивала.

— Какая прекрасная мука! сказала Бетула:—чтожъ намъ испечь изъ ней?

— Ты знаешь, отвѣчала мать, что у меня, кромѣ печенья, хлопотъ много! Слава Богу, ты у меня дѣвка умная; можешь не хуже меня состряпать всякое пирожное. Выдумай что-нибудь хорошенькое; а я пока займусь приготовленіемъ другаго кушанья. Ты стряпай здѣсь въ горницѣ, а я пойду въ избу. Чтожъ дѣлать! Если мы не умѣемъ испечь *яцкаго коровая;* такъ постараемся угодить князю чѣмъ-нибудь другимъ. Онъ не прогнѣвается на насъ! Вѣдь, я не какъ его поваръ, не ученая какая повариха!

Между тѣмъ поставили опару, сдѣлали всѣ нужныя приготовленія и легли спать. На другой день, поутру, мать пошла въ избу варить и жарить, а дочь осталась въ горницѣ, намѣреваясь печь пироги и приготовлять разное хлѣбенное. Бетула сидѣла на сундукѣ, окруженная яйцами,

масломъ, молокомъ, мукою и всѣми припасами, входящими въ составъ хлѣбеннаго; она думала о томъ, какъ бы, вмѣсто яцкаго короваи, испечь такое пирожное, которое понравилось бы князю.

Вдругъ услышала она, что изъ средины сундука что-то постукиваетъ въ крышку. Она съ величайшимъ любопытствомъ отперла сундукъ; крышка сама собою поднялась и изъ сундука выпрыгнула новая деревянная ложка и вскочила прямо въ ея руку. Она смотрѣла на эту чудесную ложку, но ложка тянула ее за собою и вертѣлась въ рукахъ ея, какъ живая. Она указывала Бетулѣ все, что надобно было дѣлать; подводила ее то къ яйцамъ, то къ молоку, то къ мукѣ, то къ изюму и сахару, брала всего, по скольку было нужно, подбивала опару, поднимала бѣлки, взбивала желтки, однимъ словомъ, заставляла Бетулу дѣлать, что было надобно, и такъ искусно и проворно все мѣшала и мѣсила что удивленная Бетула кликнула мать.—Дочь моя! сказала угольщикова жена:—эта ложка подарена тебѣ твоею крестною матерью, и

теперь я вижу, что она знаетъ свое дѣло также хорошо, какъ и розги, которыя она же тебѣ подарила.

Когда тѣсто довольно взошло, то ложка поднялась къ верху сама собою; указала Бетулѣ, какую форму должно взять, какъ обмазать ее масломъ, сколько положить въ тѣсто изюму, духовъ и прочаго, какъ выложить это тѣсто въ приготовленную форму и наконецъ, вмѣстѣ съ формою, потянулась къ печкѣ. Бетула во всемъ слушалась своей ложки, которая указывала ей даже, куда надобно было подгресть побольше жару и откуда убавить.

Пирожное поспѣло, и его выпрокинули изъ формы. Мать и дочь не знали имени этого пирожнаго, но, судя по его прекрасному виду, надѣялись, что князь будетъ имъ доволенъ; хотя онѣ никакъ не думали, чтобъ это былъ тотъ самый *яцкій коровай,* о которомъ приказывалъ князь. Бетула взяла свою ложку и пошла помогать матери въ приготовленіи другихъ блюдъ. Ложка и тутъ оказала ей величай-

шія услуги. Все кушанье было состряпано превосходно.

Цѣлое утро въ лѣсу раздавался звукъ роговъ, лай собакъ, крикъ охотниковъ и конскій топотъ; а къ обѣду все общество собралось въ назначенное мѣсто. Въ долинѣ, неподалеку отъ угольщиковой хижины, раскинуты были шатры, въ которыхъ поставили обѣденные столы. Княжескіе слуги носили кушанье изъ угольщиковой хижины, всѣ чрезвычайно хвалили кушанье, а князь за каждымъ блюдомъ приказывалъ благодарить угольщикову жену.

Но когда подали на столъ пирожное, испеченное Бетулою, то князь воскликнулъ:—это яцкій коровай! Если онъ также хорошъ вкусомъ, какъ наружностью, то это настоящее мастерское произведеніе!—Онъ самъ сталъ его разрѣзать, и сказалъ съ величайшимъ удовольствіемъ:—это—невѣроятно! Посмотрите, дорогіе гости! видалиль вы что-нибудь подобное этому коровaю? Всѣ скважинки такъ ровны, какъ будто сдѣланы по циркулю!—Онъ отрѣ-

залъ каждому гостю по небольшому кусочку, а все остальное приказалъ хорошенько уложить и бережно отвезть къ себѣ во дворецъ.

По окончаніи обѣда, онъ послалъ угольщиковой женѣ кошелекъ, полный золота. въ награду за вкусный обѣдъ, ею приготовленный, а за яцкій коровай, сверхъ того, подарилъ ей съ своей руки бриллiантовый перстень. Послѣ того, со всѣми гостями и своей многочисленною свитой, онъ возвратился домой.

Пріѣхавъ во дворецъ, князь послалъ за своимъ главнымъ кухмейстеромъ, показалъ ему оставшійся кусокъ коровая и спросилъ: можетъ ли онъ испечь такой же? Кухмейстеръ удивился красотѣ коровая; но сказалъ, что онъ надѣется испечь не хуже. Однако, сколько ни старался, но даже и похожаго ничего не могъ сдѣлать.

Тогда князь приказалъ собрать поваровъ и поварихъ со всего княжества своего, и обѣщалъ, что тотъ, или та, кто испечетъ точно такой коровай, какой онъ кушалъ, бывши на охотѣ, будетъ или главнымъ

его кухмейстеромъ, или главною надзирательницею надъ его поварнею. Но никто даже и похожаго ничего не могъ сдѣлать.

Князь приказалъ объявить тогда, что если въ его княжествѣ найдется дѣвушка, которая испечетъ точно такой коровай, какой онъ кушалъ, бывши на охотѣ; то какого бы званія и происхожденія она ни была, онъ непремѣнно женится на ней.

Множество дѣвушекъ приходило стряпать, въ надеждѣ сдѣлаться княгинями и остаться во дворцѣ: но ни одна изъ нихъ даже и похожаго ничего не могла сдѣлать.

Въ одинъ вечеръ кто-то постучалъ въ ставень угольщиковой избы. Хозяйка выглянула въ окно, и увидѣла Дѣвицу Березницу.—Ахъ, дорогая кумушка! вскричала угольщикова жена.—Здорово кума! отвѣчала Дѣвица Березница;—завтра поутру пошли дочь свою, мою крестницу, въ княжескій дворецъ. Она будетъ княгинею; только вели взять ей съ собою мою деревянную ложку. Пусть она надѣнетъ самое дурное платье; но когда испечетъ яцкій

коровай, тогда ужъ должна переодѣться. Вотъ ей и платье, и покрывало.—При сихъ словахъ, она проворно закружилась, сорвала съ себя одежду, подала ее въ окно угольщиковой женѣ и скрылась отъ глазъ ея, прежде нежели она успѣла преизнести одно слово, чтобъ поблагодарить ее.

Угольщикова жена разсказала обо всемъ мужу и дочери; всѣ они были такого высокаго мнѣнія о таинственной, чудесной кумушкѣ, что рѣшились безпрекословно повиноваться ея приказанію.

На завтра, уже поздно вечеромъ, Бетула, въ худомъ платьѣ, съ лицемъ загорѣлымъ, явилась въ княжескомъ дворцѣ и съ робостію просила позволенія войти, переночевать, потому что на другой день хотѣла показать свое искусство въ печеніи коровая. Слуги встрѣтили ее съ насмѣшками и ругательствами; ни одинъ изъ нихъ не узналъ красавицы угольщиковой дочери въ такой худой одеждѣ. Повара и поваренки обходились съ нею презрительно, съ явнымъ недоброжелательствомъ и ненавистью; между тѣмъ не смѣли прогнать ее. Князь строго

запретилъотказывать дѣвушкамъ,приходившимъ стряпать; не смѣли ослушаться княжескаго приказанія: Бетулу впустили, но отвели ее ночевать въ какой-то чуланъ, и не дали ей поужинать ничего, кромѣ сухаго хлѣба и воды.

На другой день, рано поутру, она пришла на поварню и сказала, чтобы ей дали все, нужное для печенья коровая.—Много васъ такихъ потаскушекъ сюда приходило! ворчалъ сердито поваръ:—всѣмъ хочется быть княгинями, а я съ вами возись! Вотъ ты,такъ и въ судомойки не годишься; такая оборваная!—Однако онъ велѣлъ принесть все нужное. Поваренки на смѣхъ принесли муки самой послѣдней руки, а въ свѣжія яйца вмѣшали нѣсколько тухлыхъ.

Бетула, украдкою отъ всѣхъ, вынула изъ кармана свою деревянную ложку, которая, непримѣтнымъ для другихъ образомъ, потащила ее съ собою прямо къ мукѣ и принялась засыпать ею глаза поварятамъ, съ удивительнымъ проворствомъ.—Сдѣлайте милость, сказала Бетула, съ величайшею скромностію, главному повару:—

прикажите мнѣ дать другой муки; эта очень нехороша!—Покрытые, съ ногъ до головы, мукою, поварята хотѣли спорить и браниться, а Бетула никакъ не могла удержать своей ложки, которая такъ крѣпко стукала негодныхъ поварятъ по зубамъ, что они, съ крикомъ, выбѣжали изъ кухни и спѣшили принесть самой лучшей муки.

Тоже самое повторилось и съ яйцами. Какъ скоро на ложку попадалось тухлое яйцо, то ложка разбивала его объ голову того поваренка, который принесъ его. Наказанный кричалъ, а товарищи его громко смѣялись. Главный поваръ сердился за шумъ и безпорядокъ, которые были на поварнѣ, и проклиналъ всѣхъ.

Мало по малу все утихло; поварята не осмѣливались болѣе мѣшать Бетулѣ, потому что за каждую проказу ложка ихъ не шутя наказывала. Наконецъ, когда коровай испекся и былъ выложенъ на блюдо, то самъ кухмейстеръ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и завистью. Бетула до тѣхъ поръ не вышла изъ поварни, пока блюдо съ короваемъ не понесено было на княжескій столъ;

тогда она вошла въ отведенный ей чуланъ, и заперлась.

Едва успѣлъ князь разрѣзать коровай, какъ вскричалъ:—кто испекъ этотъ коровай!—Опять пришла какая-то незнакомая дѣвушка, отвѣчалъ дворецкій, подававшій блюдо съ короваемъ:—она пекла этотъ коровай.—Приведите ее сюда! сказалъ князь, она будетъ моею женою!—Слуги медлили; но когда князь спросилъ съ досадою, почему не исполняютъ его приказанія; то ему отвѣчали, что дѣвушка такъ дурно одѣта, что никакъ не смѣютъ представить ее предъ глаза его свѣтлости; что платье ея такъ запачкано, какъ-будто она сейчасъ вылезла изъ угольной ямы, и что она не только не достойна быть княгинею, но не стоитъ даже и того, чтобы ее впускали на княжескій дворъ.

Князь очень разсердился за такую дерзость слугъ своихъ, и сказалъ:—не ваше дѣло разсуждать о томъ, кто достоинъ, или не достоинъ быть моей женою! Никто изъ васъ, нарядныхъ балвановъ, и ни одна изъ нарядныхъ дѣвушекъ не умѣли испечь

такого коровая, какой испекла угольщикова жена; а этотъ еще лучше того!—Онъ самъ всталъ изъ-за стола, чтобъ идти за нею, и сходя съ крыльца, кричалъ: поваръ! гдѣ же эта дѣвушка?

Поваръ, подошедъ къ чулану, умолялъ Бетулу отпереть; но она до тѣхъ поръ не отпирала, пока самъ князь сталъ просить ее о томъ же; тогда она вышла, и всѣ, видѣвшіе ее прежде, изумились. Она сняла съ себя худое свое, запачканное платье, умылась чисто, и явилась въ бѣлоснѣжномъ одѣяніи и зеленомъ покрывалѣ, полученными ею отъ крестной матери.

Князь былъ восхищенъ ея красотою. Онъ взялъ ее за руку и повелъ во дворецъ; тамъ, въ присутствіи всего двора своего, онъ обвѣнчался съ угольщиковой дочерью, въ придворной своей церкви.

Поваръ, поварята и всѣ слуги, обходившіеся съ нею такъ грубо, пришли униженно просить у ней прощенія, и она всѣмъ простила, отъ чистаго сердца.

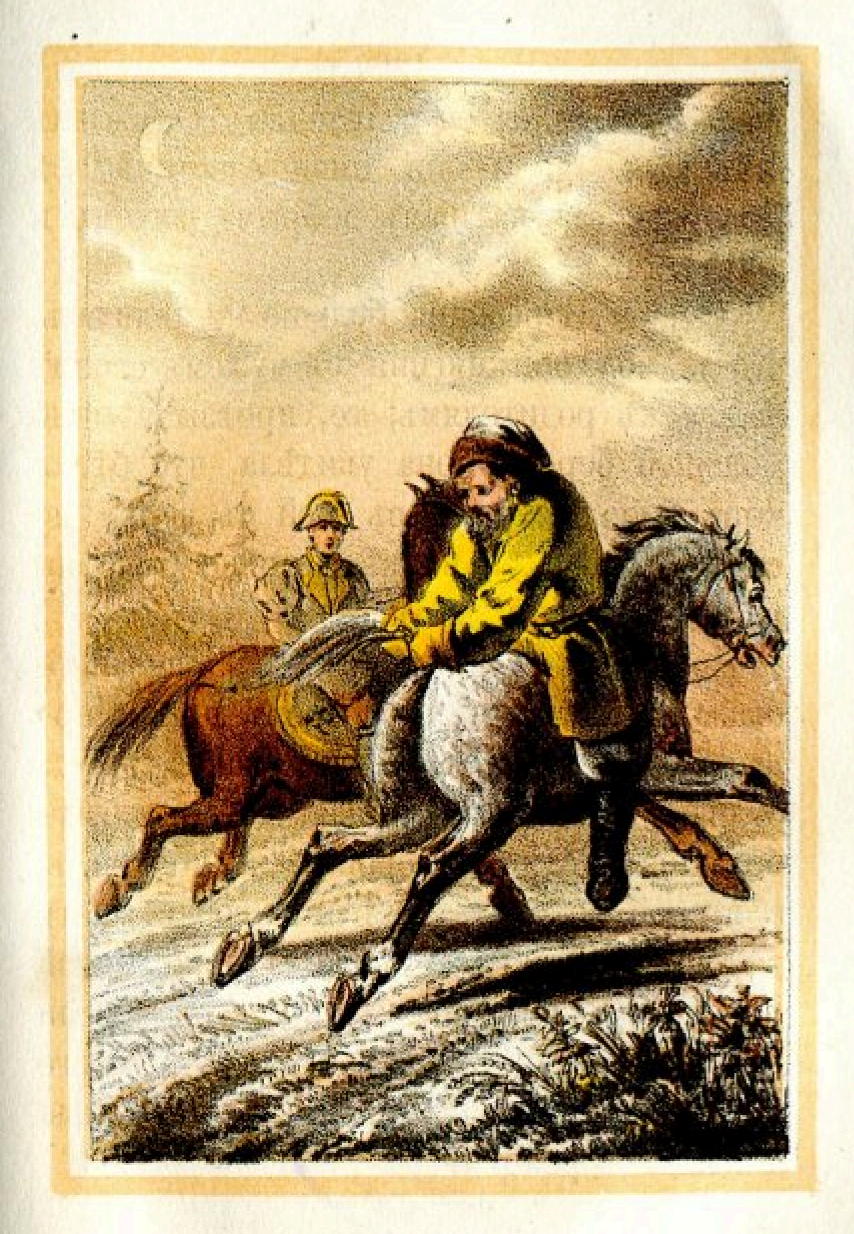
Князь приказалъ заложить карету цугомъ, и вмѣстѣ съ молодой своей княги-

нею поѣхалъ къ ея родителямъ. Онъ взялъ ихъ къ себѣ, и они жили счастливо съ дочерью, съ знатнымъ добрымъ зятемъ и внучатами.

Дѣвица Березница больше не являлась. Когда молодая княгиня съ мужемъ своимъ ѣхала къ родителямъ; то, проѣзжая мимо большой березы, она увидѣла, что бѣлая кора была содрана съ ней съ верху до самаго корня, а на вѣткахъ не было ни одного зеленаго листика.

Но деревянная ложка и прутъ еще много оказали услугъ въ княжескомъ домѣ. Первая всякій день приготовляла какое-нибудь отличное блюдо для князя, который былъ большой охотникъ хорошенько покушать; а второй помогалъ княгинѣ воспитывать дѣтей; и эти два подарка княгининой крестной матери до тѣхъ подъ переходили въ наслѣдство потомкамъ, пока, отъ частаго употребленія, розги совсѣмъ истрепались, а ложка переломилась.

—

Дѣлай и говори все то, что я буду дѣлать и говорить

ГОСПОДИНЪ И СЛУГА.

Скверно быть пьяницей и забіякой; кто этого не знаетъ! Зналъ это и Данило Макаровъ, а все-таки былъ пьяница и забіяка, и самый неугомонный человѣкъ! Всѣ знакомые отъ него бѣгали, потому что онъ только о томъ и думалъ: какъ бы гдѣ подраться, побраниться, подгулять; все, что у него было, онъ пропилъ, задолжалъ вездѣ въ окрестныхъ шинкахъ и ему не вѣрили ужъ ни на копѣйку. Жаль было молодца: недобрые люди свели съ пути удалую голову! Въ немъ оставалось только одно хорошее свойство: смѣлость; всякому страху смотрѣлъ онъ прямо въ глаза.

Однажды, на святкахъ, Данило возвращался домой изъ сосѣдственной деревни. Ночь была ясная, словно день; снѣгъ серебрился при свѣтѣ мѣсяца; но морозъ трещалъ, и Данило прозябъ до костей. Ахъ! еслибы проглотить хоть одну чарку водки! проворчалъ онъ; это согрѣло бы меня!

—Готовъ услужить пріятелю! закричалъ кто-то пронзительнымъ, рѣзкимъ голосомъ. Данило оторопѣлъ, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя увидѣлъ маленькаго человѣчка вышиною въ полъаршина, въ самой легкой одеждѣ, не смотря на трескучій морозъ, и такого наряднаго, хоть на царскій праздникъ ступай! На головѣ у него была трехъугольная шляпа, съ перьями и галунами; самъ былъ въ шелковомъ нѣмецкомъ кафтанѣ, расшитомъ золотомъ; на ногахъ шелковые чулки и башмаки, съ такими огромными золотыми пряжками, что, казалось, такому малюткѣ не въ силу и поднять ихъ. Онъ стоялъ на глыбѣ снѣга, и держалъ въ рукахъ стаканъ, величиною во весь свой ростъ, наполненный водкою по самые края.

—Вотъ, славно! воскликнулъ Данило:—подавай сюда, мой крохотный господинъ! Мигомъ все осушу за твое здоровье!—И, взявъ стаканъ, выпилъ весь до дна, не переводя дыханія.

— Хорошо! сказалъ карло:—только не думай обманывать и меня, какъ ты обманываешь встрѣчнаго и поперечнаго! Вынимай кошелекъ, и расплатись со мною честно!

Кто, я? — платить тебѣ? — Шутишь молодчикъ! И получше твоего благородія не смѣютъ требовать съ меня денегъ! Вотъ, зашуми только! Я зажму тебя въ кулакъ и раздавлю, какъ червяка!

—Слушай, Данило! сказалъ карло грознымъ голосомъ:—если ты отказываешься платить, то будешь моимъ слугою семь лѣтъ и одинъ день. Мнѣ деньги не нужны, и, послѣ перваго отказа, я ужъ другой платы не принимаю! Слышишь ли! Будь готовъ!

Данило поздно спохватился! онъ чувствовалъ, что какая-то непостижимая сила заставляла его ходить за малорослымъ своимъ господиномъ, по горамъ, по доламъ, по лѣсамъ и оврагамъ, не останавливаясь ни на минуту.

Такимъ образомъ прошла ночь; на разсвѣтѣ карло сказалъ Данилѣ:—теперь ты можешь идти домой; но завтра, какъ скоро смеркнется, приходи опять на то самое мѣсто, гдѣ встрѣтилъ меня. Если ослу-

шаешься, тебѣ будетъ худо; если же найду въ тебѣ хорошаго, вѣрнаго слугу, то и ты найдешь во мнѣ хорошаго господина.

Данило пришелъ домой; онъ усталъ, назябся, но не могъ сомкнуть глазъ и не переставалъ думать о карлѣ. Что-то похожее на раскаяніе, на угрызеніе совѣсти мучило его душу; однако бѣднякъ не смѣлъ ослушаться приказанія страннаго своего господина, и какъ скоро стало смеркаться, пошелъ въ назначенное мѣсто. Карло не замедлилъ явиться, Данило! сказалъ онъ, нынѣшнею ночью мнѣ надо пуститься въ далекій путь:—осѣдлай двухъ лошадей: одну для меня, другую для себя; ты поѣдешь со мною. Я чаю отъ вчерашней прогулки у тебя болятъ ноги.

— Смѣю ли спросить, сударь, сказалъ Данило:—гдѣ ваша конюшня? Гдѣ ваши лошади? Здѣсь я ничего не вижу, кромѣ чистаго поля, на которомъ стоитъ одинъ только старый вязъ?

— Данило! отвѣчалъ карликъ:—я не люблю распросовъ! Не освѣдомляйся ни о чемъ, а исполняй только то, что я тебѣ

приказываю! Поди къ этому старому вязу, сломи двѣ толстыя вѣтви и принеси ихъ сюда.

Данило исполнилъ повелѣніе карлы: сломилъ двѣ толстыя вязовыя вѣтви и принесъ ихъ своему господину.

— Садись, Данило! вскричалъ карло, взявъ одну изъ вязовыхъ вѣтвей.

— На что прикажете садиться, сударь? спросилъ Данило.

— Садись на коня! отвѣчалъ карло, показывая на вязовую вѣтку.

—Вы шутите, сударь! сказалъ Данило:— дѣтскія мои лѣта прошли! Я ужъ давнымъ давно пересталъ ѣздить верхомъ на палочкахъ!

— Перестань же умничать! вскричалъ карло съ гнѣвомъ. Скорѣй садись на лошадь! Дѣлай и говори все то, что я буду дѣлать и говорить. Ты еще отъ роду не ѣзжалъ на такомъ лихомъ конѣ!—Данило, думая, что господинъ его изволитъ забавляться, сѣлъ на вязовую вѣтвь.—Рости! рости! рости! прокричалъ карло трижды. Данило туда же за нимъ кричалъ: рости!

рости! рости! Вязовыя вѣтви начали надуваться, обратились въ лошадей и стремглавъ поскакали. Но Данило, не такъ положивъ вѣтку между своихъ ногъ, очутился на лошади лицемъ къ хвосту. Переворачиваться было невозможно: лошадь скакала во всю прыть; нечего было дѣлать, какъ только держаться покрѣпче за хвостъ.

Проскакавши нѣсколько времени, они остановились у каменной стѣны, возлѣ великолѣпнаго дома. — Подражай мнѣ во всемъ! сказалъ карло:—да смотри, не отставай! Ты такой разиня, что не умѣешь отличать лошадинаго хвоста отъ головы; и я боюсь, чтобъ тебѣ самому, пріятель, не пришлось ходить къ верху ногами. Не забудь, что отъ стараго вина и поумнѣй тебя люди дѣлались дураками!

Карло проборматалъ какія-то непонятныя слова, которыя Данило повторялъ за нимъ, и они пролезли сперва въ одну замочную щелку, потомъ въ другую, и такимъ образомъ очутились, наконецъ, въ пространномъ погребѣ, установленномъ множествомъ бочекъ съ различными винами.

Карло пилъ, сколько могъ, Данило не отставалъ отъ него, и во всемъ слѣдовалъ его примѣру.—Вы—чудо господинъ! говорилъ Данило карлику:—я готовъ служить вамъ во всю жизнь мою, если вы всегда будете поить меня такъ хорошо!

— Я не дѣлалъ, и не хочу дѣлать съ тобою никакого уговора, отвѣчалъ карло. Теперь полно пить! Ступай за мною! И они полезли обратно сквозь замочныя щелки; вышедъ изъ дома, за ограду, наши путешественники опять нашли свои вязовыя вѣтви, и сѣвши на нихъ прокричали: рости! рости! рости! Вѣтви надулись, сдѣлались лошадьми и поскакали. На этотъ разъ, Данило, какъ ни былъ пьянъ, но не забылъ, какъ должно сѣсть на вязовую вѣтку, и ѣхалъ ужъ не къ хвосту лицемъ.

Кони примчали ихъ къ старому вязу, и сдѣлались опять вязовыми вѣтвями; карло швырнулъ свою вѣтвь на вязъ, велѣлъ тоже сдѣлать и Данилѣ, и вѣтви опять приросли къ вязу, какъ-будто никогда не были сломлены. Тутъ карло отпустилъ слугу своего до слѣдующей ночи.

Такимъ образомъ жили они нѣсколько времени; всякую ночь посѣщали лучшіе погреба и питейныя конторы, пили и вина и водку, и все, что было лучшаго и что только было имъ угодно, и Данило до того куликалъ, что едва могъ протрезвляться въ теченіи цѣлаго дня.

Въ одну ночь, Данило, по обыкновенію, встрѣтилъ своего господина въ чистомъ полѣ, у стараго вяза.—Данило! сказалъ карло:—теперь мнѣ нужна лишняя лошадь: мы воротимся не одни.—Данило зналъ, что господинъ его не любитъ распросовъ, и молча срѣзалъ третью вязовую вѣтвь; но думалъ про себя: кто бы это былъ, для кого нужна эта третья лошадь? За чѣмъ господинъ мой заставляетъ меня водить лошадей для всякаго? Я не хуже и его самаго, не только другихъ!

Они поскакали, и Данило, съ досадою, держалъ въ поводу третью лошадь. Въ эту ночь они не были ни въ одномъ погребѣ и совсѣмъ не пьянствовали, но пріѣхали въ большое селеніе; господинъ и слуга остановились у воротъ самаго бога-

таго крестьянина. Въ избѣ слышны были пѣсни, хохотъ; раздавался гулъ множества голосовъ.

Карло прислушивался нѣсколько времени; потомъ вдругъ, оборотясь къ Данилѣ, сказалъ: завтра мнѣ минетъ тысяча лѣтъ!

— Господи, помилуй! воскликнулъ Данило:—неужели вправду?

— Не говори этого впередъ! сказалъ карло:—ты меня погубишь! Я говорю тебѣ, что завтра мнѣ минетъ тысяча лѣтъ, и мнѣ ужъ пора жениться.

— Да, пора-таки! отвѣчалъ Данило:—если ужъ и пора не прошла!

— Вотъ за тѣмъ-то я и пріѣхалъ сюда! продолжалъ карло:—здѣсь въ домѣ есть дѣвушка, зовутъ ее Устюшею; она старостина дочь, изъ хорошаго семейства, собой не дурна; ее отдаютъ за мужъ за Якова Любина, здѣшняго же села парня. Не люблю я этого Якова Любина, ни всей семьи его! Всѣ такіе ханжи,—и не видать имъ Устюши, какъ ушей своихъ! Нынче дѣвишникъ; я самъ хочу жениться на Устюшѣ; Яковъ Любинъ пускай даритъ невѣсту,—

пускай себѣ даромъ тратится на подарки, а мы увеземъ ее съ собою!

— Хорошо! А только что скажетъ объ этомъ Яковъ Любинъ? спросилъ Данило.

— Молчи! закричалъ карло сердито:—я не за тѣмъ тебя взялъ, чтобъ ты смѣлъ меня распрашивать, или дѣлать замѣчанія на мои поступки! Ты слушай, что тебѣ говорятъ, и исполняй, что приказываютъ! Вотъ твое дѣло!— И не говоря болѣе ни слова, онъ пробормоталъ тѣ слова, которыя давали ему возможность всюду пролезть; Данило повторилъ ихъ за своимъ господиномъ; но, досадуя на него за брань, думалъ: молчижъ ты, уродъ! я докажу тебѣ, при случаѣ, что могу и думать, и дѣйствовать и говорить, не смотря на твое запрещеніе!

Господинъ и слуга очутились въ избѣ; никто ихъ не замѣтилъ, потому что дверь не отворялась; они пролезли въ щелку и вошли безъ всякаго шума; а присутствовавшіе толпились около невѣсты. Чтобы лучше все разсмотрѣть, наши искатели приключеній забрались на палати.

Глядя оттуда, они увидѣли невѣсту, одѣтую въ алый штофный сарафанъ, съ золотыми галунами; на головѣ ея было кисейное бѣлое покрывало, обшитое золотою же бахрамою; она сидѣла за накрытымъ столомъ, и окружена была множествомъ дѣвушекъ, которыя пѣли ей свадебныя пѣсни; прочіе гости или сидѣли или стояли около другаго конца стола, нѣсколько поодаль. Отецъ, мать, братья и сестры невѣстины, въ другой комнаткѣ, то есть, за перегородкою, приготовляли ужинъ: клали на деревянныя блюда пироги, студень, жареныхъ и вареныхъ птицъ, ветчину и буженину; готовили огромные горшки щей и лапши; потомъ ставили штофы съ водкою, съ рейнскимъ, церковнымъ винами, кувшины съ медомъ и брагою.

Дверь отворилась настежъ; вошелъ дружко со свахою и со всѣмъ жениховымъ поѣздомъ; дружко несъ ларчикъ съ жениховыми подарками; но, увидя въ комнаткѣ такое множество блюдъ, приготовленныхъ къ ужину, у женихова поѣзда глаза разбѣжались; всѣ, вошедъ въ избу, забыли со-

творить молитву. Карло, замѣтя это, лукаво улыбнулся и кивнулъ головою Данилѣ.— Такъ тебѣ вотъ чего надобно, уродъ окаянный! подумалъ Данило:—тебѣ хочется, чтобъ все дѣлалось безъ Божьяго благословенія!—И смѣлъ былъ Данило, но сердце у него отъ страха замерло въ первый разъ отъ роду. Теперь онъ не былъ пьянъ и могъ здраво мыслить. Къ кому это попалъ я въ слуги! сказалъ самъ себѣ:—надобно избавиться отъ такого господина.

Дружко поставилъ ларчикъ на столъ; дѣвушки принялись разбирать подарки. Достали розовый шелковый платокъ, съ золотыми цвѣтами и зелеными коймами; синіе чулки съ красными стрѣлками; коты, прокаймленные желтымъ и краснымъ сафьяномъ; зеркало, бѣлила, румяны; изюмъ, черносливъ, винныя ягоды, орѣхи каленые, груздики и пряничные орѣшки. Дѣвушки, по обыкновенію, корили подарки и лакомились, а невѣста, изъ скромности, не должна была ни на что смотрѣть; но она чихнула, и такъ громко, что раздалось на всю избу; однако всѣ были такъ заняты

разбираніемъ подарковъ, что никто не сказалъ ей, наканунѣ такого великаго для нея дня: *здраствуй, Устюша! Господь тебя помилуй!* Всѣ продолжали лакомиться, разговаривать и хохотать.

Данило и карло замѣтили это обстоятельство.—Ахъ! прошепталъ карло на ухо слугѣ своему, указывая на невѣсту:—теперь она до половины моя! Если она чихнетъ еще дважды и всѣ промолчатъ, тогда Устюшу никто у меня не отниметъ!

Поставили на подносъ штофъ сладкой водки и рюмку; Устюша встала, чтобы подчивать дружку и сваху, весь поѣздъ жениховъ и дарить всѣхъ полотенцами; она чихнула въ другой разъ, но гораздо тише прежняго.—Никто не подумалъ сказать ей: здравствуй, Устуша! Господь тебя помилуй!

Данило съ сожалѣніемъ глядѣлъ на бѣдную дѣвушку: ему жаль было подумать, что девятнадцати-лѣтняя, румяная, чернобровая красоточка достанется злому, пьяному, уродливому карлѣ тысячелѣтнему старику.

Устюша стала отдаривать жениха, прося дружко пригласить его на ужинъ; она положила въ тотъ ларчикъ, откуда были выбраны присланные подарки, нѣсколько рубахъ, изъ тонкой льняной холстины, съ красными кумачными поликами и ластовицами; нѣсколько расшитыхъ полотенецъ, шелковый полосатый кушакъ, шляпу съ алой лентой и сапоги. Уложивъ всѣ эти подарки въ ларчикъ, она чихнула въ третій разъ, но такъ тихо, что никто не слыхалъ. Одинъ Данило закричалъ во все горло:—здравствуй, Устюша! Господь тебя помилуй, также и всѣхъ насъ!—Едва успѣлъ онъ это выговарить какъ карло, съ бѣшенствомъ, бросился на него, и, заревѣвъ дикимъ голосомъ, сказалъ: я увольняю тебя отъ моей службы! Вотъ тебѣ за труды!—Онъ далъ ему такой толчекъ въ спину, что Данило свалился съ палатей на полъ. Карло исчезъ; тамъ, гдѣ онъ сидѣлъ, воздухъ заискрился тусклымъ огнемъ, по избѣ разлился сѣрный запахъ, и вдали послышался громъ.

Въ избѣ все пришло въ величайшее волненіе: услышавъ этотъ громъ, и увидя

на полатяхъ искры, всѣмъ пришло въ голову, что выкинуло изъ трубы. Въ толпѣ народа никто не замѣтилъ Данилу, который воспользовался сдѣлавшеюся суматохою, что-бы уйдти изъ избы, не бывъ никѣмъ примѣченнымъ. На силу въ недѣлю могъ онъ добраться до дома, такъ далеко завезла его вязовая вѣтка въ одинъ часъ. Но въ эту недѣлю онъ успѣлъ надуматься. Съ тѣхъ поръ пересталъ онъ пьянствовать и буянить, и прожилъ вѣкъ человѣкомъ порядочнымъ, смирнымъ, трезвымъ, трудолюбивымъ.

—

СЧАСТЛИВЫЙ ОХОТНИКЪ.

Давно, давно это было, когда не знали еще ни ружей, ни пороху, а стрѣляли изъ луковъ стрѣлами, отъ чего произошло и самое слово *стрѣлять*, то есть пускать стрѣлу.—Въ это отдаленное, старинное время одинъ изъ владѣтельныхъ князей

держалъ въ своемъ княжескомъ лѣсу искуснаго стрѣлка, который долженъ былъ доставлять дичь къ его столу; а княжескій стрѣлокъ держалъ при себѣ двухъ помощниковъ; одного изъ нихъ онъ нанималъ, и этого наемнаго звали Варгунъ; а другаго, по имени Изокъ; онъ взялъ его къ себѣ маленькимъ сиротою и держалъ у себя въ услуженіи безъ платы.

Варгунъ былъ злой малый, но хорошій стрѣлокъ; отъ него не убѣгалъ звѣрь и не улетала птица; онъ почти никогда не дѣлалъ промаха, но за то всегда старался досаждать бѣдному Изоку и наводить хозяина на гнѣвъ. Лѣсъ былъ очень великъ и наполненъ всякою дичью, но Изоку никогда не удавалось застрѣлить ничего. Иногда онъ прицѣлится очень вѣрно; но, подумавъ, какъ бѣдное животное будетъ страдать, умирая отъ его выстрѣла, руки его дрожали и стрѣла не попадала въ цѣль; ему жалко было убивать Божьихъ тварей; и потому случалось часто, что, проходя въ лѣсу цѣлый день, онъ возвращался домой съ пустыми руками. Тогда

Варгунъ принимался надъ нимъ насмѣхаться, а хозяинъ сердился и бранилъ его за неловкость. Худо было жить бѣдному Изоку, и онъ не переставалъ думать, какъ бы помочь бѣдѣ своей.

Однажды онъ сидѣлъ, печаленъ, подъ огромнымъ дубомъ, въ самой чащѣ лѣса.

— Нѣтъ! вымолвилъ онъ, наконецъ:—такая жизнь совсѣмъ невыносима! Стану просить хозяина, чтобъ отпустилъ меня! Если я не приношу ему дичи, то исправляю усердно всякую другую работу въ домѣ, а все-таки никогда не слышу отъ него добраго слова! И ужъ пусть бы хозяинъ взыскивалъ; отъ него я долженъ все переносить молча; а то и Варгунъ туда же! Отъ него, просто, нѣтъ житья! Пусть хозяинъ меня отпуститъ! Я ни полушки у него просить не стану, и пойду, куда глаза глядятъ!

Въ время этой рѣчи, вдругъ явилась передъ нимъ дѣвица, чудной красоты! На ней была зеленая одежда; темныя кудри ея небрежно развѣвались по плечамъ; на головѣ ея былъ вѣнокъ, сплетенный изъ

прекраснѣйшихъ лѣсныхъ цвѣтовъ. Въ лѣвой рукѣ она держала лукъ, самой диковинной работы, съ длинною стрѣлой, а правой рукою гладила, какъ снѣгъ, бѣлую, дикую козочку, которая и сама ласкалась къ ней. На плечѣ ея сидѣлъ голубокъ, также весь бѣленькій и носикомъ своимъ игралъ ея кудрями. Изокъ не зналъ, откуда взялась красавица, смотрѣлъ на все съ удивленіемъ и не могъ выговорить ни слова.

Но красавица сама вступила въ разговоръ. Изокъ! сказала она:—ты честный, добрый и вѣрный молодецъ! Не унывай и не покидай своего хозяина. Горе твое минуется; обѣщай мнѣ только, что ты всегдъ будешь охранять мою бѣлую козочку и моего бѣлаго голубочка, и отвращать отъ нихъ всѣ бѣды и опасности. Я знаю, что теперь тебѣ худо жить, но если ты станешь охранять моихъ любимцевъ, тогда твоя участь перемѣнится! Лѣсная Дѣва умѣетъ награждать и умѣетъ быть благодарною!—Сказавъ это, она скрылась въ густотѣ лѣса.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого явленія, въ вечеру, Изокъ уже готовился ложиться спать, когда вошелъ въ горницу Варгунъ, только что возвратившійся съ охоты.—Ты вѣрно охотился удачно, что возвращаешься такъ поздно? сказалъ Изокъ.—Но Варгунъ былъ совсѣмъ не въ духѣ. Онъ вышелъ на охоту тотчасъ послѣ обѣда, проходилъ цѣлый день, и возвратился ночью, не выстрѣливъ ни разу. Я все гонялся за какою-то проклятою бѣленькою дикою козою! говорилъ онъ. Отъ ней мнѣ не удалось ничего застрѣлить, а она мнѣ, какъ кладъ, не давалась. Ужъ стало смеркаться, когда она отъ меня совсѣмъ пропала. Но ужъ я непремѣнно добуду ее! вскричалъ онъ, ударя изо всей силы кулакомъ по столу. Я знаю тотъ ручей, куда она приходитъ пить, и завтра же по утру тамъ подстерегу ее! Полно ей меня дурачить! То-то хозяинъ будетъ доволенъ, когда я принесу ему такую рѣдкость! Бѣлую дикую козу!

Изокъ подумалъ о словахъ Лѣсной Дѣвы, но подумалъ также и о томъ, что

Варгунъ не долженъ подозрѣвать, что онъ защищаетъ бѣлую козочку отъ его преслѣдованій, и потому прибѣгнулъ къ хитрости.—Что же будетъ въ этомъ проку, если ты застрѣлишь такое рѣдкое животное? сказалъ онъ: — мясо бѣлой дикой козы, вѣроятно, вкусомъ точно такое же, какъ и другихъ дикихъ козъ. Лучше бы поймать ее живую, и представить нашему князю; ему ужъ вѣрно это будетъ очень пріятно!

— Вотъ, на силу-то, хоть разъ въ жизни пришла тебѣ въ голову умная мысль! вскричалъ Варгунъ:—ты говоришь правду! Помоги мнѣ, братъ, поставить тенета! Только обѣщай, что ты не вступишься ни въ какую часть этой добычи! Не то, такъ я и безъ тебя управлюсь! Но подумай: вѣдь, я одинъ нашелъ эту козочку, одинъ гонялся за нею цѣлый день, и, по всей справедливости, она должна принадлежать мнѣ одному!

Изокъ обѣщалъ ему не спорить за козочку и уступалъ ему одному всѣ права

надъ нею; между тѣмъ охотно согласился помочь ему разставить тенета.

На другой день очень рано по утру они отправились, съ тенетами, къ тому ручью, у котораго Варгунъ видѣлъ козочку. Они разставили тенета, но Изокъ, въ одномъ мѣстѣ, подсѣкъ колышки и прорѣзалъ сѣтку незамѣтнымъ образомъ, такъ чтобъ пойманная козочка легко могла спастись. Все это онъ засыпалъ землею и сухимъ листомъ, чтобы не было замѣтно. Варгунъ зналъ, что его тенета крѣпки, ибо онъ осмотрѣлъ ихъ, выходя изъ дому; здѣсь не сталъ осматривать ихъ вновь и пошелъ домой въ полной увѣренности, что козочка непремѣнно будетъ поймана.

Вечеромъ Варгунъ, вмѣстѣ съ Изокомъ, пошли къ ручью. Но какъ же разсердился Варгунъ, увидя, что въ тенета ничего не попалось. Онъ нашелъ у ручья еще свѣжіе слѣды дикой козы, а ее самой не было, и тенета оказались прорванными. Онъ не могъ этому довольно надивиться, потому что очень тщательно осматривалъ

тенета и видѣлъ, что онѣ были совсѣмъ крѣпки!—Онъ починилъ ихъ, разставилъ опять и поручилъ Изоку смотрѣть за ними; потому что самому ему было дѣло совсѣмъ въ противоположной сторонѣ лѣса.

Изокъ пошелъ къ ручью, въ намѣреніи освободить козочку, если она поймана, и нашелъ тамъ Лѣсную Дѣву. Козочка пила изъ ручья, а голубокъ полоскался въ его струяхъ; ни тотъ, ни другая не испугались Изока, а Лѣсная Дѣва сказала ему:—здравствуй, Изокъ! Я знаю, что ты не забылъ моей просьбы и защитилъ мою козочку! Я знала также и то, что нынче ты придешь сюда одинъ, и потому пришла и я, чтобы поблагодарить тебя! Теперь мнѣ должно, на нѣсколько времени, оставить этотъ лѣсъ, чтобы укрыть моихъ любимцевъ отъ преслѣдованій Варгуна. Ему не удалось поймать мою козочку живую и онъ захочетъ имѣть ее хотя мертвую; онъ можетъ застрѣлить ее; а мнѣ невозможно безпрестанно ходить по слѣдамъ ея, или держать ее при себѣ; этимъ живот-

нымъ нужна свобода!—Прощай! Въ знакъ моей благодарности дарю тебѣ эту стрѣлу. Если желѣзный конецъ ея будетъ всегда чистъ и свѣтелъ, то будешь счастливъ на охотѣ!—Сказавъ это, она, съ пріятной улыбкой, подала ему стрѣлу.

Между тѣмъ голубокъ, искупавшись и стрясши съ перушекъ своихъ воду, сѣлъ къ ней на плечо; а козочка, напившись, прижалась къ ней съ ласкою, и Лѣсная Дѣва, вмѣстѣ съ своими любимцами, исчезла; но еще издали слышался ея голосъ.—Изокъ! говорила она:—если ты встрѣтишь гдѣ мою козочку, или увидишь моего голубка, охраняй ихъ и помни обо мнѣ!

Въ вечеру Варгунъ воротился очень недовольный. Онъ сказалъ Изоку:—не знаю, что со мною сдѣлалось! Съ тѣхъ поръ, какъ я гонялся за этою проклятою козою, ни одинъ выстрѣлъ мнѣ не удается! Много попадалось мнѣ дичи, но я не застрѣлилъ ничего! Пришлось съ досады хоть треснуть!—Съ своей стороны Изокъ сказалъ ему, что бѣлая козочка опять вырвалась изъ тенетъ.

— Эта бѣлая коза на бѣду мнѣ явилась! сказалъ Варгунъ:—я до тѣхъ поръ не буду покоенъ, пока не убью ее. Теперь ужъ полно беречь ее! Не живая, такъ достанется мнѣ хоть мертвая! — Изокъ, слыша это, радовался, что это доброе животное теперь уткрыто отъ его преслѣдованій.

Хозяинъ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что Варгунъ возвратился съ пустыми руками. На слѣдующій день у князя назначенъ былъ пиръ, и ему было приказано поставить къ столу хорошей дичи. Еще въ первый разъ услышалъ Варгунъ выговоръ отъ своего хозяина, и не могъ снести его съ тѣмъ кроткимъ, терпѣливымъ молчаніемъ, съ какимъ Изокъ выслушивалъ и брань, и насмѣшки, не только отъ хозяина, но даже и отъ Варгуна. Онъ началъ ворчать и перебраниваться.—Ну чтожъ съ этимъ дѣлать, говорилъ онъ, — что мнѣ такая неудача? Развѣ я этому радъ, или нарочно дѣлаю? Да ты, хозяинъ, ужъ избалованъ моимъ искусствомъ! Думаешь,

что ужъ я всегда долженъ стрѣлять безъ промаху! Ну, если ты не доволенъ мною, такъ отпусти меня, и оставайся себѣ съ Изокомъ, или ищи другаго помощника!

Въ слѣдующее утро, на самомъ разсвѣтѣ, Изокъ пошелъ въ лѣсъ, и едва вступилъ въ него, какъ увидѣлъ оленя; онъ пустилъ въ него свою новую стрѣлу, и такъ удачно, что стрѣла вонзилась ему прямо въ сердце. Олень въ туже минуту упалъ мертвый.

Хозяинъ очень обрадовался, когда Изокъ пришелъ сказать ему, что застрѣлилъ оленя; теперь было что послать на княжескій столъ! Всѣ пошли въ лѣсъ свѣжевать убитаго оленя и разнимать его на части, Хозяинъ удивлялся такому мастерскому выстрѣлу, найдя при разниманьи, что стрѣла попала въ самую средину сердца.

Резвѣ это отъ умѣнья! сказалъ Варгунъ презрительно: —это просто случай!—Какъ бы то ни было, отвѣчалъ хозяинъ:—а я радъ, что для княжескаго стола есть хорошее жаркое! Спасибо тебѣ, Изокъ! Хо-

рошо бы при этомъ послать также и нѣсколько птицъ! Попробуемъ, ребята, не найдемъ ли чего!

Въ это время пролетѣлъ рябчикъ. Варгунъ выстрѣлилъ,—и не попалъ; хозяинъ выстрѣлилъ, и также не попалъ! Тогда натянулъ лукъ Изокъ. Ему кричали: поздно! поздно! Рябчикъ отлетѣлъ слишкомъ далеко!—Но Изокъ пустилъ стрѣлу,—и стрѣла вмѣстѣ съ рябчикомъ упала къ ногамъ его. Онъ убилъ и другаго рябчика и еще нѣсколькихъ птицъ, а Варгунъ и хозяинъ не застрѣлили ничего.

Съ этихъ поръ Изокъ не давалъ ни одного промаха; онъ помнилъ приказаніе Лѣсной Дѣвы: желѣзный конецъ стрѣлы его былъ всегда вычищенъ и свѣтелъ Но Варгуну не удавался ни одинъ выстрѣлъ; счастье совсѣмъ его покинуло, и онъ пошелъ въ другую сторону искать новаго мѣста.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, Изоковъ хозяинъ умеръ, и бѣдный Изокъ остался опять безъ пристанища и безъ

хлѣба. И онъ пошелъ искать другаго мѣста; освѣдомлялся и тамъ, и тутъ: не нуженъ ли кому стрѣлокъ; но никому не надобно было стрѣлка. Наконецъ, однако, нашелъ онъ другаго охотника, жившаго также въ одномъ изъ княжескихъ лѣсовъ.—Конечно, сказалъ онъ:—мнѣ нуженъ помощникъ; но до сихъ поръ кого я ни нанималъ, всѣ меня обманывали; заберутъ деньги впередъ и уйдутъ отъ меня въ то самое время, когда мнѣ наиболѣе нужна ихъ помощь. И потому я положилъ не принимать къ себѣ никого безъ залога! Если у тебя есть какая драгоцѣнность, которую ты можешь отдать мнѣ въ залогъ своей вѣрности, тогда я приму тебя; а на слово теперь я ужъ никому не вѣрю!

Но Изокъ не имѣлъ ничего, кромѣ той одежды, которая была на плечахъ его, лука, колчана съ стрѣлами, и особливо драгоцѣнной его стрѣлы, которую онъ не могъ отдать въ залогъ, потому что въ ней заключалась вся его удача; о свойствѣ этой стрѣлы онъ никому не сказы-

валъ. Итакъ бѣдняжка пошелъ печально прочь Онъ вошелъ въ лѣсъ и скоро увидѣлъ разставленную большую сѣть, въ которую попалось множество птичекъ и между прочими бѣлоснѣжный голубокъ. Онъ тотчасъ вспомнилъ приказаніе Лѣсной Дѣвы: *если встрѣтишь гдѣ мою козочку, или увидишь моего голубка, охраняй ихъ, и помни обо мнѣ.*

Изокъ подумалъ: — конечно всѣ эти птицы, пойманныя здѣсь въ сѣти, принадлежатъ тому охотнику, у котораго я былъ; онъ разставлялъ для нихъ сѣть и онъ поймалъ ихъ! Я не имѣю права освободить ни одной! Но у бѣленькаго голубка есть уже хозяйка; онъ принадлежитъ Лѣсной Дѣвѣ, и я его выпущу?—И онъ выпустилъ голубя изъ-подъ сѣтки. Но голубокъ, полетавъ немного, опять возвратился къ нему, и не переставалъ кружиться около его головы.—Что тебѣ надобно? сказалъ Изокъ, подставляя ему руку. Голубокъ сѣлъ къ нему на ладонь и снесъ претяжелое яйцо изъ чистаго золота; потомъ взвился и улетѣлъ.

Изокъ подумалъ: теперь у меня есть драгоцѣнность, которую могу отдать охотнику въ залогъ моей вѣрности!—И воротился къ охотнику.—Вотъ, хозяинъ! сказалъ онъ:—теперь у меня есть что отдать тебѣ подъ закладъ! Смотри: годится ли тебѣ золотое голубиное яйцо?

Охотникъ очень удивлялся такой рѣдкости, и спрашивалъ, гдѣ онъ взялъ это яичко?—Изокъ сказалъ, что къ нему прилетѣла бѣленькая голубка, сѣла къ нему на руку и снесла золотое яйцо.

— Какой же ты, братецъ, дуракъ! сказалъ охотникъ:—тебѣ бы поймать эту голубку; такъ она нанесла бы тебѣ много золотыхъ яичекъ, и ты сдѣлался бы богачемъ! Однако, посмотримъ! Можетъ статься, намъ еще и удастся поймать ее!

Охотникъ долго ходилъ по лѣсу, чтобъ отыскать бѣленькую голубку, но она ему нигдѣ не попадалась. Вотъ, однажды, въ вечеру, раздался по лѣсу призывный звукъ

охотничьяго рога. Изокъ поспѣшилъ на этотъ зовъ, и нашелъ своего хозяина, который сказалъ ему:—я нашелъ еще другую диковинку: дикую козу совершенно бѣлую! Помоги мнѣ добить ее! Ты поди въ эту сторону, а я сюда, тебѣ навстрѣчу.—Такъ и сдѣлали, и выгнали козочку изъ того мѣста, куда она спряталась. Но, увидя Изока, козочка бросилась прямо къ нему. Изокъ, видя, что хозяинъ его натянулъ лукъ и прицѣливается въ козочку, сталъ передъ нею, чтобы защитить ее.—Отойди прочь! закричалъ хозяинъ; или я пущу стрѣлу прямо въ тебя.—Но Изокъ не трогался съ мѣста и пуще прежняго старался собою закрыть козочку отъ выстрѣла своего хозяина. Охотникъ, въ запальчивости, пустилъ стрѣлу,—и она воткнулась ему въ берцо. Кровь полилась ручьемъ,—охотникъ опомнился и испугался. Онъ искренно раскаявался въ своей опрометчивости; вынулъ со всею осторожностью стрѣлу изъ раны и всячески извинялся передъ своимъ помощникомъ. Наконецъ онъ спросилъ:—да, скажи, пожалуй, для чего ты непремѣнно хотѣлъ защитить эту козочку отъ моего выстрѣла?

— Для того, что онъ честный, вѣрный малый! сказалъ какой-то пріятный, но незнакомый голосъ,—и Лѣсная Дѣва предстала передъ нимъ, съ своею козочкою и голубкомъ. Удивленный охотникъ, изъ почтенія къ незнакомой красавицѣ, отступилъ на нѣсколько шаговъ.—Благодарю тебя, сказала она Изоку, за то, что ты такъ вѣрно исполнялъ мое приказаніе! Ты, съ опасностью собственной жизни, защитилъ мою козочку и за то получишь достойную награду! Только позволь мнѣ взять нѣсколько капель твоей крови!—Она омочила конецъ пальца въ его крови и помазала ею голову козочки... О чудо! изъ козочки сдѣлалась дѣвица дивной красоты! Лѣсная Дѣва подвела ее къ Изоку и сказала ему: эта дѣвица, по злобѣ одного волшебника, за котораго не хотѣла выдти замужъ, была имъ превращена въ бѣлую дикую козу, и должна была оставаться въ этомъ образѣ до тѣхъ поръ, пока сыщется такой

жалостливый охотникъ, который, защищая ее, прольетъ собственную кровь. Ты избавилъ ее отъ очарованія и она должна принадлежать тебѣ. Пусть будетъ она твоей женою!

Между тѣмъ охотникъ со страхомъ и горестью смотрѣлъ на рану, нанесенную имъ Изоку; кровь не переставала литься ручьемъ. — Онъ не доживетъ до своей свадьбы! сказалъ онъ Лѣсной Дѣвѣ:—посмотрите! Бѣднякъ—весь изойдетъ кровью! Лѣсная Дѣва нарвала нѣсколько травы, выжала изъ нея сокъ, и этимъ сокомъ помазала Изокову рану; кровь тотчасъ унялась и рана исцѣлѣла.

Охотникъ, въ радости сердечной, сказалъ:—такъ какъ у нашей молодой четы нѣтъ родителей, то я хочу имъ замѣнить ихъ. У меня также нѣтъ дѣтей. Они будутъ мнѣ вмѣсто сына и дочери и я, съ сего же часа, отдаю имъ все мое имѣніе! Я вижу, какой добрый, честный и благодарный малый этотъ Изокъ и увѣренъ, что онъ меня не покинетъ!

—Онъ не покинетъ тебя, и у него ни въ чемъ не будетъ недостатка? сказала Лѣсная Дѣва:—мы выпишемъ сюда приданое невѣсты! Теперь держитесь всѣ крѣпче за руки!—Они схватились за руки, и вдругъ все около нихъ закружилось. Они, казалось, не трогались съ мѣста, а мимо ихъ все пролетало, съ невѣроятной быстротой. И лѣсъ, въ которомъ они были, и другіе лѣса; горы и долины; озера и рѣки; города и деревни, и наконецъ они очутились у входа великолѣпныхъ палатъ, которыя красотой и богатствомъ не уступали царскому дворцу.

— Живите счастливо въ этихъ палатахъ; они ваши, со всею окрестностью! сказала Лѣсная Дѣва, обняла ихъ, обратилась сама въ бѣлую голубку и улетѣла вмѣстѣ съ тою, которая сидѣла у ней на плечѣ.

Изокъ, съ молодой своею прекрасною женою и старымъ охотникомъ, остался въ палатахъ; жилъ счастливо, управлялъ имѣніемъ благоразумно, любилъ жену и по-

читалъ старика, бывшаго своего хозяина, какъ отца, не забывая никогда, что безъ него онъ не получилъ бы того счастія, которымъ наслаждался.

—

КАРЛИКЪ СО СКРИПКОЮ.

Былъ нѣкогда одинъ мальчикъ недоростокъ. Онъ по лѣтамъ своимъ былъ очень малъ и имѣлъ совсѣмъ кривыя ноги; не смотря на это, онъ всегда былъ веселъ и очень любилъ проказничать.

Родители его померли, не оставя ему совершенно никакого наслѣдства, такъ что и бѣдная ихъ бабушка была продана за долги. Филатушка, такъ звали малорослаго мальчика, оставшись безъ пристанища и безъ куска хлѣба, принужденъ былъ наняться въ работники къ одному крестьянину. Прослужа три года, онъ пришелъ къ своему хозяину и сказалъ:—хозяинъ!

Перестань; не то я запляшусь до-смерти!

я служилъ тебѣ цѣлые три года, вѣрою и правдою; работалъ, сколько силы мои позволяли, не получая отъ тебя никакой платы. Теперь хочу посмотрѣть свѣтъ и поискать своего счастія. Отдай мнѣ заслуженныя мною деньги и отпусти меня.

Крестьянинъ отперъ свой сундукъ, вытащилъ изъ него большой мѣшокъ съ деньгами, долго въ нихъ разбирался, наконецъ досталъ три полушечки и отдалъ ихъ карлику, сказавъ:—вотъ твои денеги, по полушки на годъ; для такого маленькаго мужичка, какъ ты, и этого достаточно. Если ты ихъ хорошо употребишь, то онѣ доставятъ тебѣ счастіе. Кто презираетъ полушку, тотъ недостоинъ имѣть и рубль. Прощай, будь счастливъ.

Филатушка взялъ свои три полушечки, былъ ими очень доволенъ; спряталъ ихъ въ мошонку, которую самъ сшилъ изъ мышиной шкурки, и положилъ мошонку въ карманъ. Послѣ этого, простясь съ хозяйкою и дѣтьми, пустился въ путь.

Но гдѣ бы онъ ни останавливался отдыхать, ложился ли спать подъ деревомъ, или въ сараѣ, куда, иногда, впускали его добрые люди; садился ли отдыхать среди, чистаго поля, онъ всегда вынималъ свою мошонку и пересчитывалъ полушки, боясь чтобы онѣ не пропали.

Такимъ образомъ онъ провелъ нѣсколько дней, не находя случая употребить хорошенько своихъ полушечекъ. Наконецъ, однажды, подъ вечеръ, пришелъ онъ къ превысочайшей горѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она была такъ камениста, что не только никакой травы, но даже не росло и моху. Скалы были такъ круты и такъ стѣсняли тропинку, проложенную межъ нихъ, что по ней едва можно было пробираться. Но тамъ, гдѣ между камнями было хотя немного земли, росли высокія, мрачныя сосны и ели, которыя придавали этой утесистой горѣ видъ самый печальный, ужасный, и увеличивали темноту наступающей ночи. Въ этомъ лѣсу не слышно было ничего, кромѣ дикаго крика воронъ, слетающихся на ночлегъ, и рева шумныхъ

горныхъ потоковъ, стремящихся со скалъ въ глубокія пропасти. Все это, при густѣющемъ сумракѣ, казалось не только очень непріятно, но даже и страшно.

Но Филатушка не унывалъ. Онъ бодро взбирался на крутую гору, насвистывая пѣсенку. Ночь совсѣмъ наступила, прежде нежели онъ успѣлъ взобраться на вершину этой горы, и ему было бы невозможно видѣть той тропинки, по которой шелъ, еслибъ мѣсяцъ не проглядывалъ сквозь черныя сосны и ели, и не освѣщалъ путь его. Въ это время было полнолуніе. Взошедъ на гору, онъ глядѣлъ вдаль, не увидитъ ли деревни, или мельницы, или какого либо жилья, гдѣ бы можно было переночевать; но сколько свѣтъ лунный позволялъ ему видѣть, глазамъ его не представлялось ничего, кромѣ горъ и лѣса. Итакъ онъ рѣшился провести ночь на вершинѣ горы; отыскавъ мѣстечко, поросшее мохомъ, онъ расположился тутъ ночевать, на этой мягкой постелѣ. Но, прежде чѣмъ легъ спать, онъ досталъ

свою мошонку изъ мышиной шкурки и началъ пересчитывать свои полушечки и радоваться ими.

Онъ выложилъ ихъ въ горсть и разглядывалъ ихъ; при лунномъ свѣтѣ, онъ замѣтилъ, что на руку его пала какая-то туманная тѣнь. Онъ поднялъ голову къ верху и увидѣлъ передъ собою человѣка, котораго лицо было покрыто густою бородой, висящею до самыхъ ногъ. Одежда его была накинута на голову, откуда падала большими складками до самой земли, такъ что видно было одно только лице. Хотя пришлецъ стоялъ смирно, но все его одѣяніе было въ какомъ-то странномъ движеніи: оно какъ бы вертѣлось вокругъ него, или волновалось. Это безпрестанное движеніе, дымный цвѣтъ одежды и сѣдая, столь длинная борода дѣлали его похожимъ на призракъ; казалось, что онъ поднялся изъ земли, какъ дымный столпъ. И въ самомъ дѣлѣ это былъ не человѣкъ. Карликъ, смотря на него, не зналъ, что думать; иногда считалъ его человѣкомъ, а иногда дымнымъ столпомъ; наконецъ на

него нашелъ ужасъ; онъ спряталъ свои полушки и хотѣлъ бѣжать.

Но едва переступилъ онъ одинъ только шагъ, какъ почувствовалъ, что кто-то схватилъ его за волоса и держалъ крѣпко, и какъ ни страшно казалось ему привидѣніе, но онъ не могъ сойти съ мѣста. Взглянувъ на пришельца, онъ показался ему похожимъ на старика въ сѣромъ плащѣ. Старикъ замѣтилъ его ужасъ и сказалъ, ласково улыбаясь:—не бойся, Филатушка! Я не сдѣлаю тебѣ никакого зла.

У Филатушки отлегло отъ сердца, когда онъ услышалъ эти слова.—Спасибо, дѣдушка, что ты вымолвилъ словечко! Мнѣ стало отраднѣе съ тѣхъ поръ, какъ услышалъ человѣческій голосъ! А еще больше спасибо за то, что ты не хочешь мнѣ дѣлать зла. Не правда ли, ты не отнимешь у меня моихъ полушечекъ? Я за нихъ служилъ цѣлые три года.

—Онѣ останутся у тебя, если ты самъ не отдашь мнѣ добровольно! отвѣчалъ старикъ.

— О! если такъ, то онѣ останутся у меня! воскликнулъ Филатушка:—а ты, дѣдушка, ночуй, пожалуйста, здѣсь со мною! Мнѣ одному какъ-то жутко!

— Не хочу я ночевать съ тобою! проворчалъ сердито старикъ. — Послушай, продолжалъ онъ нѣсколько поласковѣе:— кончимъ поскорѣе нашъ торгъ! Мнѣ нынѣшнею ночью надобно побывать за семь тысячъ верстъ отсюда; скажи скорѣй, что возьмешь ты за свои три полушки?

Филатушка былъ догадливъ; ему тотчасъ пришло въ голову, что имѣетъ дѣло не съ человѣкомъ, а съ могучимъ горнымъ духомъ, который, вѣроятно, потому желаетъ имѣть его полушки, что онѣ вылиты изъ мѣди, вырытой изъ глубины той горы, на которой они находились. Филатушка былъ уменъ и сметливъ; а потому и отвѣчалъ духу:—хорошо! одну изъ моихъ полушекъ я отдамъ тебѣ за духовое ружье, которымъ бы я могъ застрѣлить всякую птицу, на какую ни прицѣлюсь.

Филатушка не успѣлъ мигнуть, какъ духъ подалъ ему прекрасное духовое

ружье, вдвое длиннѣе его самаго. Но Филатушка сказалъ: дай прежде попробовать, хорошо ли стрѣляетъ!—Онъ замѣтилъ одну еловую шишку, выстрѣлилъ по ней и шишки на ели какъ не бывало! Филатушка съ радостью отдалъ за ружье одну изъ своихъ полушекъ. Старикъ сказалъ:—твое требованіе было очень умѣренно! Подумай хорошенько о томъ, что бы тебѣ купить на остальныя двѣ полушки. Не желай вздору, выбери что нибудь получше, я могу все дать тебѣ!

— Хорошо! хорошо! отвѣчалъ Филатушка, валяясь со смѣху:—ты взгляни на меня: я уродливъ, кривоногъ, не могу плясать самъ; а чрезвычайно люблю смотрѣть, какъ другіе пляшутъ, и вертятся, какъ сумасшедшіе; и потому за другую полушку не хочу отъ тебя ничего, кромѣ скрипки, на которой бы я не учась умѣлъ играть, и подъ которую бы всякій плясалъ по волѣ, иль неволѣ.

Духъ подалъ ему такую скрипку, какую онъ желалъ, а къ ней и смычокъ. Фила-

тушка опять не видалъ, откуда взялась эта скрипка. Но, подавая ее, старикъ сказалъ: — ахъ, Филатушка! какое глупое желаніе! У тебя остается только одна полушка; выдумай что нибудь поумнѣе, подѣльнѣе!

Филатушка отдалъ другую полушку и сказалъ:—теперь я желаю, чтобы никто не могъ мнѣ отказать въ первой моей просьбѣ!

— Вотъ, наконецъ, хоть одно путное требованіе, и я съ радостью исполняю его! говорилъ духъ:—будь спокоенъ, Филатушка! оно исполнится; у кого бы ты ни попросилъ чего въ первый разъ, тотъ не въ силахъ будетъ отказать тебѣ!—Филатушка отдалъ ему послѣднюю полушку. Съ вершины горы подулъ легкій вѣтерокъ. Филатушкѣ казалось, что онъ уноситъ удаляющагося старика, который не уходилъ отъ него, а исчезалъ изъ глазъ его подобно туману, разносимому вѣтромъ. Когда вѣтеръ дулъ сильнѣе, старикъ быстрѣе увлекался, и наконецъ, смѣшав-

шись вдали съ ночнымъ мракомъ, исчезъ совершенно.

Филатушка восхищался своимъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ; хохоталъ, прыгалъ на одной ножкѣ, держа въ одной рукѣ ружье, а въ другой скрипку, и восклицалъ:—Ай да молодецъ! Молодецъ, ты, горный духъ, въ сѣрой туманной одеждѣ! Спасибо тебѣ! Отъ радости онъ не могъ заснуть, да также и отъ страха. Онъ боялся, чтобы кто не укралъ его богатства, или чтобъ проснувшись все случившееся съ нимъ не исчезло какъ сонъ. Однако же ему очень нужно было отдохнуть; прошатавшись цѣлый день, онъ крѣпко усталъ; итакъ онъ не пошелъ далѣе, но сѣлъ тутже на землю и дожидался разсвѣта.

Замѣтя, что вѣтерокъ свѣжѣетъ, звѣзды потухаютъ и на востокѣ загорается заря, нашъ Филатушка всталъ съ своего мѣста и пошелъ далѣе, къ нѣкоторому городу, находившемуся по ту сторону горы, въ долинѣ. Онъ радовался, вооб-

ражая, какъ народъ запляшетъ подъ его скрипку.

Онъ сошелъ съ горы и прошелъ ужъ довольно далеко, когда нагналъ его Дервишъ, шедшій изъ ближней деревни, въ которой онъ собиралъ подаяніе для своей общины. Онъ несъ на плечахъ мѣшокъ, наполненный яицами, плодами, сыромъ и другими разными съѣстными припасами, данными ему добрыми людьми. Сошедшись съ Дервишемъ, Филатушка поклонился и спросилъ:—откуда идешь такъ рано, честный отецъ?

— Изъ ближняго селенія, чадо, отвѣчалъ Дервишъ. Я собиралъ тамъ подаяніе на нашу общину; теперь иду въ городъ; хочу попробовать своего счастія: не пособятъ ли и тамъ чѣмъ нибудь правовѣрные нашей бѣдной общинѣ!

— Ну, такъ пойдемъ вмѣстѣ, сказалъ Филатушка, и я иду тудаже! Вѣдь ты не станешь гнушаться тѣмъ, что я не магометанинъ?

— Чего гнушаться! Можетъ статься, я еще и обращу тебя въ магометанство моими рѣчами и святымъ примѣромъ! И оглядѣвъ Филатушку съ ногъ до головы, Дервишъ продолжалъ: нынче въ городѣ ярмарка; тамъ будетъ много всякаго народу—и мусульманъ, и христіанъ, и жидовъ. Ты, конечно, хочешь заработать нѣсколько денегъ своею скрипкою?

— А почему бы и не такъ, отвѣчалъ Филатушка.—Онъ шелъ рядомъ съ Дервишемъ и все думалъ, какъ бы ему что спроказничать надъ этимъ туркомъ, который собирался обратить его въ свою вѣру. Прошедъ нѣсколько, Дервишъ увидѣлъ дикаго голубя, сидящаго на деревѣ, и указалъ его Филатушкѣ, говоря: сынъ мой, посмотри-ка, что за жирный голубь.

— Да, прекрасный голубокъ! отвѣчалъ Филатушка:—я очень люблю голубей; это такое кроткое творенье!

— И я очень люблю голубей, сказалъ Дервишъ:—эта такая вкусная птичка!— Онъ остановился и съ жадностью смотрѣлъ на голубя. О, какой жирный! продолжалъ онъ:—вотъ лакомый кусочикъ! какъ бы хорошо было его зажарить!

Ахъ, сынъ мой! у тебя такое длинное духовое ружье; попробуй, не застрѣлишь ли ты его?

— Пожалуй, изволь! отвѣчалъ Филатушка:—только съ уговоромъ: если мнѣ удастся застрѣлить его, чтобъ ты самъ потрудился достать голубя; посмотри, онъ сидитъ надъ частымъ терновымъ кустарникомъ, до котораго мнѣ съ моими коротенькими, кривыми ногами очень неловко добираться, черезъ всѣ эти пни и кочки; да я же боюсь исколоться терновыми иглами!

— Ты только застрѣли, а я ужъ берусь достать его! сказалъ Дервишъ:—на мнѣ одежда толстая; сквозь нея терновыя иглы меня не уколятъ!

— Но, прервалъ Филатушка:—мнѣ кажется, что въ вашихъ общинахъ, также, какъ и въ нашихъ монастыряхъ, запрещено кушать мясное; оставимъ лучше въ покоѣ бѣднаго голубка!

— И! сынъ мой! да кто же насъ здѣсь увидитъ? возразилъ Дервишъ:—я надѣюсь, что ты на меня не выведешь! Ну, подумай

самъ: какой тутъ грѣхъ ѣсть мясное? Лишь бы никто этого не видалъ, чтобы не приводить въ соблазнъ правовѣрныхъ, а то грѣха въ этомъ нѣтъ никакого.

— Честный отецъ! сказалъ Филатушка:—мнѣ такъ пріятно слушать твои поученія! Слѣдственно, если никто не видитъ, не грѣшно нарушить свои обѣты, и подъ часъ, вопреки Магомету и его Корану, выпить и вина?

— Нѣтъ, сынъ мой, не грѣшно! лишь бы никто не зналъ про то! отвѣчалъ Дервишъ.

Филатушкѣ очень досадно стало на безсовѣстнаго Дервиша.—Постой же негодный лицемѣръ, я проучу тебя! подумалъ онъ. Потомъ, обернувшись къ нему, сказалъ:—Ну, если ты непремѣнно того желаешь, изволь: я застрѣлю голубя.—Онъ выстрѣлилъ и голубь упалъ въ самую средину терновника. Дервишъ побѣжалъ за нимъ, пробрался сквозь терновникъ, и досталъ голубя. Между тѣмъ Филатушка изготовилъ свою скрипку, и сказалъ: дай, посмотрю: стройна ли моя скрипка? Заигралъ

на ней плясовую пѣсню, и такъ хорошо, какъ самый лучшій музыкантъ, хотя до сего времени онъ никогда не бралъ въ руки ни скрипки, ни смычка.

Дервишъ, услыша веселые звуки Филатушкиной скрипки, началъ прыгать въ срединѣ терновника. Это сильное движеніе совсѣмъ ему не нравилось, потому что онъ былъ очень толстъ; но, по неволѣ, онъ плясалъ, коверкался, и такъ усердно, что перебилъ всѣ яица, лежавшія въ его мѣшкѣ; желтки текли по его одеждѣ, потъ лился ручьями по толстому, широкому лицу его; онъ насилу переводилъ дыханіе, а все прыгалъ и вертѣлся.—Чадо! любезное чадо! кричалъ онъ, задыхаясь: *перестань; не то я запляшусь до смерти.*

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ Филатушка:— еще немножко! Вотъ другая пѣсенка веселѣе первой, послушай ее! И проказникъ продолжалъ играть на своей скрипкѣ; Дервишъ плясалъ, прыгалъ и вертѣлся; а иглы терновника и сучья кустарниковъ, цѣпляясь за его одежду, терзали ее—и клочья летѣли во всѣ стороны.

— Я отдамъ тебѣ всѣ деньги, которыя собралъ для нашего братства! вскричалъ Дервишъ:—только именемъ Аллаха умоляю тебя, перестань играть, ты уморишь меня!

Наконецъ Филатушка унялся и далъ время Дервишу перевести дыханіе. Онъ обтеръ катящійся градомъ съ лица потъ; выпуталъ свою одежду изъ терновника и вышелъ на дорогу. Но когда Филатушка сталъ требовать обѣщанныхъ денегъ, то онъ не хотѣлъ отдать ихъ, и бранилъ его за то, что онъ, вмѣсто того, чтобы оказывать ему должное почтеніе, какъ мусульманину и Дервишу, заставилъ его плясать подъ звуки околдованной скрипки.

Филатушка не испугался его гнѣва и грозилъ заиграть опять на скрипкѣ, если онъ не отдастъ ему денегъ; но Дервишъ испугался Филатушкиной угрозы и отдалъ бы ему все на свѣтѣ, лишь бы только онъ не прикасался къ своей скрипкѣ. Онъ развязалъ мѣшокъ и, увидя перебитыя яйца, горестно вздохнувъ, сказалъ:—ахъ! пропало все мое добро! сколько бы ку-

шанья изъ этого можно было приготовить, теперь все это хоть брось!

— Не тужи о своемъ запасѣ, честной отецъ! сказалъ Филатушка:—за то, подумай, какъ славно ты наплясался! Ну достань же изъ этой яичницы мои трудовыя денежки!

— Попался я въ твои руки, плутъ окаянный! говорилъ Дервишъ, вздыхая. Онъ досталъ изъ своего мѣшка кошелекъ. Филатушка подставилъ шапку, и Дервишъ высыпалъ въ нее свои деньги. Филатушка спряталъ ихъ въ карманъ и сказалъ: благодарю тебя, святой человѣкъ, что ты заплатилъ мнѣ, бѣдняку, такъ щедро за ничтожный мой трудъ! — Да! отвѣчалъ Дервишъ, ужъ я объ этомъ постараюсь, чтобъ ты получилъ достойную награду за дѣла твои!

Филатушка не отвѣчалъ ни слова, но смѣялся отъ всего сердца, и весело пошелъ въ городъ; а Дервишъ шелъ за нимъ печально, повѣся носъ. Въ городѣ, проходя мимо караванъ-сарая, Филатушка сказалъ:—теперь простимся, святой че-

ловѣкъ! Желаю тебѣ скушать, за обѣдомъ, на здоровье жирнаго голубя; ты его усердно выплясалъ? Желаю тебѣ также собрать въ городѣ побольше денегъ, взамѣнъ тѣхъ, которыми ты меня такъ великодушно наградилъ; а я пойду вотъ въ этотъ караванъ-сарай; можетъ статься, тамъ понадобится кому-нибудь моя скрипка.—Дервишъ пошелъ далѣе, а Филатушка пошелъ въ отворенную дверь и потомъ въ комнату; сѣлъ на диванъ и спросилъ себѣ чего-нибудь поѣсть. Утоливъ голодъ и расплатясь честно съ хозяиномъ, онъ заигралъ на скрипкѣ. Всѣ присутствующіе принялись плясать очень охотно, и гостинникъ также плясалъ, вмѣстѣ съ своими посѣтителями, пока Филатушка игралъ на скрипкѣ.

Это всѣмъ очень полюбилось, потому что въ этотъ караванъ-сарай, или гостинницу, собрались тогда одни весельчаки, которые щедро заплатили музыканту. Едва переставалъ онъ играть одинъ танецъ, какъ просили его играть другой. Люди, шедшіе по улицѣ, проходя мимо караванъ-сарая,

также плясали, во все время пока звуки скрипки доходили до ихъ слуха.

Но Дервишъ былъ сердитъ не на шутку на Филатушку,—не столько за пляску, какъ за то, что онъ отнялъ у него деньги. Онъ пошелъ прямо къ Пашѣ и жаловался ему на колдуна.—Еслибъ я зналъ, гдѣ отыскать этого проказника, то я наказалъ бы его за всѣ эти плутни, сказалъ Паша.

— Пошли свою стражу, могущественный Паша, въ ту гостинницу, которая недалеко отъ въѣзда въ городъ, съ полночной стороны, отвѣчалъ Дервишъ:—этотъ колдунъ долженъ быть тамъ; найдти его не трудно; пускай поищетъ только кривоногаго карлу со скрипкою и духовымъ ружьемъ.

Паша послалъ за Филатушкой свою стражу. Воины, вошедъ въ назначенную гостинницу, нашли тамъ ужаснѣйшій шумъ. На улицѣ передъ домомъ, на дворѣ, въ переходахъ, въ тѣхъ горницахъ, куда доходили звуки скрипки, и въ большой залѣ, вездѣ народъ плясалъ; а Филатушка,

стоя на столѣ, игралъ на скрипкѣ, и забавлялся, глядя на эту пляску. Стража, вошедъ въ залъ, чуть-чуть не заплясала туда же; но, къ ея счастію, Филатушкѣ понадобилось отдохнуть, и пляска прекратилась.

— Начальникъ стражи, подошедъ къ проказнику, схватилъ его за воротъ и сказалъ:—ага! невѣрная собака! попался ты мнѣ! Пойдемъ-ка со мною! Филатушкѣ очень хотѣлось знать, что бы это значило; онъ пошелъ добровольно съ начальникомъ стражи и дорогою думалъ: что нужды, я всегда успѣю отдѣлаться отъ бѣды и попросить, чтобы меня выпустили; вѣдь, никто не можетъ отказать мнѣ въ первой моей просьбѣ!

Представъ предъ Пашу, онъ увидѣлъ сидящаго возлѣ него знакомца своего—Дервиша, и тотчасъ догадался, что былъ схваченъ подъ караулъ по его жалобѣ.

— Признавайся, говорилъ Паша:—правда ли все то, въ чемъ обвиняетъ тебя этотъ почтенный Дервишъ? Правда ли, что ты

измучилъ его пляскою и отнялъ у него всѣ деньги?

-- Правда, отвѣчалъ Филатушка;—я не могу въ этомъ запереться!

— Ахъ ты собака, гіауръ! воскликнулъ гнѣвно Паша:—какъ могъ ты ругаться надъ святымъ Дервишемъ и обирать его! Но подожди, ты получишь достойное по дѣламъ твоимъ! Ты будешь наказанъ, не отсѣченіемъ головы, потому что я не хочу, чтобы мусульманская сабля была осквернена кровью невѣрнаго; но, въ примѣръ всѣмъ ворамъ и мошенникамъ, тебя повѣсятъ, какъ собаку!—Онъ приказалъ позвать палача и велѣлъ ему немедленно повѣсить бѣднаго карлика.

Палачъ обвязалъ Филатушку веревкою и повлекъ его за собою; Паша также пошелъ, желая видѣть эту казнь надъ колдуномъ; Дервишъ пошелъ съ Пашею, радуясь внутренно своему мщенію, а между тѣмъ притворясь, будто передъ смертію хочетъ обратить преступника и сдѣлать его мусульманиномъ; стража окружила осужденнаго со всѣхъ сторонъ, и народъ бѣжалъ толпами, чтобы видѣть казнь.

Выслушавъ длинное Дервишево наставленіе, наполненное ругательствъ, Филатушка сказалъ:—ахъ, святый человѣкъ! вижу, что заслуживаю смерть, хотя я и не имѣлъ злаго умысла. Мнѣ всегда было пріятно видѣть, какъ люди веселятся, и я не зналъ, что тебѣ грѣшно плясать! Я думалъ, что если, въ противность вашего устава, тебѣ можно есть мясо, и, не смотря на запрещеніе вашего пророка Маготета, можно пить вино; то почему бы тебѣ и не поплясать.

Эти слова взбѣсили Дервиша пуще прежняго, и онъ съ нетерпѣніемъ желалъ насладиться казнію бѣднаго карлика. Между тѣмъ подошли къ висѣлицѣ. Народъ обступилъ ее кругомъ; подставили лѣстницу; палачъ надѣлъ петлю на шею бѣднаго Филатушки; взошелъ ступеньки двѣ на лѣстницу, и оборотясь сказалъ обреченной жертвѣ: иди же за мною, гіауръ!—Филатушка взошелъ также на двѣ ступеньки, и поду-

малъ:—теперь мнѣ пора обратиться съ просьбою къ Пашѣ; когда взойду еще выше, то ужъ поздно будетъ!—Итакъ, обратясь къ Пашѣ, который стоялъ впереди, онъ воскликнулъ: Могущественный Паша! Праведенъ твой судъ! Но я имѣю до тебя одну, послѣднюю просьбу: позволь мнѣ объявить ее, прежде нежели меня повѣсятъ!

— Говори, отвѣчалъ Паша:—посмотрю, можно ли исполнить твою просьбу.

— Ахъ, сказалъ Филатушка:—я такъ люблю мою скрипку, что не могу съ нею разстаться! Прикажи меня повѣсить вмѣстѣ съ нею; но прежде дозволь мнѣ, передъ смертію, на прощаніе слышать ея звуки!

— Великій Паша! воскликнулъ испуганный Дервишъ:—не позволяй этому мошеннику играть на своей заколдованной скрипкѣ! Мы всѣ запляшемся до упаду! Всѣмъ намъ бѣда будетъ!—Но Паша отвѣчалъ:—въ такой бездѣлицѣ не должно огорчать отказомъ человѣка, приговореннаго къ смерти! Чего ты боишься, Дервишъ? Онъ стоитъ уже на висѣлицѣ! Петля

ужъ на его шеѣ! Одно движеніе руки палача, и его нѣтъ, и скрипка его умолкнетъ навѣки!—Потомъ, оборотясь къ стражѣ, приказалъ подать Филатушкѣ скрипку и развязать ему руки.

Филатушка, съ восторгомъ, схватилъ свою скрипку и началъ играть. Услышавъ эти звуки, сперва заплясали стоявшіе тутъ ребятишки; потомъ палачъ сказалъ: давно ужъ я не плясалъ, теперь захотѣлось вспомнить старину! Сошелъ съ лѣстницы,—и ну плясать. Заплясала стража съ своимъ Агою; заплясалъ и Паша, и Дервишъ, и весь присутствовавшій народъ. Но Дервишъ, наплясавшійся еще утромъ до упаду, усталъ прежде всѣхъ и, едва передвигая ноги, кричалъ:—Великій Паша! прикажи ему перестать играть на скрипкѣ! Намъ стыдно плясать передъ всѣмъ собравшимся народомъ! Я остерегалъ тебя; но ты не уважилъ словъ моихъ!

Но развеселившійся Паша отвѣчалъ:—какая намъ нужда до народа! Пляши себѣ, честной отецъ, не смотря ни на кого!

Мнѣ самому тамъ весело плясать, что и перестать не хочется!

— Пляшите! пляшите, мои дѣтушки! воскликнулъ карла: — теперь я сыграю вамъ казачка, это веселый танецъ; благочестивый Дервишъ ужъ плясалъ подъ него, нынче утромъ!—Онъ заигралъ казачка, а Паша, Дервишъ, Ага съ своею стражей, палачъ, мужчины, женщины и дѣти еще усерднѣе плясали вокругъ висѣлицы; многіе восклицали: еще никогда не было такъ весело во время казни!

Между тѣмъ Филатушка снялъ петлю съ своей шеи, сошелъ съ лѣстницы; взялъ свое духовое ружье, брошенное Агою, въ жару пляски, и продолжалъ играть, а народъ продолжалъ плясать. Играя такимъ образомъ, онъ продрался сквозь толпу и побѣжалъ, не переставая играть; народъ бѣжалъ за нимъ, не переставая плясать; наконецъ веселое собраніе до того наплясалось, что одинъ по одному начали падать отъ усталости. Прежде всѣхъ повалился толстый Дервишъ, потомъ упалъ и Паша, за нимъ попадали и палачъ, и Ага, и вся

стража, гнавшіеся за Филатушкою; также и народъ валился попарно, и поодиначкѣ, на дорогу; а карликъ все бѣжалъ впередъ, играя на скрипкѣ, до тѣхъ поръ, пока отъ усталости никто ужъ не въ силахъ былъ за нимъ гнаться.

Избавившись такимъ образомъ отъ висѣлицы, Филатушка смѣялся отъ всего сердца. Онъ пошелъ, съ ружьемъ своимъ и скрипкою, въ другіе города, въ христіанскія земли, гдѣ нѣтъ лицемѣровъ, злобныхъ Дервишей, и гдѣ нѣтъ самовластныхъ Пашей, которые могутъ вѣшать людей безъ суда и расправы. Онъ вездѣ доставалъ своею скрипкою много денегъ; не дѣлалъ никому никакого зла; но куда ни появлялся, не могъ удержаться, чтобы не надѣлать какихъ-либо проказъ, такъ что всѣ говорили о кривоногомъ карлѣ со скрипкою. Такимъ образомъ онъ весело провелъ свой вѣкъ и дожилъ до глубокой старости. Когда же онъ умеръ, то струны на скрипкѣ его оборвались, испустя послѣдній жалобный звукъ съ его послѣднимъ дыханіемъ. Навѣсили новыя струны,

но эта скрипка сдѣлалась обыкновенной скрипкой, не лучше прочихъ; на ней могъ играть только тотъ, кто умѣлъ, а плясали подъ нее только тѣ, которые хотѣли плясать. Духовое ружье также раскололось и болѣе ни на что не годилось, какъ только растопить печку.

—

КНУТИКЪ ВЪ МѢШЕЧКѢ.

Въ одной небольшой деревушкѣ жилъ-былъ зажиточный крестьянинъ. У него былъ домъ съ тесовою кровлею и свѣтелкою; дворъ, огороженный, какъ кольцо; рубленый сарай; анбары, полные хлѣба; гумно, заставленное скирдами; въ сундукѣ лежали деньги; у него было много лошадей, коровъ, свиней, овецъ, всякой дворной птицы; однимъ словомъ, у него было довольно всякаго рода скота, и сверхъ того еще три сына. Все это имѣніе онъ нажилъ себѣ маркитанствомъ, и старикъ любилъ разсказывать дѣтямъ своимъ, какъ бывало, въ молодые годы, онъ разъѣзжалъ по раз-

Поилъ и кормилъ гостей своихъ и угощалъ ихъ какъ можно лучше.

Доз. ценз. Москва 22 Марта 1861 г. Лит. Чуднова Cрѣт. ч. 3 к. № 275

нымъ сторонамъ, видалъ много деревень, городовъ; какія диковинки встрѣчались ему на пути; какъ онъ торговалъ, иногда счастливо, иногда нѣтъ, однимъ словомъ, онъ разсказывалъ обо всемъ, что видалъ самъ и слыхалъ отъ другихъ. Такими разсказами онъ возбудилъ и въ сыновьяхъ своихъ желаніе видѣть свѣтъ. Прежде всѣхъ пришелъ къ нему старшій сынъ, и сказалъ:—батюшка родимый! отдай мнѣ мою долю въ имѣніи твоемъ, и отпусти меня, съ твоимъ родительскимъ благословеніемъ. Захотѣлось мнѣ людей посмотрѣть, себя показать. Я хочу видѣть свѣтъ, о которомъ ты такъ много разсказываешь, и поискать въ немъ своего счастія!

— Дуракъ ты этакой! сказалъ отецъ:—развѣ ты мнѣ чета? Я ушелъ изъ дому въ свѣтъ искать счастія отъ нужды, отъ бѣдности! Вотъ Господь и благословилъ труды мои; теперь у меня домъ, какъ полная чаша! Все въ немъ есть! А ты отъ какой бѣды хочешь бѣжать? Твое счастіе дома, за чѣмъ искать его въ свѣтѣ, далеко отъ семьи родной?

— Батюшка родимый! говорилъ сынъ:— чтожъ я все болваномъ неотесаннымъ такъ и оставаться долженъ,—не видѣть ничего, кромѣ нашей деревушки и не знать, какъ въ свѣтѣ люди живутъ? Отпусти меня, кормилецъ! Можетъ статься, мнѣ посчастливится, и я къ богатству твоему еще такое же приложу!

Что ни говорилъ старикъ, чтобъ отбить у сына охоту отъ странствія, сынъ одно твердилъ: отпусти меня, родимый! Мнѣ хочется видѣть свѣтъ!—Пошелъ старикъ къ своему куму, мельнику, который крестилъ у него старшаго сына, попросилъ отъ друга добраго совѣта, разумнаго, что ему дѣлать съ этою просьбою. Кумъ сказалъ ему:—Отпусти Лукашку съ Богомъ! Сынъ твой ужъ не ребенокъ! Онъ малый не глупый; можетъ статься, и впрямь найдетъ въ свѣтѣ счастіе! Можетъ статься, и въ самомъ дѣлѣ онъ воротится къ тебѣ съ большимъ богатствомъ.

Мужикъ отсчиталъ старшему сыну третью долю изъ денегъ своихъ, далъ ему свое родительское благословеніе и отпустилъ на

всѣ четыре стороны. Лука пошелъ, куда глаза глядятъ, по горамъ, по доламъ, по полямъ, по лѣсамъ; ему хотѣлось уйти подальше отъ родительскаго дома. Онъ шелъ цѣлый день и, наконецъ, къ вечеру, когда солнце стало уже клониться къ западу, пришелъ къ густому лѣсу. Вдругъ, увидѣлъ онъ передъ собою маленькаго, крошечнаго старичка; волосы его были бѣлы, какъ у луня, а сѣдая борода висѣла ниже пояса.—Здорово, Лука! сказалъ старичекъ:—куда ты идешь, добрый молодецъ, куда тебя Богъ несетъ? Волею, иль неволею, или своею охотою?

— Иду, дѣдушка, своею охотою, на всѣ четыре стороны, куда глаза глядятъ! отвѣчалъ Лука:—хочу людей посмотрѣть и себя показать,—да поискать въ свѣтѣ своего счастія. Для этого я выпросилъ у отца тѣ деньги, которыя онъ отложилъ на мою долю!

— Чтожъ тебѣ далеко ходить, чтобы людей смотрѣть! Люди вездѣ одинаковы! И себя показывать нечего: кто станетъ глядѣть на тебя, крестьянскаго сына, когда

нѣтъ у тебя никакой диковинки! Если же счастья нажить себѣ хочешь, такъ отдай мнѣ свои деньги, а за нихъ я дамъ тебѣ *столикъ-накройся;* съ нимъ ты никогда нужды не узнаешь; съ нимъ всегда будешь сытъ, а если захочешь, то и богатъ. Этотъ столикъ самъ собою покрывается всякими яствами, въ серебряныхъ блюдахъ, и всякими напитками, на столько человѣкъ, на сколько тебѣ угодно; и спрашивай всего, чего только пожелаетъ душа твоя!

Это понравилось Лукѣ; онъ былъ большой лакомка и лѣнивецъ. Если у меня будетъ такой драгоцѣнный столикъ, который самъ собою покрывается всякими кушаньями и напитками, подумалъ онъ; то мнѣ не нужно будетъ и работать! У меня безъ всякаго труда будетъ все, чего только мнѣ захочется!—Хорошо, сказалъ онъ старичку:—я отдамъ тебѣ всѣ мои деньги за такой столикъ!

Старичекъ повелъ Луку по узенькой тропинкѣ, въ лѣсъ, и прошедъ много ли, мало ли, они пришли наконецъ къ избушкѣ

на курьихъ лапкахъ, на гусиныхъ пяткахъ, построенную изъ коры древесной и моха. Дверь ея была обращена въ самую чащу лѣса. Старичекъ сказалъ: избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а къ намъ передомъ!—Избушка повернулась къ нимъ дверью и они вошли въ нее. Наружность избушки была самая бѣдная; но, переступя черезъ порогъ, Лука разинулъ ротъ отъ удивленія.

Онъ отъ роду не видалъ ничего подобнаго! Такое великолѣпіе было, что ни во снѣ не видать, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! Старичекъ отворилъ ставень и лучи вечерняго солнца, проходя сквозь разноцвѣтные драгоцѣнные камни, вставленные въ окно вмѣсто стеколъ, разливали въ горницѣ необыкновенный блескъ. На полу былъ разостланъ большой черный бархатный коверъ, на которомъ были вышиты золотомъ какіе-то странные углы и линіи; всѣ стѣны, казалось, были сдѣланы изъ одного цѣльнаго большаго зеркала; но предметы, отражавшіеся въ нихъ, блистали золотыми лучами. Лука испугался, взгля-

нувъ на себя въ зеркальную стѣну; онъ подумалъ, что и самъ сдѣлался золотомъ. Потолокъ казался такъ высокъ, какъ сводъ небесный, хотя снаружи хижина казалась низка, какъ шалашъ. Цвѣтъ потолка былъ голубой и блисталъ красными и желтыми искрами, которыя свѣтили, какъ звѣзды. На полу, для сидѣнья, были раскладены черныя бархатныя подушки съ золотой бахрамой и такими же кистями, и среди всего этого великолѣпія стоялъ простой, старый столикъ изъ сосноваго дерева; онъ казался вовсе не на своемъ мѣстѣ.

— Посмотри! вотъ столикъ, о которомъ я тебѣ говорилъ! сказалъ старичекъ:—отдай мнѣ свои деньги и возьми его себѣ. Если захочешь кушать, въ такомъ случаѣ только скажи ему: *столикъ, накройся*! И въ мигъ явится передъ тобою самое лучшее кушанье, все на серебрѣ. Когда захочешь какого-либо необыкновеннаго блюда, или напитка, спроси только у столика, и все тебѣ будетъ готово. Теперь поди себѣ, попробуй свой столикъ и если покупка эта тебѣ не понравится, то воротись опять ко

мнѣ; отдай мнѣ столикъ назадъ, и возьми свои деньги.

Лука скоро вышелъ изъ лѣса на большую гору; поставилъ столикъ подъ дубомъ, и сказалъ ему: столикъ, накройся! Въ одну минуту столикъ накрылся чистою, тонкою скатертью, и на немъ явился серебряный приборъ и шесть серебряныхъ блюдъ съ такими дорогими кушаньями, о которыхъ Лука не имѣлъ никакого понятія и за которыя не зналъ, какъ приняться, и чѣмъ ихъ ѣсть, ложкою, или вилкой. На каждомъ углѣ стола стояло по бутылкѣ вина.

Лука сѣлъ на травку возлѣ столика, пилъ и ѣлъ такъ вкусно, какъ еще никогда не ѣдалъ. Завидя издалека или усталаго путника, или работника, возвращающагося домой, послѣ трудовъ дневныхъ, онъ манилъ ихъ къ себѣ, показывая стаканъ и бутылку съ виномъ, поилъ и кормилъ гостей своихъ и угощалъ ихъ, какъ можно лучше. Такимъ образомъ онъ накрывалъ свой столикъ нѣсколько разъ, и прображничалъ до самой ночи. Ну, полно теперь! сказалъ онъ,—и все исчезло со

столика! Тогда онъ взвалилъ его на плеча и, не желая искать въ свѣтѣ другаго счастія, рѣшился возвратиться домой. Добравшись до перваго селенія, онъ пошелъ на постоялый дворъ, чтобъ тамъ переночевать.

Хозяинъ вышелъ его встрѣтить съ фонаремъ, потому что было ужъ совсѣмъ темно, и увидя, что онъ несетъ на плечахъ столъ, спросилъ съ удивленіемъ: что это, господинъ прохожій? Скажи, пожалуй, за чѣмъ это ты таскаешь на плечахъ этотъ дрянный столишко? Иль онъ кажется тебѣ очень хорошъ и ты боишься, чтобъ его у тебя не украли? Вотъ у меня есть столъ, ни дать, ни взять такой же, какъ родной ему братецъ! Хочешь, я и тотъ подарю тебѣ.

Лука расхохотался надъ хозяиномъ и отвѣчалъ ему:—нѣтъ, братъ! тебѣ такого столика и во снѣ не видать! Этотъ столикъ такъ хитеръ, какъ ты и не воображаешь! Онъ кормилецъ мой! Когда проголодаешься, стоитъ только сказать ему: столикъ, накройся! Тотчасъ и кушанье

готово и напитки стоятъ, и все есть, чего ни попросишь!

Хозяинъ выслушалъ этотъ разсказъ съ удивленіемъ и сказалъ:—ну, если это правда, такъ не диво, что ты такъ бережешь свой столикъ!—Потомъ, простясь съ Лукою, пошелъ къ себѣ. Лука же, уставъ отъ дороги, легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Хозяинъ не переставалъ думать о столикѣ, такомъ чудесномъ, и разсказалъ женѣ своей, что у нихъ ночуетъ постоялецъ, который принесъ съ собою такой диковинный столикъ, который самъ собою накрывается и подаетъ такія кушанья, какихъ только спросишь; хотя на видъ этотъ столикъ ничѣмъ не лучше того стараго сосноваго стола, который стоитъ въ чуланѣ возлѣ ихъ кровати, и такъ на него похожъ, что ихъ и распознать, кажется, невозможно. — Вотъ, жена, продолжалъ онъ:—хорошо бы намъ имѣть такой-то столикъ! Дорога у насъ большая, проѣзжая, гостинница наша извѣстная! Случается,—заѣдутъ проѣзжіе господа, а кушанья готоваго нѣтъ! Стыдъ, да и только! А ужъ

съ этакимъ столикомъ было бы безъ хлопотъ!

— А кто же намъ мѣшаетъ взять себѣ этотъ столикъ? возразила жена:—постоялецъ нашъ спитъ, какъ убитый; взойдемъ къ нему, унесемъ его столикъ, а на то мѣсто поставимъ свой. Самъ же ты говоришь, что его столика не распознаешь съ нашимъ!

Хозяинъ не соглашался и говорилъ, что не честно отнимать у людей ихъ собственность; но жена ужасно сердилась и бранила мужа.—Вотъ еще прекрасно! говорила она:—не честно! А что и честь, коли нечего ѣсть! Ты вѣкъ свой останешься дуракомъ! Еслибъ для тебя жареныя куропатки падали съ неба, ты и тогда не осмѣлился бы ихъ отвѣдать! — Она до тѣхъ поръ продолжала кричать на мужа, пока онъ принесъ старый свой столикъ и пошелъ съ нимъ къ постояльцу. Сперва жена полегоньку постучала въ дверь, чтобъ узнать, спитъ прохожій, или нѣтъ. Но Лука спалъ крѣпкимъ сномъ и храпѣлъ во всю горницу.

Тогда мужъ и жена, осторожно, вошли къ спящему; хозяйка взяла столикъ, принесенный Лукою, а хозяинъ поставилъ свой на то мѣсто, и потомъ они вышли потихоньку вонъ изъ горницы. Едва успѣли они придти къ себѣ, какъ хозяйка приказала столику накрыться, подсѣла къ нему и принялась отвѣдывать кушанье. Мужъ сѣлъ подлѣ нея, еще разъ поужиналъ и особливо много пилъ вина, которое было несравненно лучше всего того, что онъ продавалъ проѣзжающимъ, за такую дорогую цѣну. Пошедъ спать, они унесли *столикъ-накройся* въ свой чуланъ и заперлись съ нимъ.

На другой день Лука всталъ до свѣту; взялъ столикъ и, заплатя хозяину за ночлегъ нѣсколько копѣекъ, которыя у него остались отъ покупки столика, пошелъ обратно въ свою деревушку.

Нигдѣ не останавливаясь, не пивши, не ѣвши, поспѣшалъ домой съ своимъ сокровищемъ, думая: ужъ добравшись до дома, слаще поѣмъ и другихъ накормлю! Отецъ, удивленный такимъ скорымъ воз-

вращеніемъ старшаго сына, сказалъ:—здорово, Лука! Неужто успѣлъ ужъ ты найдти счастіе въ свѣтѣ?

—Успѣлъ, батюшка! отвѣчалъ радостно Лука:—я нашелъ счастіе, да еще какое! О такомъ счастіи никто не слыхивалъ, ни во снѣ не видывалъ!

—Да за чѣмъ же ты таскаешь на плечахъ этотъ старый, дрянный столишко? спросилъ отецъ.

—Въ немъ-то и счастье мое! отвѣчалъ Лука.

Отецъ бранилъ его и спрашивалъ, куда онъ дѣвалъ свои деньги. Лука сказалъ ему, что всѣ отдалъ за этотъ столикъ; но что столикъ этотъ пречудесный, что ему нѣтъ подобнаго въ цѣломъ свѣтѣ. Отецъ хотѣлъ было еще бранить его, но Лука не далъ ему выговорить ни слова.—Батюшка! сказалъ онъ:—будь спокоенъ! подожди бранить меня! Сперва узнай хорошенько мою покупку; ты самъ станешь ею радоваться! Поди-ка, собери къ намъ всѣхъ родныхъ, сосѣдей и знакомыхъ! Я хочу задать пиръ на весь міръ. Скажи всѣмъ, что

я возвратился домой и прошу всѣхъ къ себѣ откушать. Я приготовлю кушанье для всего селенія, не затопивъ печки, не взявъ у тебя не только ни одного полѣна дровъ, но даже и лучинки не спрошу! Все мое кушанье поспѣетъ гораздо прежде солнечнаго захожденія и всѣ гости разойдутся по домамъ и сыты и пьяны.

Отцу любопытно стало посмотрѣть на этотъ чудесный ужинъ. Онъ обѣгалъ всю деревню, созвалъ всѣхъ и пріятелей, и сосѣдей, и родныхъ на ужинъ къ сыну. Всѣ сбѣжались и сошлись; стали заглядывать въ печь, чтобъ увѣриться, правду ли имъ сказалъ старикъ, что Лука собирается приготовить ужинъ на всю деревню, не сжегши ни лучиночки. Крестный отецъ Луки, мельникъ, пришелъ послѣдній на званую пирушку. Увидя его, Лука сказалъ: теперь станьте всѣ вокругъ этого столика, который я принесъ съ собою, и посмотрите, что будетъ!

Но не было ничего, кромѣ общаго смѣха! Всѣ стояли кругомъ стола; Лука разъ сорокъ прокричалъ: столикъ, накройся!—

Столикъ не накрывался, стоялъ по прежнему безъ скатерти, безъ приборовъ, безъ кушанья, безъ винъ! Званые гости голодные и сердитые хотѣли уже расходиться по домамъ, досадуя за насмѣшку; чтобы задобрить ихъ, отецъ долженъ былъ поднесть имъ по чаркѣ водки. Еще старику же убытокъ!

Съ этого времени во всей деревни Лукѣ не было другаго имени, какъ Лукашка-хвастунъ, потому что онъ обѣщалъ то, чего не могъ выполнить. На другой день Лука, взявъ столикъ свой на плеча, пошелъ отыскивать маленькаго старичка, чтобы сказать ему, что недоволенъ своею покупкою, взять у него назадъ свои деньги и возвратить ему столикъ. Но онъ не только не нашелъ старичка, но даже не видалъ и слѣдовъ его избушки; все исчезло! Лука сталъ освѣдомляться о старичкѣ у всякаго, кого ни встрѣтитъ, но надъ нимъ смѣялись, считали его за сумасшедшаго и говорили: мы никогда и не слыхивали о твоемъ маленькомъ, сѣдомъ ста-

ричкѣ, и въ лѣсу нашемъ никогда не бывало такой чудесной избушки.

Онъ, съ горемъ, воротился домой и долженъ былъ работать у отца вмѣсто батрака. Бѣдный Лука! пошелъ искать счастія, а вмѣсто того нашелъ бѣду!

Спустя нѣсколько времени пришелъ другой братъ просить у отца позволенія идти въ далекія стороны, людей посмотрѣть, себя показать и поискать въ свѣтѣ счастія.

— Вздоръ! сказалъ отецъ;—развѣ и тебѣ хочется разориться также, какъ брату, да нажить себѣ прозвище. Вотъ, куда ни покажется Лука, всякой говоритъ:—*вотъ Лукашка-хвастунъ!* А ты будь поумнѣе! Нѣтъ, Ерема! оставайся-ка дома!

Но Ерема не хотѣлъ оставаться дома: онъ не давалъ покоя отцу, безпрестанно приставалъ, чтобъ онъ отдалъ ему тѣ деньги, которыя отложилъ на его долю, и отпустилъ искать въ свѣтѣ своего счастія. Всѣ крестьяне въ селеніи смѣялись и говорили: вотъ Трифоновъ другой сынъ со-

бирается странствовать по бѣлому свѣту! Посмотримъ, съ чѣмъ-то воротится Ерема!

Ерема вышелъ изъ дому рано поутру и передъ вечеромъ пришелъ къ густому лѣсу. Вдругъ явился передъ нимъ тотъ же самый маленькій старичекъ, съ сѣдою головою, и длинною бородою.—Здорово, Ерема! сказалъ онъ:—куда ты идешь, куда путь держишь, добрый молодецъ? Волею, иль неволею, или своею охотою.

Ерема удивился, что старичекъ знаетъ его и называетъ по имени; онъ отвѣчалъ:—я иду своею охотою, искать въ свѣтѣ счастія, и на это выпросилъ у отца тѣ деньги, которыя онъ отложилъ на мою долю, чтобъ мнѣ было чѣмъ начало положить моему исканью, и не съ пустыми руками идти въ далекія стороны.

—Счастливъ ты, что со мною встрѣтился! сказалъ старичекъ. Не возможно было лучше попасть! Отдай мнѣ свои деньги, а я за нихъ дамъ тебѣ *золотаго осла*; да такого осла, что ни за какую цѣну не купишь, и какому на свѣтѣ нѣтъ подобнаго! Стоитъ только сказать ему: *оселъ, стукни!* то онъ всѣми четырьмя ногами стукнетъ въ землю, и изъ-подъ каждаго копыта высыплется горсть золотыхъ денегъ, словно изъ полнаго кошелька.

Это очень понравилось Еремѣ; онъ съ радостью былъ согласенъ отдать всѣ свои деньги за такого осла, который въ одинъ часъ можетъ возвратить ихъ еще съ барышемъ!

Старичекъ повелъ его въ лѣсъ по узенькой тропинкѣ, и указалъ ему ту закутку, гдѣ стоялъ оселъ. Взошедъ въ нее, Ерема удивился. Закутка была лучше всякой горницы; ясли изъ чистаго серебра, стойло изъ червоннаго золота; а, вмѣсто соломы, подстилка была шелковая. На этой подстилкѣ лежалъ оселъ, ростомъ немножко поменьше обыкновенныхъ ословъ, и наружностью ни сколько не лучше ихъ. Въ серебряныхъ его ясляхъ лежали сѣно и солома точно такія же, какими питаются всѣ ему подобные, и онъ ѣлъ очень незатѣйливую пищу.

Старичекъ сказалъ: ну, Ерема, испытай осла; не обманулъ ли я тебя. Всѣ дѣла

надобно дѣлать осторожно!—Оселъ, стукни! вскричалъ Ерема; и поднявшись съ своей шелковой подстилки, оселъ стукнулъ; деньги золотыя посыпались, какъ дождь изъ-подъ его копытъ, и покатились по всей закуткѣ! Ерема былъ въ восторгѣ; онъ поспѣшилъ отдать старичку свои деньги и повелъ домой любезнаго своего осла.

Но какъ на пути застигла его ночь, то онъ зашелъ въ тоже самое селеніе и въ туже самую гостинницу, гдѣ ночевалъ братъ его и гдѣ безсовѣстный хозяинъ укралъ у Лукѣ *столикъ-накройся.* Когда хозяинъ предложилъ отвесть осла на конюшню, то Ерема сказалъ:—хозяинъ! сдѣлай милость, вмѣсто соломы, которую обыкновенно кладутъ на подстилку для всякой скотины, положи для моего осла мягкую перину, или пуховикъ! Завтра я за все заплачу вдесятеро! Я люблю осла моего, какъ душу! Такого осла во всемъ свѣтѣ не сыщешь! Только, хозяинъ, не говори ему никакъ: *оселъ, стукни!* Изъ этого можетъ выдти страшная бѣда, и я не берусь отвѣчать за то, что случит-

ся!—Никому бы и въ голову не пришло говорить ослу: *оселъ, стукни!* такая поговорка вовсе неупотребительна при хожденіи за ослами; но Ерема сказалъ это нарочно, чтобъ хозяину, сверхъ всякаго чаянія, не вздумалось попросить его осла *стукнуть,* и чтобы онъ не могъ видѣть, что при стуканьи изъ-подъ копытъ его сыплются деньги. Но вышло совсѣмъ напротивъ, какъ того и ожидать надлежало.

Ерема самъ смотрѣлъ, какъ втащили въ стойло пуховикъ и какъ на немъ улегся его золотой оселъ; потомъ вошелъ въ указанную ему горницу и заснулъ. Увѣрясь, что постоялецъ ихъ спитъ, хозяинъ и жена его вошли въ конюшню и сквозь щелочку смотрѣли въ стойло, гдѣ лежалъ золотой оселъ.—Какая же можетъ случиться бѣда, если онъ и стукнетъ? сказалъ хозяинъ женѣ:—я буду стоять за досчатою дверью, а онъ стучи себѣ въ стойлѣ, сколько хочетъ! Оттуда онъ не достанетъ до меня!

— Да еслибъ и досталъ, такъ бѣда не велика! отвѣчала жена:—вели ему стукнуть! Мнѣ очень хочется посмотрѣть, что изъ этого будетъ! Ну, а если въ самомъ дѣлѣ будетъ бѣда? сказалъ хозяинъ. Жена бранила его и называла трусомъ; хозяину стало стыдно; приложивъ губы къ щелочки двери, онъ крикнулъ: оселъ, стукни! и опрометью выскочилъ на дворъ.

Но женѣ было любопытно видѣть, что будетъ; она не побѣжала за мужемъ вонъ изъ конюшни, но осталась, съ фонаремъ, возлѣ стойла; она видѣла, что послѣ приказанія стукнуть, оселъ всталъ, стукнулъ всѣми четырьмя ногами въ пуховикъ и что изъ-подъ копытъ его посыпались золотыя деньги. Тутъ и она выбѣжала къ мужу въ радостномъ восторгѣ и манила его къ себѣ.—Развѣ я не говорила тебѣ, сказала она шопотомъ, что никакой бѣды не будетъ! Поди-ка въ конюшню, да загляни въ стойло; такъ увидишь, что тамъ лежитъ! Когда хозяинъ вошелъ въ стойло къ ослу и съ радостнымъ удивленіемъ подобралъ цѣлыя пригоршни золотыхъ де-

негъ, то жена сказала ему:—видишь ли ты, дурачина! это не бѣда, а золото! Хорошо, еслибы мы могли всякій день подбирать по стольку денегъ!

Хозяинъ въ восторгѣ радости сорвалъ съ своей головы шляпу, а съ жениной платокъ, бросалъ ихъ къ верху такъ, что они долетали до потолка; плясалъ въ присядку, прыгалъ на одной ножкѣ и кричалъ:—Ура! ура! Теперь-то мы разбогатѣемъ. Я выстрою новую, славную гостинницу; ужъ не этой будетъ чета! Поѣдутъ ко мнѣ нарочно, чтобъ попировать въ моей гостинницѣ; а осла не выпущу вонъ изъ дома!

— А какъ бы ты его не выпустилъ? спросила жена:—завтра же поутру прохожій спроситъ своего осла, что тогда дѣлать? Надобно будетъ отдать его! И не радъ, да готовь!

— Какъ бы не такъ! Не видать ему этого осла, какъ ушей своихъ! вскричалъ хозяинъ:—не бойся! Я ужъ знаю, какъ съ этимъ дѣломъ сладить! О! ты мой дорогой, мой золотой осельчикъ! Ненаглядное

мое сокровище! Нѣтъ, я съ тобой не разстанусь! Знаешь ли что, жена? У нашего мельника Никиты, ни дать, ни взять, точно такой же паршивый, маленькій ослишко. Онъ держитъ его малымъ дѣтямъ для забавы; да намедни жаловался, что оселъ его очень упрямъ сталъ, какъ сынишка его сядетъ верхомъ, то оселъ примется лягать и собьетъ его долой; ужъ онъ хотѣлъ бы и съ рукъ сбыть эту скотину, да нѣтъ на нее охотниковъ. Я сбѣгаю къ нему! Скажу, что у меня остановился проѣзжій, которому очень хочется имѣть осла, и предложу ему такую дорогую цѣну, что онъ съ радостью продастъ его, да еще спасибо мнѣ скажетъ. Пожалуй, дамъ ему пять, хоть десять изъ этихъ золотыхъ монетъ!—Сказавъ это, онъ побѣжалъ на мельницу. Пришедъ туда, онъ скоро кончилъ торгъ свой съ мельникомъ и привелъ домой купленнаго осла. Вошедъ въ стойло, онъ увидѣлъ, что жена его съ фонаремъ въ рукѣ подбирала разсыпанныя между соломою золотыя деньги; выпроводя мужа, она сказала сама себѣ: достанется ли

намъ оселъ, или нѣтъ, это еще дѣло неизвѣстное, а денежки-то все у насъ останутся! надобно ими позапастись!—и заставила ослика стукать въ землю до тѣхъ поръ, пока, обезсилѣвъ отъ усталости, онъ протянулся на пуховикѣ своемъ. Она рачительно подобрала все золото, которое было разсыпано по всему стойлу, чтобъ на другой день ничего не могли замѣтить и чтобы не возбудить какого подозрѣнія въ своемъ гостѣ.

Когда же она увидѣла, что мужъ ея привелъ съ собою маленькаго ослика, такъ похожаго на золотаго, что одного отъ другаго невозможно было отличить, то пришла въ совершенный восторгъ, Они связали золотаго осла, и бережно спустили его въ тотъ погребъ, гдѣ зимою берегли картофель и рѣпу, на мѣсто его положили на мягкій пуховикъ мельникова осла, и устроивъ все такимъ образомъ, пошли спать. Однако отъ радости и нѣкотораго безпокойства, они долго не могли уснуть. Жена и во снѣ бредила золотымъ осломъ

и нѣсколько разъ, сонная, принималась кричать: оселъ, стукни!

Бѣдный Ерема проснулся ранехонько; также и онъ не могъ покойно уснуть и онъ восхищался своимъ золотымъ осломъ; и помышляя, какъ всѣ въ деревнѣ будутъ почитать его, съ какимъ уваженіемъ отецъ, мать и братья будутъ смотрѣть на него, когда онъ приведетъ домой своего чудеснаго осла, онъ готовъ былъ прыгать отъ радости. Онъ спѣшилъ одѣться; пошелъ къ хозяину, щедро заплатилъ ему, какъ за свой ночлегъ, такъ и за пуховикъ, подостланный ослу; онъ расплачивался тѣми деньгами, которыя выстукнулъ ему оселъ передъ входомъ въ деревню, и не жалѣлъ ихъ, думая, что у него, когда только захочетъ, будетъ опять столько же; бѣдный и не подозрѣвалъ, что это были его послѣднія денежки! Наконецъ, вошедъ въ конюшню, онъ взялъ осла, ни мало не замѣчая, что онъ подмѣненъ и пошелъ съ нимъ домой.

Ерема возвратился въ свою деревню еще засвѣтло; однако скотъ пригнали уже съ

поля, и отецъ, накормя свою скотину, шелъ въ избу, когда увидѣлъ идущаго на дворъ Ерему, вмѣстѣ съ долгоухимъ осломъ. Что это? спросилъ отецъ:—ты скорехонько возвратился, Ерема, да еще и съ товарищемъ! Ну, чтожъ, братъ, нашелъ ли счастіе въ свѣтѣ!

— Нашелъ, нашелъ, батюшка! отвѣчалъ Ерема, поглаживая своего осла и любуясь имъ. Отцу стало досадно, что Ерема не хочетъ ничего разсказывать; онъ еще спросилъ у него:—по крайней мѣрѣ, цѣлы ли твои деньги? Надѣюсь, что ты не всѣ ихъ отдалъ за эту дрянную скотину, и что ты не въ ослѣ полагаешь свое счастіе?

— А почему же бы и не такъ! возразилъ Ерема, привязывая осла въ стойлѣ. Не сердись, батюшка! я поступилъ умнѣе и осторожнѣе брата Луки; ужъ будешь мною доволенъ: это я знаю! Теперь подика, родимый, созови всю деревню, отъ мала до велика, и родныхъ, и друзей, и сосѣдей. Я хочу, чтобъ всѣ порадовались моему счастію! И когда всѣ соберутся,

тогда я покажу, какія чудеса дѣлаетъ мой оселъ.

— Можно вообразить, какія онъ дѣлаетъ чудеса! отвѣчалъ отецъ:—на что тебѣ собирать всю деревню! Или и тебѣ захотѣлось быть посмѣшищемъ всему міру, какъ брату твоему Лукѣ. Онъ у всѣхъ прослылъ хвастуномъ, и другаго имени ему нѣтъ въ деревнѣ, какъ Лукашка-хвастунъ; а у насъ въ крестьянствѣ обычай такой, что разъ прозвище наживешь, и дѣтямъ оно достанется! Ужъ будутъ звать Лукашкиныхъ дѣтей *Хвастуновыми*! сердце мое это чуетъ! А тебѣ чего захотѣлось?

— Будь покоенъ, батюшка! сказалъ Ерема:—только послушайся меня! Сдѣлай то, что я говорю тебѣ! Я ужъ знаю, что ты будешь доволенъ мною, что похвалишь меня, когда хорошенько разспознаешь мою безцѣнную покупку. Жили мы въ довольствѣ до сихъ поръ, и слыли богатыми; но теперь только мы впрямь богаты стали, богаче самаго господина! Вѣдь—не простаго же осла я купилъ на всѣ свои деньги! Это—золотой оселъ!

— Золотой оселъ! воскликнулъ отецъ съ удивленіемъ; но, при взглядѣ на Еремина осла, такое счастіе казалось ему невозможнымъ; онъ съ недовѣрчивостью покачалъ головою и пошелъ сзывать родню, друзей, сосѣдей и знакомыхъ; повелъ ихъ всѣхъ къ себѣ и дорогою разсказывалъ, что сынъ его Ерема возвратился и привелъ съ собою осла, котораго онъ называетъ *золотымъ осломъ*, который дѣлаетъ чудеса и отъ котораго онъ такъ разбогатѣетъ, что будетъ не только богаче прикащика, но даже богаче и самаго господина.

Пришедъ домой со всѣми своими зваными гостями, старикъ замѣтилъ, что осла ужъ не было на дворѣ. Гости вошли въ горницу и увидѣли, что Ерема ввелъ осла своего въ горницу прежде ихъ и зажегъ двѣ свѣчи, потому что уже совсѣмъ смерклось и Ерема боялся оставаться на дворѣ, чтобы не растерять своихъ денегъ, когда онѣ посыплются изъ-подъ копытъ драгоцѣннаго ослика; въ горницѣ же ихъ ловчѣе было подобрать.

Когда всѣ гости собрались, Ерема, выступя съ превеликою важностью, разставилъ все собраніе около своего осла.—Теперь посмотрите, что будетъ, сказалъ онъ.—и оборотясь къ ослу, крикнулъ громкимъ голосомъ:—оселъ, стукни! Но оселъ, вмѣсто того, чтобы стукнуть, какъ оглушенный его крикомъ, хлопнулъ сперва однимъ ухомъ, потомъ и другимъ. Ерема повторилъ: оселъ, стукни! Не тутъ-то было! Оселъ стоялъ смирнехонько, только что похлопывалъ своими длинными ушами. Гости поглядывали другъ на друга, улыбаясь; отецъ ворчалъ, а Еремѣ страшно стало. Онъ боялся сдѣлаться посмѣшищемъ цѣлой деревни, подобно брату своему Лукѣ. Ерема изо всей силы ударилъ осла кулакомъ по спинѣ, закричавъ: оселъ, стукни!—Это было очень понятно для долгоухаго; онъ стукнулъ, но не такъ, какъ хотѣлось Еремѣ! Онъ лягнулъ задними ногами, ударилъ Ерему и закричалъ во все свое ослиное горло: ига! ига! ига!

Ерема, получа сильный ударъ, отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ отъ осла и повалился на полъ. Всѣ присутствующіе громко хохотали; а Ерема плакалъ, не отъ боли, а отъ стыда и горя. Родные, пріятели, сосѣди, знакомые, поблагодаря Ерему за угощеніе, разошлись по домамъ. Съ тѣхъ поръ Ерема во всемъ селеніи прослылъ: *Еремою-долгоухимъ осломъ*. А какъ такой титулъ былъ слишкомъ длиненъ, то его сократили просто въ *долгоухаго*. Напримѣръ: кто идетъ?—Долгоухій!—Кто сказалъ? — Долгоухій! — И такъ далѣе. Всѣ знали уже, что дѣло идетъ о Еремѣ, хотя уши его были вовсе не длиннѣй обыкновенныхъ ушей; но всякій въ воображеніи своемъ прикладывалъ къ Ереминымъ ушамъ еще и ослиныя. Когда онъ шелъ по улицѣ, то ребятишки толпою бѣжали за нимъ въ слѣдъ, крича: оселъ, стукни! ига! ига! ига!—И чѣмъ больше онъ сердился, тѣмъ больше его дразнили.

Еремѣ стало жить несносно, и онъ опять пустился въ путь съ осломъ своимъ, желая отыскать маленькаго, сѣдаго старичка, чтобы возвратить ему осла и взять назадъ свои деньги. Но онъ не нашелъ ни ста-

ричка, ни дома его, ни закутки, и долженъ былъ возвратиться домой. Тамъ жилъ онъ у отца своего ужъ не какъ сынъ, а какъ батракъ.

Вотъ настала очередь и меньшаго сына, котораго звали Иваномъ. И тому захотѣлось поискать счастія въ свѣтѣ. Можетъ статься, думалъ онъ, мнѣ будетъ лучшая удача, нежели братьямъ моимъ!—И онъ пошелъ къ отцу просить послѣднихъ денегъ, отложенныхъ на его долю родителемъ. Но отцу не хотѣлось ни отпускать его, ни отдавать ему деньги.—Иванушка! сказалъ онъ:—ты съ малолѣтства былъ и умнѣе и покорнѣе братьевъ своихъ! Послушайся меня, старика, и теперь! Не ходи на чужую сторону! Что проку болтаться по бѣлому свѣту и добывать счастія, не вѣсть какого, когда и дома, по милости Божіей, жизнь тебѣ не плохая! А какъ, на мѣсто счастія, ты добудешь себѣ покоръ? Не осрамись и ты, какъ братья твои! Не клади позора на доброе имя мое и на сѣдую мою голову, чтобы мнѣ на старости лѣтъ не сдѣлаться посмѣшищемъ міру, и

чтобы добрые люди не указывали пальцемъ на дѣтей моихъ!

— Нѣтъ, родимый, отпусти меня! говорилъ Иванъ. Я и тѣмъ доволенъ буду, если обманутъ и меня, какъ братьевъ моихъ! Батюшка родимый, я этого дольше снести не могу, что я, младшій всѣхъ, одинъ живу, какъ сынъ, въ домѣ родительскомъ, а старшіе мои братья, не какъ дѣти твои, а какъ батраки работаютъ на тебя! Какъ-будто они чужіе тебѣ! Мнѣ и жалко и стыдно смотрѣть на нихъ.— Отдай мнѣ долю мою денегъ; если я также, какъ они, промотаю ихъ, тогда поровняюсь съ братьями; тогда ты, батюшка, или всѣхъ насъ троихъ примешь, какъ сыновей своихъ, или всѣхъ троихъ будешь считать работниками. По крайней мѣрѣ я не буду ни лучше, ни хуже братьевъ моихъ!

Такая рѣчь понравилась отцу; онъ обнялъ Ивана и сказалъ ему:—ты правъ, сынъ мой! возьми свою долю денегъ и ты, и ступай съ Богомъ искать въ свѣтѣ своего счастія!—Потомъ, когда вся семья сошлась провожать Ивана, старикъ отперъ

сундукъ, досталъ изъ него деньги, отложенныя на долю меньшаго сына, и сказалъ:—дѣти! это послѣднія мои деньги; я наживалъ ихъ для васъ, честно, трудясь въ потѣ лица моего! Теперь я уже устарѣлъ, трудиться для васъ, по прежнему, не могу; а вы всѣ ужъ въ совершенномъ возрастѣ; наживайте себѣ богатство сами. если на то есть воля Господня, чтобъ вы были богаты. Иванушка! вотъ твои деньги! Возьми ихъ вмѣстѣ съ моимъ родительскимъ благословеніемъ! — Онъ благословилъ Ивана и отпустилъ его на всѣ четыре стороны.

Когда по деревнѣ разнесся слухъ, что и послѣдній Трифоновъ сынъ пошелъ странствовать по бѣлу свѣту и искать своего счастія, то всѣ крестьяне, собравшись, говорили: видно, старикъ ужъ изъ лѣтъ выжилъ, рѣхнулся въ умѣ! Неслыханное дѣло, чтобъ такъ потворствовать дѣтямъ! Позволять имъ исполнять всѣ прихоти и на старости лѣтъ разоряться для нихъ!

Иванушка, между тѣмъ, шелъ путемъ-дорогою и напалъ онъ, самъ того не зная, на слѣды братьевъ своихъ. Подъ вечеръ пришелъ онъ къ густому непроходимому лѣсу. Вошедъ въ самую чащу, онъ увидѣлъ передъ собою маленькаго, сѣдаго старичка, съ длинною бородою, который сказалъ ему:—здорово, Иванъ Трифоновичъ! Куда ты идешь, добрый молодецъ, куда тебя Богъ несетъ? Волею, иль неволею, или своею охотою?

Иванушка отвѣчалъ:—и волею, и неволею, а пуще своею охотою! Но, скажи мнѣ, дѣдушка, почему ты меня знаешь, по имени называешь и по отчеству величаешь?—Какъ же мнѣ не знать тебя! отвѣчалъ старикъ:—я ждалъ тебя, Иванушка, и все про тебя знаю! Мнѣ извѣстно, что ты выпросилъ у отца тѣ деньги, которыя онъ приготовилъ на твою долю и что съ ними ты идешь искать въ свѣтѣ твоего счастія, также, какъ то затѣвали и братья твои. Имъ счастье и попадалось, да они не умѣли беречь его! Глупому сыну не въ помощь богатство! Не сер-

дись за это слово; я сказалъ правду! Знаю, что ты любишь братьевъ своихъ и не очень дорожишь деньгами; знаю, что, промотавъ свое имѣніе, ты не только не станешь жалѣть о немъ, но еще будешь радоваться, что поровнялся съ братьями и что отецъ будетъ содержать тебя наравнѣ съ ними. Все это очень похвально; однако не трать безъ толку того, что нажито родителемъ трудами честными, и что дано тебѣ съ благословеніемъ! Послушай моего совѣта: у меня ужъ нѣтъ драгоцѣнности, подобной тѣмъ, которыя отдалъ братьямъ твоимъ; но если ты отдашь мнѣ свои деньги, то за нихъ я дамъ тебѣ такую вещь, которая хотя сначала и покажется тебѣ маловажною, но можетъ оказать величайшія услуги!

— Чтожъ бы это такое было, дѣдушка? спросилъ Иванъ:—скажи только! Можетъ статься, я и соглашусь отдать тебѣ всѣ мои деньги за эту вещь!

— Ну, а я за нихъ дамъ тебѣ *кнутикъ въ мѣшечкѣ*, отвѣчалъ старикъ:— носи его въ карманѣ. Тебѣ стоитъ только

сказать: кнутикъ, вонъ изъ мѣшечка! Тотчасъ кнутикъ выпрыгнетъ изъ кармана и примется самъ собою наказывать всѣхъ зломыслящихъ противъ тебя людей; тебѣ и называть ихъ не нужно будетъ; онъ самъ ихъ отыщетъ, и до тѣхъ поръ не перестанетъ бить, пока ты не скажешь ему: кнутикъ, въ мѣшечекъ!

Хотя Иванушка и не былъ забіяка, но это понравилось ему; онъ подумалъ: этимъ кнутикомъ мнѣ можно будетъ защищать отъ обидъ бѣдныхъ моихъ братьевъ, которымъ отъ насмѣшекъ никуда показаться нельзя!—И отдалъ старичку свои деньги, за которыя получилъ отъ него кнутикъ. Иванушка, бережно, положилъ свой кнутикъ въ карманъ и, распрощавшись съ маленькимъ, сѣдымъ старичкомъ, пошелъ домой. Провожая его, старичекъ говорилъ:— послушай, Иванъ, становится поздно, ты зайди переночевать въ первую деревню, какая будетъ у тебя на пути, тамъ найдешь хорошій ночлегъ; тамъ есть славная гостинница, ступай прямо туда, и спрашивай, какого только хочешь кушанья и напит-

ковъ. О расплатѣ не заботься; коли будешь уменъ, да догадливъ, то деньги найдутся!—И когда Иванъ, поклонясь старичку, ушелъ, то онъ еще-таки прокричалъ ему въ слѣдъ:—смотри-жъ, Иванъ, не забудь, что я тебѣ приказывалъ! Иди переночевать въ лучшую гостинницу! Ее всякій тебѣ укажетъ.

Иванъ послушался; пришедъ въ деревню, пошелъ ночевать въ гостинницу, но думалъ про себя: что̀ бы это значило? Отъ чего старичекъ настаивалъ, чтобъ я непремѣнно ночевалъ здѣсь! Тутъ что нибудь да кроется! Смотря на великолѣпное убранство гостинницы, онъ подумалъ: ужъ не здѣсь ли остался Еремины золотой оселъ? Хотя у него въ карманѣ не было ни копѣйки, однако, помня старичковы слова, онъ спросилъ себѣ ужинать и ему подали прекраснаго кушанья на серебряномъ блюдѣ. И это въ деревнѣ! подумалъ Иванъ: вѣрно, братъ Лука оставилъ здѣсь свой *столикъ-накройся!* Не даромъ старичекъ посылалъ меня въ эту гостинницу. Здѣсь нашелъ я тѣхъ бездѣльниковъ, которые

ограбили братьевъ моихъ! Но какъ бы открыть ихъ плутовство?.. Авось они сами попадутся.

—И прощаясь съ хозяиномъ и хозяйкою, онъ сказалъ:—хозяинъ! я сплю очень крѣпко; ничего не слышу, что вокругъ меня дѣлается! Пожалуйста, не прикажи никому входить въ ту комнату, гдѣ я буду ночевать; а если кто и взойдетъ ко мнѣ, то чтобъ никакъ не говорилъ: *кнутикъ, вонъ изъ мѣшечка!* Не то бѣда будетъ? Послѣ этого, поклонясь хозяину и хозяйкѣ, онъ пошелъ къ себѣ въ комнату и легъ спать.

Проводя его, хозяйка сказала мужу:—замѣчаешь ли ты?.. Съ нами случается еще какая-то диковинка? Намъ, видно, опять будетъ, чѣмъ поживиться! Прохожій не даромъ говорилъ намъ о своемъ кнутикѣ!

—Какъ не замѣтить! я очень это замѣтилъ! отвѣчалъ хозяинъ: мнѣ хотѣлось бы попробовать, что будетъ? Обыкновенный кнутикъ ничего не разумѣетъ; видно, тутъ что нибудь да не просто! Однако

это мнѣ кажется что-то подозрительно! И впрямь не было бы какой бѣды!

— Подозрительно! прервала хозяйка:— ахъ, ты трусъ всесвѣтный! Ну, чего тутъ бояться? какой быть бѣдѣ? *Оселъ-стукни* тебѣ также казался подозрительнымъ! Ты также боялся бѣды; а что вышло? Кто знаетъ? Можетъ статься, кнутикъ еще лучше столика, и лучше даже осла! Можетъ статься, онъ возвращаетъ и здоровье, и молодость, какъ тѣ яблоки, о которыхъ намъ разсказываютъ въ сказкахъ! Намъ только того и недостаетъ!

— Быть можетъ, что ты и права! отвѣчалъ хозяинъ. Попробуемъ! Попытка не шутка, спросъ не бѣда!—Сказавъ это, они прокрались въ ту комнату, гдѣ ночевалъ Иванъ; найдя его спящимъ крѣпкимъ сномъ, они подошли ближе и крикнули: кнутикъ, вонъ изъ мѣшечка!—Вдругъ выпрыгнулъ кнутикъ изъ Иванова кармана и принялся хлопать безпощадно по спинамъ то хозяина, то хозяйку; они такъ

громко кричали, что наконецъ разбудили Ивана.

Иванъ сердечно обрадовался, увидя, что хозяинъ и хозяйка сами обнаружили свое плутовство и сами же и наказывали себя за него. Онъ еще разъ закричалъ: кнутикъ, вонъ изъ мѣшечка! И при звукѣ хозяйскаго голоса кнутикъ удвоилъ силы и проворство и съ какимъ-то остервенѣніемъ билъ хозяина и хозяйку, которые съ ужаснымъ крикомъ бѣгали по всему дому. Но кнутикъ не отставалъ; онъ всюду гонялся за ними, не переставая ихъ бить изо всей силы. Набѣгавшись вездѣ, они возвратились къ Ивану, и съ горькими слезами, и жалостнымъ воплемъ, просили его унять свой кнутикъ,

— А, вамъ захотѣлось обокрасть меня также, какъ вы ограбили моихъ братьевъ! сказалъ Иванъ. Кнутикъ не уймется, пока вы не поклянетесь, что возвратите мнѣ и *столикъ-накройся, и золотаго осла!*— Клянемся нашей жизнію, что отдадимъ тебѣ все! кричали они въ одинъ голосъ:—

и сверхъ того, бери у насъ все, что тебѣ угодно, только избавь отъ кнутика!

— Хорошо! сказалъ Иванъ:—смотрите же, сдержите слово! А не то кнутикъ опять примется за свое дѣло! Теперь пока полно, будетъ съ васъ! Кнутикъ, въ мѣшокъ! прибавилъ онъ.—И кнутикъ немедленно свернулся, полетѣлъ прочь, и улегся въ Ивановомъ карманѣ.

Иванъ не могъ удержаться отъ смѣха, провожая хозяина и хозяйку, а они со слезами пошли спать; но никакъ не могли уснуть! Теперь ужъ не отъ радости, какъ было прежде, когда они украли столикъ и осла; а отъ горя, что должны были разстаться съ ними, и что причиною этого несчатія было собственное любопытство и алчность къ богатству.

На другой день, рано поутру, Иванъ пошелъ къ хозяину и требовалъ отъ него столика и золотаго осла. Но хозяинъ и хозяйка принялись спорить и не хотѣли отдать ихъ.—Видно, сказалъ Иванъ, мнѣ

придется опять выслать на васъ мой кнутикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! отецъ ты нашъ родной! помилуй! вскричали въ одинъ голосъ мужъ и жена:—возьми все, что мы имѣемъ, только не высылай на насъ своего кнутика! Онъ, окаянный, измучилъ насъ!— Сказавъ это, они уже безпрекословно принесли столикъ и вывели изъ конюшни осла. Но Иванъ былъ осторожный малый; имѣя дѣло съ людьми бесчестными, онъ боялся быть обманутымъ, и потому захотѣлъ все испытать. Сперва онъ сказалъ: *столикъ-накройся!*—Въ одну минуту столикъ накрылся чистою скатертью, на немъ явились различныя кушанья и напитки. Иванъ сѣлъ къ столу, приглашая хозяина и хозяйку покушать вмѣстѣ съ нимъ; но имъ, отъ горя и стыда, кусокъ въ горло не шелъ. Позавтракавъ исправно, онъ также захотѣлъ испытать и осла, и оборотясь къ нему сказалъ: *оселъ-стукни!* Оселъ стокнулъ и золотыя деньги, изъ-подъ копытъ его, посыпались по двору.— Возьмите эти деньги себѣ за ночлегъ

мой!—сказалъ Иванъ хозяину и хозяйкѣ. Потомъ, взваливъ столикъ на спину золотаго осла, онъ погналъ его передъ собою. Хозяинъ и хозяйка печально смотрѣли ему въ слѣдъ.

Къ вечеру Иванъ возвратился въ свою деревню. Отецъ стоялъ у воротъ и увидѣлъ издали молодаго парня, гонящаго передъ собою навьюченнаго осла. Когда Иванъ подошелъ ближе, старикъ подумалъ: какъ этотъ малый похожъ на моего Иванушку!—Иванъ подошелъ къ воротамъ, и Трифонъ узналъ своего сына. Теперь не нужно было сзывать родню, друзей, сосѣдей и знакомыхъ. Вся деревня, отъ мала до велика бѣжали за Иваномъ, ожидая увидѣть въ Трифоновомъ домѣ опять какую нибудь глупость. Всѣ говорили: Иванушка Трифоновъ воротился! Намъ опять будетъ надъ чѣмъ посмѣяться! Всѣ бѣжали за нимъ и ухали ему въ слѣдъ.

Иванъ терпѣливо переносилъ насмѣшки, которыя сыпались на него со всѣхъ сто-

ронъ. Онъ молча шелъ по улицѣ. Остановясь у воротъ отцовскаго дома, онъ снялъ столикъ съ осла, позвалъ отца мать и братьевъ и низко имъ поклонился. Вся семья сошлась, но смотрѣла на Ивана со страхомъ; всѣ боялись, чтобъ и съ нимъ не случилось такой же бѣды, какъ съ его старшими братьями. Увидя всѣхъ своихъ возлѣ себя. Иванъ сказалъ: *столикъ, накройся!* Столикъ раздвинулся и накрылся на столько приборовъ, сколько было особъ въ ихъ семействѣ; на немъ явились самыя дорогія явства и напитки. Потомъ Иванъ сказалъ: *оселъ, стукни!* Оселъ стукнулъ, и золотыя деньги полетѣли изъ-подъ копытъ его во всѣ стороны. Многіе изъ ребятишекъ, провожавшихъ Ивана съ насмѣшками до самаго дома, бросились подбирать блестящія золотыя монеты.—Но Иванъ сказалъ еще: *кнутикъ, вонъ изъ мѣшечка!*—Кнутикъ, выпрыгнувъ изъ Иванова кармана, отыскалъ въ толпѣ народа всѣхъ тѣхъ, которые насмѣхались надъ его хозяиномъ, и принялся ихъ наказывать. Они побѣжали прочь,

а кнутикъ летѣлъ за ними по деревнѣ и не переставалъ ихъ сѣчь. Сдѣлался превеликій шумъ; иные смѣялись, иные кричали, иные плакали, а у многихъ были зарубцы на спинахъ. Наконецъ Иванъ сказалъ: *кнутикъ, въ мѣшечекъ!* и все успокоилось.

Когда любопытные разошлись, Иванъ отдалъ брату своему Лукѣ столикъ, а Еремѣ золотаго осла. Это принадлежитъ вамъ! говорилъ онъ:—я не хочу отнимать у васъ вашей собственности.—Братья бросились обнимать его, благодарили отъ всего сердца, и каждый взялъ себѣ даръ свой. Потомъ *столикъ-накройся* изготовилъ для всѣхъ славный ужинъ, и они весело легли спать.

Братья жили всегда вмѣстѣ, нераздѣльно и въ совершенномъ согласіи. Золотой оселъ доставилъ имъ богатство несмѣтное, которое имъ въ прокъ шло, потому что они употребляли его на добрыя дѣла, и ни одинъ бѣдный не отходилъ отъ воротъ ихъ безъ подаянія. Луку перестали звать

хвастуномъ, а Ерему долгоухимъ осломъ; всѣхъ трехъ братьевъ не иначе называли, какъ по имени и отчеству; но больше всѣхъ почитали Ивана Трифоновича. Завидя его издали, всякій снималъ шапку, и родители, указывая на него дѣтямъ, говорили: онъ возвратилъ старшему брату *столикъ-накройся*, а среднему *золотаго-осла*; себѣ же добылъ *кнутикъ въ мѣшечкѣ*. Смотрите! будьте добрыми дѣтьми! Не то, онъ скажетъ: кнутикъ, вонъ изъ мѣшечка! И бѣда вамъ будетъ!

И *столикъ-накройся* изломался, и *золотой оселъ* околѣлъ, и *кнутикъ въ мѣшечкѣ* истрепался, и Иванъ съ братьями давно были зарыты въ сырой землѣ, покоясь въ могилахъ своихъ; а преданіе о кнутикѣ все еще пугало дѣтей; и долго, долго въ той деревнѣ не было злыхъ ребятишекъ.

Теперь повѣсть о кнутикѣ въ мѣшечкѣ почти совсѣмъ забыта; вотъ почему на свѣтѣ такъ много упрямыхъ, сердитыхъ, непослушныхъ ребятишекъ. Но берегитесь, шалуны! Не затрогивайте прохожихъ и

проѣзжихъ, не насмѣхайтесь надъ ними! Глупости никогда даромъ не проходятъ! Почему вы знаете: можетъ статься, еще въ наши времена вамъ попадется какой нибудь Иванъ, съ кнутикомъ, если не въ мѣшечкѣ, такъ за поясомъ, или въ рукахъ.

КОНЕЦЪ.

